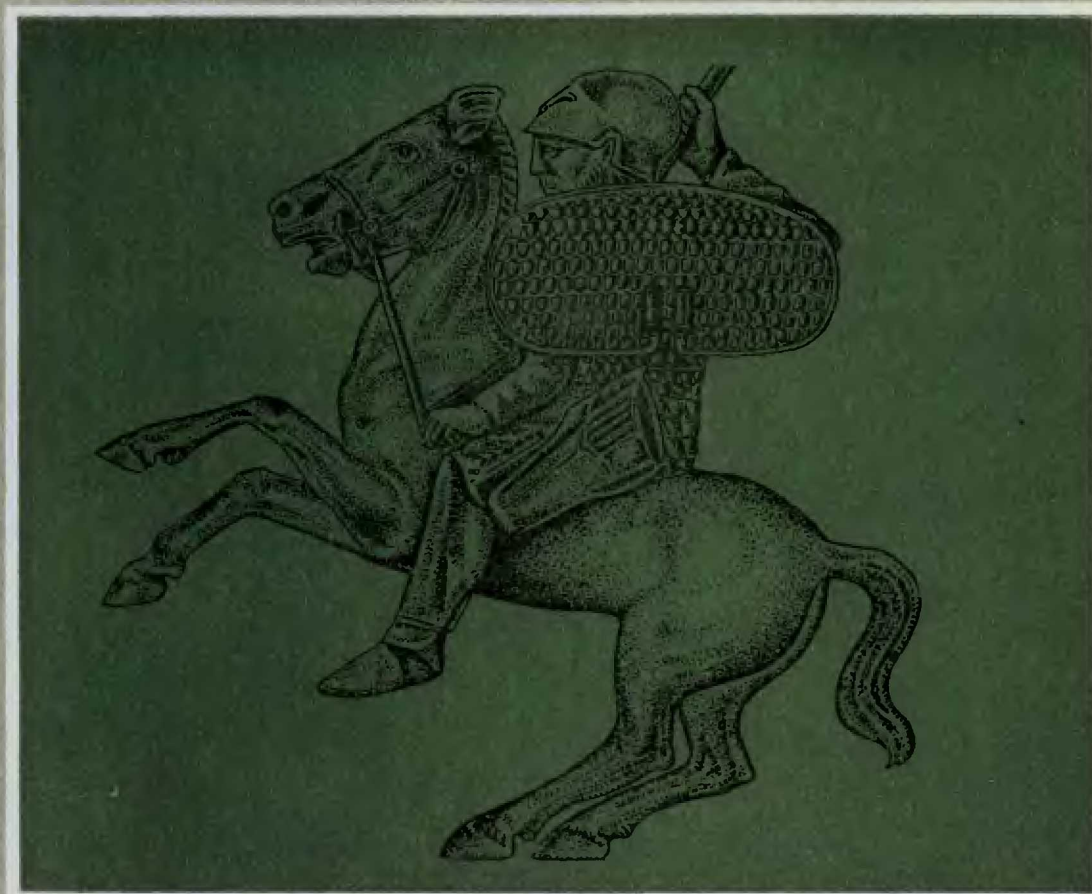

ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ И САРМАТОВ

Наукова думка

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ И САРМАТОВ

Сборник научных трудов

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1984

В сборнике рассматриваются вопросы происхождения, развития и типологии одного из основных компонентов материальной культуры ранних кочевников Северного Причерноморья — оружия. Публикуются новые находки предметов вооружения киммерийского, скифского и сарматского времен.

Для археологов, историков, всех, кто интересуется прошлым нашей страны.

Редакционная коллегия *Е. В. Черненко* (ответственный редактор), *Б. Н. Мозолевский*, *В. Ю. Мурзин* (ответственный секретарь)

Рецензенты *С. С. Березанская*,
А. И. Мелюкова

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике

0507000000-646
В М221(04)-84 55-85

© Издательство «Наукова думка», 1984

С. С. Бессонова

О КУЛЬТЕ ОРУЖИЯ У СКИФОВ

В скифской религии культ оружия занимает, пожалуй, особое место, что находит подтверждение в античных источниках, в археологических материалах, его отголоски сохранились в осетинском нарском эпосе до наших дней.

Согласно Геродоту (IV, 59, 62), а его свидетельство в этом вопросе является решающим, среди скифских богов было божество по имени Арей, кумиром которого был древний железный меч. Этот культ, главное содержание которого достаточно ярко выступает в выразительном описании Геродота, привлекает в последнее время внимание исследователей, чье мнение существенно расходится в таких пунктах, как происхождение культа и персонафикация божества. Высказываются предположения об индоиранской природе культа¹, о родстве скифского Арея с фракийским богом войны², о центральноевропейском происхождении мифологической изоглоссы о боге — мече³. Поэтому целесообразно еще раз обратиться к исследованию культа оружия у скифов, составной частью которого был культ Арея.

Культ Арея по данным письменных источников. Особое внимание древних авторов к скифскому культу меча вызвано, видимо, не только его жестокой экзотичностью. Не менее жестокие проявления культа Арея были известны и в Греции. В представлении эллинов, у которых во времена Геродота со

скифами прочно ассоциировались такие черты, как воинственность, кроважность в битвах и дикость, именно почитание меча было наиболее «естественной» формой скифской религии. И лишь свидетельство Геродота помогает представить важность этого культа в жизни скифов. Только этому божеству сооружали скифы «алтари», а жертвоприношения ему отличались особой пышностью и жестокостью. «В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длинной и шириной почти в 3 стадия*, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтора ста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека... Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются пад сосудом. Затем несут кровь наверх кучи хвороста и окропляют

---

* 3 стадия составляют более 500 м. Размеры явно завышены Геродотом или его информатором.

ют ею меч... А внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после закалывания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп лежит отдельно»⁴.

О поклонении скифов мечу упоминают также Лукриан (использующий иной, нежели Геродот, источник)⁵, Помпоний Мела⁶, Климент Александрийский (со ссылкой на Эвдокса)⁷ и повторяющий его Арнобий⁸, Гай Юлий Солин⁹. Поздние (после Геродота и Лукиана) письменные источники мало что добавляют к известным сведениям, к тому же этникон скифы употреблялся в те времена в расширенном понимании этого термина¹⁰. Так что не всегда ясно, относятся ли эти сведения к скифам или к их соседям, близким к ним по культуре и уровню общественного развития. Сохранение этого культа у поздних скифов подтверждается археологически — на Усть-Альминском городище в Крыму найдена массивная плита с изображением меча¹¹.

На основании данных лингвистики об этом культе нельзя сделать никаких выводов. Геродот не называет скифского имени божества войны. По мнению некоторых исследователей, такого божества не было вообще, это было чисто фетишистское поклонение мечу, за которым еще не таилось представлений о каком-либо существе¹². Действительно, в древнегреческом языке «арес» — одно из наименований меча¹³; в поэзии встречаются метафоры типа «убит Аресом» (вместо «убит копьем») ¹⁴, упоминается о преимущественном, по сравнению с богами, почитании оружия¹⁵. Но приведенные примеры могут служить также иллюстрацией к положению, что для греческого мышления было характерным отождествление «фетиша» (оружия) и одноименного божества. Такое образное мышление, судя по исследованию об-

разов скифского искусства звериного стиля, было характерно и для скифов¹⁶. Почитание меча у скифов, вероятно, можно характеризовать как высшую форму фетишизма, когда фетиш получает свою силу благодаря духу — божеству или его прямому вселению¹⁷. Во всяком случае, этот культ не является надежным аргументом в пользу мнения о слабой антропоморфизации скифской религии и скифского пантеона¹⁸. Мы не затрагиваем сложный вопрос о степени антропоморфизации скифских богов¹⁹, но попытаемся показать, что скифский Арей имел и иное, отличное от меча, воплощение на основе анализа его культа. В качестве косвенных аргументов в защиту такой точки зрения можно сослаться на того же Геродота. При перечислении богов Геродот не называет и скифского имени Геракла, который явно мыслился антропоморфным существом (по крайней мере в легендах) и был известен в Скифии в греческом иконографическом облике²⁰. Далее, во Фракии, например, у всех племен были свои воинственные боги-покровители, каждый из которых имел особое имя, а в официальном пантеоне они представлялись божеством, которое Геродот именует Ареем²¹. Может быть, и скифский Арей — такое же собирательное имя? Или оно было табуировано?²²

Каковы бы ни были причины умолчания Геродотом имени скифского бога, функциональное совпадение культов греческого и скифского Арея несомненно. Возможно, именно этим и объясняется отсутствие имени скифского бога в рассказе Геродота (ведь имя, согласно понятиям древних, заключало в себе сущность божества). А сущность обоих богов, с точки зрения Геродота, довольно близка между собой и общеизвестна. Это были божества войны по преимуществу. Специальные божества войны выделяются сравнительно рано, на стадии сложения politeизма. Мистический военный

дух древние приписывали влиянию божественных сил. Так, у древних индийцев и иранцев специальные божества войны были известны уже в индоиранский период²³, но чисто «военные» божества в истории религии, пожалуй, неизвестны. Военная функция обычно сосуществует с другими, менее четко выраженными, но тем не менее существенными для общества. Так, у древних индоевропейцев военная функция ассоциировалась с производительной, и их божества войны в большей или меньшей степени имеют отношение к плодородию (см. ниже). Что касается древнегреческого Арея, то, как предполагают, первоначально он был божеством ветров и бурь²⁴. Возможно также его северное, фрако-фригийское происхождение²⁵. Ко временам Геродота Арей в греческой поэзии был известен в основном как необузданное и жестокое божество войны (в отличие от Афины — богини удержанной войны) насильственной и потому неестественной смерти²⁶. В Афинах и на Лемносе в жертву Арею приносили сотню врагов²⁷. На холме близ Тегеи почитался Арей Афнейос («богатый», «обильный»), культ которого носил хтонический оттенок²⁸.

Таким образом, сущность культа скифского Арея — «бурного Арея помадов», как он назван в боспорской эпитафии²⁹, — как бога войны в целом довольно близка сущности культа греческого Арея. Почитание на холмах, меч как символ божества, драматические мистерии с человеческими жертвоприношениями — все это давало Геродоту полное основание назвать скифского бога войны Ареем. Греческий Арей, однако, был наименее значительным из олимпийских богов и не имел черт небесного божества.

Интересующий нас культ прослеживается и на Кавказе в образе Батрадза-меча из осетинского нартекского эпоса. Батрадз совершает все наиболее славные подвиги. Но особый интерес

представляет сказание о его восхождении на костер-жертвенник, сооруженный нартами по его приказанию из сотни возов древесного угля. Батрадз всходит на этот костер, а когда огонь разгорается, мечом отрубает головы и запястья у людей, раздувавших этот огонь³⁰. Кроме того, в одном из недавно опубликованных изданий содержится легенда о жертвоприношении мечу Хамыца, отцу Батрадза. Батрадз велит сжечь лучшие одежды предполагаемых убийц его отца и этим пенлом засыпать меч Хамыца (очевидно, воткнутый в землю)³¹. На основании этих эпизодов Ж. Дюмезиль справедливо заключает, что мифологическое содержание образа Батрадза, носившего черты грозного божества, близко скифскому Арею, точнее, Батрадз — мифологическая (героическая) ипостась скифского бога войны³².

Из-за отсутствия лингвистических данных исследование культа скифского Арея приходится проводить в основном на уровне ритуала. В целом ритуал носит выраженный военный характер и может быть в какой-то мере соотношен с ритуалом мужских союзов, для которых также характерны экстатические моменты³³. Не случайно вслед за описанием культа Арея Геродот сообщает о военных обычаях скифов. Среди них обычай пить кровь первого убитого врага и отрезать ему голову — черта, несомненно, ритуальная, переключающаяся с ритуалом культа Арея³⁴.

Алтари Арея. Архаическая основа этого культа прослеживается прежде всего в устройстве алтарей. Насколько достоверны сведения Геродота об их устройстве? С одной стороны, такие моменты в его рассказе, как размеры алтарей, скифо-осетинская мифология о жертвоприношении богу на его гигантском жертвеннике, позволяют предположить мифологическую основу рассказа³⁵. С другой стороны, такие подробности, как наличие этих святы-

лиц на территории каждого нома, употребление хвороста для ежегодного ремонта алтарей, само поклонение мечу, подтверждаемое археологически, не вызывают сомнений в достоверности рассказа. К фольклорным мотивам можно отнести завышенные размеры алтарей*, а также масштабы жертвоприношения: такие жертвы вряд ли приносились каждый год на территории каждого нома.

Особого внимания заслуживают такие детали алтарей Арея, как применение дерева для его сооружения и четырехугольная форма** в сочетании с вертикально укрепленным на вершине мечом. Подобные сооружения находят многочисленные типологические параллели. Четырехугольная форма характерна для древнейших ритуальных сооружений многих индоевропейских (и не только индоевропейских***) народов. Особенно хорошо исследована четвертичность по отношению к древнеиндийскому ритуалу, где четыре столба или пьесты, четыре служителя и т. д. наиболее характерны для ритуальных сооружений, функционально тождественных мировому дереву³⁶. Скифские алтари можно сравнить с ритуальными

сооружениями народов Сибири*, символизировавшими шаманское дерево во время крупных камланий³⁷. Якутские шаманы возводили «шаманские деревья» в виде высоких пьестов с перекладинами наподобие лестницы, а на вершине водружалось изображение орла³⁸. У сибирцев, живших в Илийском округе и Тарбагатае, шаман должен был подниматься по вертикально укрепленной в земле лестнице, ступеньками которой служили мечи³⁹. Интересно описание архаического шаманского поклонения дереву у арауканцев Южной Америки**. Для посвящения шаманки изготавливали священную лестницу из ствола определенного дерева, которому придавали четырехугольную форму. Верх его превращался в изваяние головы человека, с одной стороны священного дуба вырубали ступеньки лестницы, с другой — схематические изображения человеческих рук. Обычай изображения руки на святилищах имеет типологические параллели также в древнеиндийских и буддийских обрядах⁴⁰. Семантика мо-

* Ср. также рассказы Ктесия о гробнице легендарной сакской царицы Зарины: она устроена в виде пирамиды со стороной 3 стадия и высотой 1 стадий, на вершине золотая статуя божества (Diod., II, 34, 5).

** Четырехугольную форму имела площадка на вершине жертвенника (это специально отмечено Геродотом). Можно предположить, что в основании куча хвороста имела иную форму, например, круглую, и все сооружение, таким образом, в плане представляло круг с вписанным в него квадратом, что характерно для культовых сооружений индоевропейцев, имевших космогоническую и солярную символику.

*** Та же идея связи этого и потустороннего миров, вознесения молитвы к небу для получения даров заложена, например, в месопотамских ступенчатых зиккуратах. См.: *Озигенин Б. Л.* Структура мифологических текстов Ригведы (ведийская космогония). — М., 1968, с. 79, сн. 5.

* Шаманские деревья народов Сибири и алтари Арея близки, конечно, лишь типологически. В основе лежит одна идея общения с верхним миром посредством вертикального столба, дерева, мировой оси. Совпадают такие детали, как четырехугольность, доступ с одной из сторон, иногда использование мечей, изображение орла (одно из воплощений бога войны) на вершине. На сходство алтарей Арея с шаманскими сооружениями народов Сибири обратил внимание еще А. А. Спицын. См.: *Спицын А. А.* Шаманизм в отношении к русской археологии. — ЗРАО, 1899, т. 8, вып. 1, с. 165—175.

** Привлечение этих аналогий в качестве типологических вполне правомерно, так как в арауканских обрядах отражен либо древний общечеловеческий пласт психики, закреплённый в шаманских ритуалах, либо верования, предшествовавшие переселению человека в Новый Свет. См.: *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* — «конь» (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии). — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 85—86

тива руки слишком глубока⁴¹, чтобы рассматривать ее здесь, к тому же скифские данные на этот счет весьма ограничены. В скифском ритуале отрубленные руки являются, прежде всего, жертвоприношением божеству и признаком позорной смерти для врагов-иленников.

Таким образом, четырехугольные алтари из хвороста с укрепленным на вершине мечом воспроизводили мировое дерево как наиболее сакральное место — центр мира. Через него проходит ось мира, в данном случае меч, соединяющий три мира и расположенный в средней зоне. Тем самым скифский Арей относится к божествам средней зоны⁴² — воздушной, что дает ключ к пониманию семантики этого образа, его исходных природных функций⁴³. Сама принадлежность божества к воздушной сфере, связывающей землю и небо и играющей особо важную роль в космогониях⁴⁴, определяет высокий удельный вес его культа.

Уже отмечалось, что обычай сооружать гигантские алтари Арея из хвороста вряд ли мог возникнуть в бедной лесом скифской степи⁴⁵. Эта существенная деталь ритуала могла быть привнесена только из лесных областей. Были ли это, как полагает Л. А. Ельницкий, области восточной прародины скифов, или области их обитания времен переднеазиатских походов, неизвестно.

У древних тюркоязычных народов Южной Сибири и Средней Азии, а также у более поздних народов — тувинцев, монголов, бурят — существовал культ обоо или оваа, когда на вершине горы или у ее подножия сооружали кучи из камней или сухих веток. Они служили местом почитания духов — хозяев горных перевалов, а также духов — покровителей рода и общеплеменной территории (на поздней стадии)⁴⁶. У нас нет данных о существовании подобных сооружений у центрально- и среднеазиатского населения

скифского времени, но, учитывая более чем тысячелетнюю традицию их у тюркоязычных народов, можно предположить, что традиция эта имеет древние корни и восходит к скифскому времени. Впрочем, обычай европейских скифов сооружать в степи монументальные алтари из веток можно трактовать как пережиток почитания священных гор⁴⁷ общий для всего иранского мира.

Некоторые детали алтарей Арея перекликаются со строением малоазийских алтарей грозовых божеств. Так, на эллинистических монетах сирийского города Тарса (область, где побывали скифы) засвидетельствованы типологически близкие алтари: сооружения из дерева в виде пирамиды с орлом на вершине, внутри — изображение вооруженного бога грозы. В дни праздника это сооружение поджигалось⁴⁸ (ср. с костром-жертвенником Батрадза). В нартском эпосе эта деталь присутствует во всех вариантах сказаний о Батрадзе. Кавказский ритуал, таким образом, ближе к малоазийскому, чем к скифскому, где жертвенник не поджигался. Возможно, эта деталь служит указанием на различный характер божества — грозового в Малой Азии и на Кавказе* и иного — в Скифии.

Магические функции скифского оружия. Наиболее характерной чертой культа скифского Арея было почитание оружия — старинного меча. Меч был основным элементом сложной конструкции алтаря этого божества.

Археологические святилища Арея не прослеживаются, но известны многочисленные подтверждения культа оружия. В скифских погребениях нередко встречаются находки оружия в «рабочем положении», т. е. воткнутые в землю или поставленные острием вниз, реже вверх. В настоящее время нам

* Возможно, в осетинском эпосе огненные жертвенники Батрадза объясняются аланской (среднеазиатской) традицией особого почитания огня.

известны 29 подобных находок (см. Приложение). Самое раннее погребение (курган 383 у с. Грушевка в Лесостепи) относится к VI—V вв. до н. э.⁴⁹, одно погребение V в. до н. э. (курган 9 у с. Нововасильевка Николаевской области)⁵⁰, три погребения датируются концом V — началом IV в. до н. э. (Михайловский грунтовой могильник на Днепре⁵¹, курган 1 у с. Надежда в Крыму⁵², курган 1 (24) группа Солоха⁵³), большинство же относится к IV—III вв. до н. э.

Таким образом, обычай этот был известен как в Степной, так и в Лесостепной Скифии, изредка встречался в некрополях эллинизованных племен меотов на Северном Кавказе и в некрополе Танаиса. Но наиболее характерен он для Приднепровской Стенной Скифии (50 % всех находок).

Чаще всего в таком положении встречаются копья и дротики (15 случаев), затем мечи (9), кинжал, топор, наконечники стрел (по одному случаю). В хронологическом порядке самой ранней находкой являются стрелы (Грушевка) и копья (Балабаны, Нововасильевка), а находки в таком положении мечей и кинжалов отмечаются с конца V — начала IV в. до н. э. (Михайловский могильник, курган у с. Надежда).

В большинстве случаев оружие находилось в самой могиле: воткнуто в дно могилы (12 случаев) или в стенку. Иногда копия стояли остриями вверх (Балабаны) или вниз (Привольное)⁵⁴. В кургане 30 у с. Великая Белозерка меч стоял в ямке, специально вырытой для него в углу могилы⁵⁵, а в Чертомлыкском кургане три меча были воткнуты в стенку пиши, содержащей инвентарь⁵⁶. В кургане у с. Нововасильевка зафиксирован обычай, близкий к отмеченному еще Геродотом при похоропах скифских царей⁵⁷: вдоль длинных сторон могильной ямы были воткнуты восемь наконечников копий — по четыре с каждой стороны. Погребение

принадлежало старому мужчине, о высоком социальном положении которого свидетельствует разнообразный инвентарь: оружие, панцирь, керамика, в том числе оригинальный лепшой светильник, а также каменное изваяние с изображениями гривны, ритона, пояса, лука, меча и фалла. Зафиксированы и другие находки оружия: копия по углам дна входной ямы (Носаки, курган 4; Изобильное, курган 3); три копья вбиты под остатками тризны (Гайманова Могила); меч или копье вбито в древний горизонт под насыпью (Верхнетарасовка, курган 47; Любимовка, курган 58), в насыпи (Семеновка, курган 20; Недвиговский некрополь); меч воткнут в вал и перекрыт насыпью (Носаки, курган 7)⁵⁸.

Нет однообразия и в расположении оружия в могиле. В четырех случаях оружие размещено возле черепа или за ним, в трех — возле кисти правой или левой руки, в одном — вместе с инвентарем, в двух — между камнями склепа в северо-западном углу (Ленино, курган 12)⁵⁹, за северо-западным углом склепа (Елизаветинский курган)⁶⁰.

В тех случаях (а их подавляющее большинство), когда связь находки с погребением можно установить, это богатые мужские погребения, лишь в восьми случаях погребения рядовые. В женских погребениях оружие (копья) встречено лишь три раза, причем в кургане VI у с. Балабаны набор инвентаря выделяет это погребение из числа прочих и дает основание считать его погребением жрицы или вожан⁶¹. Таким образом, находки оружия в «рабочем положении» являлись не нормой, а исключением. Несомненно магическое значение этой детали погребального обряда. По представлениям древних, железные орудия и оружие обладали большой магической силой, особенно колющие орудия, как соединявшие в себе два магических свойства (металл и остроту). При втыка-

пии оружия его магическая функция значительно усиливалась, так как по принципу симпатической магии при этом якобы достигалось пронзание злого духа или врага⁶².

Так, у скотоводческих народов был широко распространен обычай «завязывания пасти волку». Вместе с произнесением клятв пож втыкался в землю, после чего волки якобы не могли раскрыть пасть и задрать скотину. Чтобы волки не подошли от голода, следовало через определенное время выпнуть пож из земли⁶³.

Сведения древних авторов и современные этнографические параллели помогают понять значение оружия в «рабочем положении» в скифских погребениях.

Наиболее ясно выражена апотропейческая функция этих находок — для сковывания вредоносной силы «опасных покойников» или для охраны самих умерших от злых духов. Так, в кургане 383 у с. Грушевка вокруг остова погребенного были воткнуты 115 наконечников стрел⁶⁴. В уже упомянутом кургане у с. Нововасильевка могила старого воина, выполнявшего какие-то жреческие функции, была ограждена восемью коньями; два конья были воткнуты по углам входной ямы в кургане 4 в уроч. Носаки. Яркую выраженную магическую функцию несли и четыре конья, вбитые по углам могилы царя, в рассказе Геродота*. Обереги по всем четырем углам сооружения должны были обладать большой магической силой, так как маркировали углы могилы и противопоставляли ее пространство внешней среде⁶⁵.

Осетины при постройке дома вбивали в четыре угла дома четыре гвоздя, изготовленных в день Тутура (покро-

вителя волков). Эти гвозди якобы не пропускали чертей⁶⁶. Об апотропейском значении оружия свидетельствует и стремление вбить копьё или меч в незаметном месте (Ленино, Елизаветинский курган). В некоторых случаях, возможно, оружие было направлено против «опасных» покойников, сковывая их вредоносную силу (Балабаны). В Чертомлыкe три железных меча с золотыми рукоятками, вбитые в стену южной ниши, содержавшей наиболее ценные сокровища, могли быть направлены против возможных осквернителей могилы, грабителей. В кургане 30 у с. Великая Белозерка, очевидно, с той же целью меч в золотых ножнах был укреплен в вертикальном положении в ямке в углу катакомбы и затем засыпан землей. Не исключено, впрочем, что этот меч служил и жертвоприношением подземному божеству⁶⁷.

Другое вероятное назначение магического использования оружия — символическое прокалывание врага в случае насильственной смерти. Так можно объяснить наличие оружия в кенотафах (Верхнегарасовка, курган 47; Семеновка, курган 20; Изобильное, курган 2)*. За пределами Скифии подобный обычай отмечен в кургане № 8 могильника Саглы-Бажи II в Саяно-Алтайской зоне (общая датировка V—III вв. до н. э.). Между бревнами склепа против символического захоронения-кенотафа вставлен бронзовый кинжал⁶⁸. Не исключено, что кинжал или меч в кенотафе могли олицетворять самого погибшего*. Обычай вонзать оружие в могилу с магическими целями был известен в древности и сохранился до нашего времени. Так, в Аттике перед одром умершего насильственной смертью ближайший родственник в знак мести убийце нес копьё, которое потом вонзал в могилу⁶⁹. У туркмен-похурли при жалобе на могиле предка

* Этнографические данные свидетельствуют, что цари и жрецы по представлениям окружающих обладали наибольшей магической силой, которая проявлялась якобы и после их смерти.

* Ср. отождествление Батрадза с его мечом (Дюмезиль Ж. Осетинский эпос..., с. 62—64).

втыкалось копьё острием вниз. Этот магический акт считался величайшим наказанием для провинившегося⁷⁰. Приведенные примеры — разповидность «клятвы на оружии», в данном случае клятвы мести. Возможно, иллюстрацией к подобному обычаю является изображение на золотом колпачке из Курджижского кургана — два воина держатся за древко копья, обращенного острием вниз. В руке одного из них отрубленная человеческая голова⁷¹. Не исключено, что здесь в одной сцене совмещены два последовательных действия — принесение клятвы и осуществление акта мести.

От первых двух случаев трудно отделить третий — скывание злого духа с целью приостановить несчастье в семье (таким злым духом мог быть и «опасный» покойник). Может быть, именно этот случай представлен в кургане 58 у с. Любимовка. Здесь копьё вбито в грунт на глубине 1,5 м от поверхности кургана, содержавшего шесть погребений, из которых одно мужское, три женских и два подростков.

Наконец, еще одной вероятной магической функцией скифского оружия можно считать жертвоприношение божеству (или умершему как герою). Ярким проявлением этой функции является жертвоприношение мечу Арея в рассказе Геродота. Близкий мотив содержится и в осетинском нартском эпосе, в упоминавшемся уже сказании о жертвоприношении Батрадза в честь его отца Хамыца⁷². И. А. Кастанье приводит интересный казахский (?) обычай начала нашего века. На могиле Абулхап-хана было укреплено копьё, которое вынималось во время ежегодной тризны. В ямку от копья клали снедь и снова вставляли его⁷³. Согласно этнографическим параллелям, которые могут быть использованы как типологические, втыкание оружия при погребении было также одним из способов отправить его на тот свет или

символом принесенного в жертву скота⁷⁴.

Жертвоприношением следует, вероятно, считать оружие в составе тризны или погребального инвентаря. При этом оно, естественно, сохраняло и апотропеическое значение (Гайманова Могила, Рыжаповка, курган II)⁷⁵. В Дорт-Обе, курган 2, несколько копий воткнуто пучком в юго-восточной части могилы рядом с амфорой и паутственной пищей⁷⁶. Как жертвоприношение-апотропей можно рассматривать и упоминавшийся уже меч из кургана Великая Белозерка. Это могло быть жертвоприношение божеству, возможно, богу войны, который обычно имеет хтонические черты. Подтверждением может быть и изображение одной из ипостасей иранского бога войны (кабана) на лопастях ножен меча.

Интерес представляет паходка меча в Длинном кургане в уроч. Носаки. В вал, сооруженный в срубное время и соединявший курганы катакомбного и раннесрубного времени, был воткнут меч (V в. до н. э.), после чего над ним насыпали курган⁷⁷. Этот случай можно рассматривать как кенотаф или жертвоприношение божеству войны, известному под именем скифского Арея. Конечно, поновое святилище Арея, о котором упоминает Геродот, ни по характеру (оно возведено из хвороста, меч укреплен на вершине), ни по внушительным размерам (даже если признать, что они завышены) не похоже на носакскую паходку. Однако, не исключено, что у скифов были и более скромные формы почитания меча как покровителя определенной территории. По сообщению Аммиана Марцеллина, «у алапов голый меч воззакот в землю по варварскому обычаю и поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют»⁷⁸.

Магический характер оружия в «рабочем положении» подтверждается также тем фактом, что оно было скры-

то от людских глаз с момента похорон (а некоторое и во время похорон), т. е. не имело меморативных и репрезентативных функций, в отличие от упоминавшихся значков на казахских могилах. Причем магия связана в основном с военным бытом. Чаще всего подобные паходки встречаются в мужских погребениях, т. е. воины обладали большой магической силой (особенно храбрые воины, убившие много врагов). Им поклонялись как героям, их магическую силу старались сохранить и после смерти. Магическую силу пытались уничтожить враги, разрушая могилы, чтобы лишить племя защитников.

Култ героев был характерен для скифского общества, как и для всех кочевников. Об этом свидетельствуют также сообщения античных авторов о почитании «гробниц предков», разрушение которых приводит к войнам, «отцов»⁷⁹, «могил», «хороших людей» после их смерти⁸⁰. В ведическом обществе чествование «отцов» — это култ умерших мужчин племени, бывших защитников и покровителей⁸¹. Авестийские фравашы — духи всех видов растений, животных и людей, в том числе богатырей и вождей, источник всего, что существует, они творят будущие рождения⁸². Основная их функция — защита. «...Они подобны доблестному воину, который переноясанный обороняет свое пажитое имущество»⁸³. Постоянными атрибутами почти всех скифских камешных изваяний VI—V вв. до н. э., изображающих героизированных умерших, являются оружие (символ военного могущества), иногда ритоп (сакрального могущества) и фалл как символ порождения (лишь на ранних изваяниях). Это законченный образ героя, защитника, прародителя и подателя плодородия. Функция защиты была, очевидно, основной, так как оружие — наиболее устойчивый атрибут изваяний. Вполне вероятно, что култ оружия у скифов развивался именно из погребального культа, из почи-

тания оружия умерших воинов-героев. У нас нет прямых данных о выставлении оружия на скифских могилах. В качестве типологических параллелей можно отметить изображения мечей, как бы подвешенных, на херсонесских надгробьях IV—III вв. до н. э.⁸⁴, горитов на столбе стелы из Трехобратнего кургана близ Керчи и на боспорских надгробьях I в. до н. э.⁸⁵, на надгробьях ранней анапинской культуры⁸⁶. На значение этих изображений могло быть различным — как символ принадлежности к воинскому сословию, как апотропей. По Н. Рычкову, древки копий и колчаны со стрелами, воткнутые на казахских могилах XVIII в., были знаком храбрости умершего⁸⁷. Русская летопись сообщает о мече, водруженном на могиле князя (XII в.), причисленного к лику святых⁸⁸.

Култ героев, являвшийся одной из важнейших форм скифской религии, был тем фоном, на котором развивался култ оружия. О магическом значении скифского оружия известно, прежде всего, из античных источников. В скифском предании Геродота (IV, 5) упоминается золотая секира, упавшая с неба в числе прочих даров. Секира в индоевропейской мифологии обычно соотносится с божествами неба.

В другом предании Геродота (IV, 9, 10) говорится о луке, оставленном Гераклом своим сыновьям. Можно считать надежно установленным, что секира и лук в этих легендах являются социальными символами — символами военного сословия⁸⁹. В рассказе Курция Руфа⁹⁰ скифские послы называют Александру в числе своих священных даров копье и стрелу. Среди символических даров, которые скифские цари послали Дарию во время нападения на Скифию, была и стрела⁹¹.

Представляют интерес также рассказы о клятвах на оружии при «пообратимстве» (договорах о дружбе). В чашу с вином, куда добавлялось по несколько капель крови договариваю-

щихся, опускали меч, стрелы, секиру и копьё⁹². По Лукиану, при этом же обряде в чашу опускали лишь меч. Таким образом, магической силой обладали все виды оружия, но меч, как более индивидуализированное оружие, фигурирует лишь в рассказах о «побратимстве», что согласуется с представлением о сравнительной новизне обряда, как порождения эпохи ослабления кровнородственных связей и установления новых, чисто личностных отношений⁹³.

Лук служил символом военного сословия в эпоху, когда колесницы и всадники были основной боевой силой. В древнеиндийском тексте Шатапатха-брахмана (V, III, 5) сказано: «Лук — оружие касты кшатриев», в Авесте (Гаты) — «лук — это символ знатных»⁹⁴. Лук как символ царя-победителя, символ военного могущества⁹⁵ встречается на монетах, надгробиях, в изображении сцен триумфа.

Таким образом, в эпосе, а также в культово-мифологических сценах скифского искусства отдавалось предпочтение луку как оружию более традиционному, с богатой символической общеперсидского характера⁹⁶. Почему же символом бога войны и главнейшим объектом почитания стал меч, а не лук? Роль мечей и кинжалов, в вооружении иранцев возрастала постепенно, с распространением тактики конного боя взамен колесничего начала I тыс. до н. э.⁹⁷ У кочевых иранцев этот процесс должен был происходить более интенсивно. Культ меча во времена Геродота имел уже развитую историю — почитался старинный железный меч. По археологическим данным, значение мечей в скифском военном обиходе возрастает с IV—III в. до н. э., но все же уступает таким массовым видам оружия, как лук, стрелы и копьё⁹⁸. Существует мнение, что мечи — принадлежность высшего слоя воинского сословия⁹⁹. Однако инвентарь рядовых скифских могильников

не подтверждает этого, мечи встречены почти в 50 % рядовых мужских погребений¹⁰⁰. Впрочем, социальная символика оружия в мифологии и культе не обязательно свидетельствует о принадлежности данного типа оружия какому-то одному сословию¹⁰¹, хотя основа для такого отождествления, несомненно, должна была существовать. В Скифии это было сословие свободных воинов. Так же несомненно, что меч становится главным оружием скифской военной аристократии, более репрезентативным, чем лук. Показательно соотношение различных типов оружия как атрибута героизированных предков на скифских каменных изваяниях: начиная с ранних изваяний VI—V вв. до н. э. самым постоянным атрибутом является меч, изображенный с особой тщательностью и на самом видном месте¹⁰². Значение меча в царской идеологии проявляется в поздней иранской традиции. В изображениях сасанидских царей, например, меч сменяет ахеменидский лук¹⁰³. Приск Паппийский и Йордан, приписывавшие скифские легенды гуннам, готам и другим народам, передают уже легенду о мече как символе власти царя, причем в тесной связи с культом бога войны. «Ему (Атилле) придавал еще больше самоуверенности найденный меч Марса, всегда считавшийся священным у скифских царей... Он со свойственным ему высокомерием решил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему вручена власть во всех войнах»¹⁰⁴.

Происхождение культа бога-меча. В исследовании культа Ареса наиболее сложным является вопрос о его происхождении. Был ли это древний общеперсидский культ войны или скифы заимствовали его после отделения от основного иранского массива? Данные сравнительной мифологии свидетельствуют, что уже на индоиранской стадии происходит выделение специальных божеств войны — ведического Ин-

дры, авестийского Веретрагны¹⁰⁵. Существовала мифология о боге или герое-громовнике, драконоубийце, воине, покровителе военной аристократии. Осетинский Батрадз, который благодаря надежным лингвистическим и фольклорным параллелям считается воплощением иранского бога войны Веретрагны¹⁰⁶ или даже ведического Индры¹⁰⁷, позволяет проследить происхождение скифского Ареса от этих божеств¹⁰⁸. От индоиранского божества у скифского Ареса сохранились символизм центра вселенной, связанный с мировым деревом¹⁰⁹, шаманские черты и роль вина в культе¹¹⁰. Что же касается культа меча, то ни в индоиранском, ни в общеиранском эпосе он неизвестен. Единственным свидетельством является сообщение Климента Александрийского о почитании меча персами, мидийцами и савроматами¹¹¹. Почитание меча известно также у североиранского племени аланов¹¹², близких к скифам по языку и культуре, а также у гуннов. В древней традиции этот культ назван скифским¹¹³. Миф о тождестве героя и его меча был известен также кельтам, а близость аналогичному осетинскому мифу¹¹⁴ позволяет отнести его к центральноевропейским изоглоссам¹¹⁵. Эта мифологическая изоглосса, как и кельто-осетинские языковые сходства, может быть датирована не позднее, чем второй половиной II тыс. до н. э.*, когда северо-

иранские племена, составлявшие уже тогда самостоятельную ветвь иранского мира, соседствовали со среднеевропейскими¹¹⁶. Области Средней Европы и Северных Балкан были местом, где в той или иной форме засвидетельствован культ меча, известный фракийцам, иллирийцам (см. ниже), некоторым германским племенам¹¹⁷ и славянам развитого (позднего) средневековья¹¹⁸.

Кульм оружия существовал у многих древних народов¹¹⁹, достигая наивысшего расцвета на стадии раннего государства. Наиболее известны культы бога-меча у хеттов¹²⁰, копыа и ицита, как символов верховного бога Халли в Урарту¹²¹, и особенно культ оружия в эгейском мире и Древней Греции. Это — почитание лабриса, как символа Зевса на Крите, лука Геракла, копыа Ахилла, мечей Пелопса и Мемнона¹²² в Древней Греции, копыа Марса в Риме и т. д. Наиболее ярко почитание меча проявилось в хетто-хурритском мире, где во второй половине II тыс. до н. э. существовал культ бога-меча. Находки мечей и кинжалов с антропоморфно оформленными рукоятями известны среди месопотамских древностей II тыс. до н. э.¹²³, а также в Ассирии¹²⁴. По мнению П. Куссена, истоки культа меча следует искать именно в эгейском мире¹²⁵.

Можно предположить, что эгейский мир и был тем центром, откуда миф о боге-мече распространился в землю хеттов, а оттуда (в русле культурных заимствований) через Кавказ или Балканский полуостров — в Причерноморские степи. Влияние хетто-хурритского и урартского миров на скифскую культуру, по крайней мере в области искусства, вряд ли подлежит сомнению. Возможно, это влияние коснулось и скифского культа войны, тем более, что знакомство скифов с малоазиатскими культурами пришлось на период наивысшей военной экспансии скифов. Древнейшие скифские параллельные мечи конца VII — начала VI в.

* При таком допущении, однако, не совсем понятным остается отсутствие этого мифа у южных (западных) иранцев — персов, мидийцев и т. д., которые отделились от основного иранского массива в начале I тыс. до н. э. (Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 36—37). Объясняется ли это ранним обособлением североиранских племен от остального иранского массива или просто неполнотой наших знаний? Возможно, у южных иранцев этот культ в интересующую нас эпоху просто не получил развития. В сасанидском же Иране меч уже был одним из символов власти царей.

до н. э., изготовленные в кавказской мастерской, украшены магическими изображениями ассиро-урартского искусства¹²⁶, связанными, несомненно, с почитанием оружия и культом войны.

За пределами распространения скифской культуры на территории, занятой в древности иллирийскими племенами, нам известна пока единственная находка меча в «рабочем положении». Это так называемая Могила Воинов из некрополя Ромая на Косовом Поле в Югославии. Меч конца VII в. до н. э. был водружен в центре земляной платформы на подкурганной поверхности. Вокруг располагалось 38 погребений с большим количеством оружия, из них древнейшее относилось к VII, а большинство — к VI—V вв. до н. э.¹²⁷ Культовое значение меча в данном случае не вызывает сомнения, так же, как и типологическая близость этого обычая скифским. Если же учесть роль восточнобалканских племен, частью которых были иллирийцы, в формировании культур предскифского и раннескифского времен в Восточной Европе, то находка из некрополя Ромая становится особенно важной в решении вопроса о происхождении скифского культа меча.

Большой интерес представляет сопоставление скифского культа с культом Арея у фракийцев, известных своей воинственностью и стоявших примерно на одном уровне социального развития со скифами (это в первую очередь касается царства одрисов, а также ближайшего к скифам племени гетов). Благодаря длительным контактам оба народа имели ряд сходных черт в материальной и духовной культуре, причем скифское влияние во Фракии ощущается сильнее¹²⁸. У одрисов отмечено почитание меча, и этот культ прямо связывается с савроматским (скифским)¹²⁹. Есть и другие письменные свидетельства некоторой близости фракийского и скифского культов. Так, Лукиан сопоставляет

скифский культ меча и культ Залмоксиса — божества фракийского племени гетов, покоренного скифами. «Ради Меча и Залмоксиса, наших отеческих богов», — говорит Анахарсис Токсари-су. И далее: «Скифы приносят жертвы Мечу, фракийцы — Залмоксису». «Не одним скифам свойственно превращать людей в бессмертных и посылать к Залмоксису»¹³⁰. Как справедливо полагает З. Гочева, Залмоксис — одно из имен того божества, названного Геродотом (V, 7). Ареем, которое возглавляло фракийский пантеон вместе с Дионисом и Артемидой¹³¹. Правда, исследователи отождествляют фракийского Арея с Дионисом, и это отождествление становится общепризнанным для всего эллинистического мира в период религиозного синкретизма¹³². В культе фракийского Арея больше проявляются черты божества плодородия и солнца, присущие божествам военной удачи и изобилия.

Скифский и фракийский культы объединяют кроме отождествления с греческим Ареем роль оружия в ритуале, наличие в нем экстатических и хтонических моментов: употребление вина, человеческие жертвоприношения, а также ярко выраженная роль этого божества как покровителя племени. Почитание меча во Фракии засвидетельствовано и археологически. Это votивный бронзовый меч из Меджидии (Добруджа), датируемый серединой — второй половиной V в. до н. э.¹³³ Тип меча, как и некоторые его зооморфные украшения, заимствован из Скифии, но своеобразие его свидетельствует о том, что сделан он фракийским мастером¹³⁴.

Таким образом, при несомненно индоиранском происхождении скифского культа военного божества такая его существенная деталь, как почитание в качестве символа божества меча, для индийцев и южных иранцев не характерна. Не исключено, что почитание меча заимствовано у юго-западных соседей скифов, где этот культ имел дав-

ние и глубокие традиции. Во всяком случае, в Средней Европе почитание меча устойчиво сохраняется и в средневековье¹³⁵.

Общественная роль культа Ароя. При всех возможных заимствованиях культ скифского Ароя как божества-покровителя племени несомненно имел местную основу. Алтари Ароя сооружались на территории каждого нома. Грандиозность празднеств и сооружений свидетельствует, что под номами здесь следует понимать территории племен или крупных племенных подразделений. Генетически эти племенные святилища могли восходить все к тому же священному дереву как сакральному центру общественной единицы¹³⁶. Племя в скифском обществе, как известно, являлось основным элементом этнической и социальной общности¹³⁷. Высокая общественная роль культа скифского Ароя подтверждает также значение племени как военной и культовой единицы.

В культе скифского Ароя наиболее ясно отражена сущность племенного (в узком смысле слова) божества, являвшегося идеологическим отражением племенного строя. Это — бог-воитель, покровительствующий своему избранному народу¹³⁸. Для народов-завоевателей в период военного могущества характерно превращение древних божеств, для которых военная функция не была исконной, в военные по преимуществу (божества ассирийцев и германцев, ведический Индра). Таковы, например, «аграрно-военный» культ Марса в древнем Риме и культ Яровицы у балтийских славян¹³⁹. В мифологии древних индийцев и иранцев воинственное божество или герой, покровитель военной аристократии, покушается на царскую власть и иногда оттесняет верховного бога на второй план (Варуна-Индра; Ахура-Мазда-Митра)¹⁴⁰.

Каково же было положение Ароя в скифском пантеоне?

Геродот называет Ароя последним в

числе семи скифских верховных богов, что вряд ли соответствовало удельному весу его культа в общественной жизни — ему одному сооружают алтари и жертвуют наиболее богатую добычу. Анализ сведений Геродота показывает, что семерка скифских богов, упомянутых историком, составляла официальный пантеон скифов. Можно считать установленным, что скифский пантеон, судя по тексту Геродота, имел иерархическую структуру, т. е. состоял из трех «разрядов»: Табити; Папай и Апи; Гойтосир, Аргимпаса, Геракл, Арей¹⁴¹. Арей занимает, таким образом, конечное положение в пантеоне, что в целом не согласуется с его выдающейся общественной ролью.

Причина такого положения заключается прежде всего в самом характере источника. Геродот, судя по всему, передает какой-то литургический текст, т. е. перечисляет порядок почитания божеств в ритуалах: жертвоприношениях, клятвах и т. д. Порядок же упоминания богов в ритуалах часто не совпадает с официальной их иерархией, что объясняется консервативностью ритуала¹⁴². На первом месте обычно стоят «старшие» божества, имеющие высший авторитет при клятвах и договорах, а за ними — более «молодые». Иерархическое положение божеств в пантеоне и в религиозной системе вообще определяется рядом признаков, из которых важнейшие — степень абстрагированности функций или элементов того уровня, к которому принадлежит божество, а также характер связи с коллективом или его частями. Конечное положение Ароя в иерархически организованном скифском пантеоне объясняется, видимо, тесной связью его с божествами более низкого иерархического уровня («арейми», покровителями отдельных племен), не вошедшими в официальный пантеон¹⁴³.

Изменилось ли положение в IV в. до н. э., когда археологически засвидетельствован расцвет культа оружия,

неизвестно. Во всяком случае, тенденция к превращению Ароя в одно из главных божеств пантеона существовала.

Напомним, что во Фракии аналогичное божество еще во времена Геродота вместе с Дионисом и Артемидой возглавляло пантеон. Такая же ситуация, как отмечалось, сложилась в ведическом (победа Индры) и иранском пантеонах, где воинственный Митра временами оснаживал первенство у Ахура-Мазды. Может быть, именно по той причине, что военные функции были присвоены Митрой, божество войны и победы, неистовый Вератрагна остался второстепенным божеством и был известен как седьмой, младший из Амата-Спента — «Бессмертных святых»¹⁴⁴. Возможно, эта иранская традиция в сочетании с отмеченной выше связью с племенными формами культа и определила место Ароя в скифском пантеоне¹⁴⁵.

Но если в официальной иерархии он не занимал первых мест, которые принадлежали наиболее древним и наиболее абстрагированным божествам, то в реальной культовой практике и в мифологии (фольклоре) он мог играть более значительную роль. Если же вспомнить о противоборстве военного и жреческого сословий в Скифии, которое четко обозначилось к V в. до н. э. и имело тенденцию к дальнейшему усилению¹⁴⁶, то становится вероятным значение культа Ароя как божества-покровителя военного сословия.

Возвышение Ароя вполне естественно в так пазываемую героическую эпоху скифской истории, когда идеалы воинского сословия преобладают, когда «война и организация для войны... становятся регулярными функциями народной жизни»¹⁴⁷. Если в древнейшую эпоху Арей как племенное божество-охранитель воплощал все три главные функции, то теперь он приобретает четко выраженную «специализацию» — становится божеством воен-

ной удачи и военной добычи, символом владычества над своей и захваченной территорией.

В сочетании с культом героев и вождей культ Ароя, по крайней мере с V в. до н. э., стал ведущим культом скифского общества и сохранил свое значение до конца его истории. Распространение его в среде ранних и средневековых кочевников Евразии¹⁴⁸ может свидетельствовать не столько о прямой преемственности в области идеологии, сколько о сохранении соответствующей социальной среды этого культа — развитого племенного строя и значении военного сословия.

¹ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. — М., 1976, с. 62—67; Dumézil G. *Romans de Scythie et d'alentour*. — Paris, 1978; Абаев В. И. Жорж Дюмезиль. Предания Скифии и соседних народов. — ПАА, 1979, № 3, с. 227—232; Алексеев А. Ю. О скифском Аресе. — АСГЭ, 1980, вып. 21, с. 39—47.

² Гочева З. Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота. — В кн.: *Studia Thracica: Фрако-скифские культурные связи*. София, 1975, т. 1, с. 145; Бессонова С. С. Скифский Арей. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, 1978, с. 60—61.

³ Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса. — НАА, 1979, № 3, с. 185.

⁴ Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. — Л., 1972, кн. 4, 62.

⁵ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, № 1, с. 303—308.

⁶ ВДИ, 1949, № 1, с. 282. Сведения Помпония Мелы восходили, очевидно, к общим с Геродотом и Гекатеом Милетским источникам (см. коммент. на с. 271).

⁷ ВДИ, 1948, № 2, с. 281.

⁸ ВДИ, 1949, № 3, с. 251.

⁹ Там же, с. 242.

¹⁰ ВДИ, 1948, № 4, с. 258, 262.

¹¹ Высотская Т. Н., Лобода И. И., Скорый С. А. Раскопки Усть-Альминского городища и некрополя. — АО 1976 г., М., 1977, с. 289—290.

¹² Жебелев С. А. Геродот и скифские божества. — В кн.: Северное Причерноморье. М.; Л.: АН СССР, 1953, с. 35; Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — АСГЭ, 1961, вып. 2, с. 77.

- ¹³ Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958, т. 1, с. 232.
- ¹⁴ Гомер. Илиада, XIII. 444.
- ¹⁵ Эсхил. Семеро против Фив, 529—532; Аполлоний Родосский. Аргонавтика, I, 466—470.
- ¹⁶ Лелеков Л. А. Наследие звериного стиля в искусстве средневековья и древней Руси.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 264—265.
- ¹⁷ Штернберг Л. Я. Фетиш и фетишизм.— В кн.: Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 214—215.
- ¹⁸ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 8.
- ¹⁹ См.: Раевский Д. С. «Скифское» и «греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях: (К пробл. антропоморфизации скиф. пантеона).— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 63—71.
- ²⁰ Граков Б. Н. Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. 34, с. 7—48.
- ²¹ Гочева З. Указ. соч., с. 145—146.
- ²² См. также: Алексеев А. Ю. О скифском Аресе.— АСБГЭ, 1980, вып. 21, с. 47.
- ²³ Елизаренкова Т. Я. Еще раз о ведическом божестве Варуна (Varuna).— В кн.: Тр. по востоковедению. Тарту, 1968, т. 1, с. 113—122 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 201).
- ²⁴ Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie.— Leipzig, 1884, Bd 1, S. 486.
- ²⁵ Farnell L. R. The cults of the Greek States.— Oxford: Clarendon press, 1909, vol. 5, p. 399.
- ²⁶ Ibid., p. 396.
- ²⁷ Ibid., p. 405.
- ²⁸ Paus., VIII, 44, 7.
- ²⁹ Корпус Боспорских надписей.— М.; Л., 1966, № 120 и коммент. Надпись датируется II—I вв. до н. э.
- ³⁰ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, с. 63—64.
- ³¹ Абаев В. И. Указ. соч., с. 228.
- ³² Дюмезиль Ж. Указ. соч., с. 63—64, 253—257.
- ³³ Jettmar K. Indo-iranische Traditionen bei Kafiren und Darden.— VIII МКАЭН, М., 1970, т. 10, с. 78.
- ³⁴ Геродот, IV, 64—66.
- ³⁵ Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность.— НАА, 1976, № 6, с. 68—78.
- ³⁶ Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции.— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 70—71.
- ³⁷ Анисимов А. Ф. Шаманский чум и проблема происхождения шаманского обряда.— Тр. ИЭ. Н. С., 1952, т. 13, с. 199 и сл.
- ³⁸ Васильев П. В. Изображения долганоякутских духов.— Спб., 1910, с. 16—17.
- ³⁹ Коротков Н. Краткая заметка о современном состоянии шаманства у сабо, живущих в Илийской области и Тарбагатае.— Спб., 1912. Цит. по: Штернберг Л. Я. Первобытная религия..., с. 122—124.
- ⁴⁰ Иванов В. В. Опыт истолкования..., с. 85—86.
- ⁴¹ Иванов В. В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктограммы.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 105—133.
- ⁴² Эта сторона культа Ареса хорошо исследована А. Ю. Алексеевым. Алексеев А. Ю. Указ. соч., с. 41.
- ⁴³ В традиционной классификации ведийского пантеона воздушная сфера считалась наиболее важной. С ней связывались божества Ваю, Рудра, Индра. См.: Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия. Наука. Религия.— М., 1980, с. 34, 37.
- ⁴⁴ Алексеев А. Ю. Указ. соч., с. 42—43.
- ⁴⁵ Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов.— СА, 1960, № 4, с. 52.
- ⁴⁶ Алексеев Н. А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири.— Новосибирск, 1980, с. 73—74, 304.
- ⁴⁷ См. также: Алексеев А. Ю. Указ. соч., с. 41—42. На холмах происходило и почитание греческого Ареса: холм в Тегее, Ареополь в Афинах. Farnell. Op. cit., p. 397, 402.
- ⁴⁸ Флиттнер Н. Д. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа.— ТрОВГЭ, 1939, т. 1, с. 37.
- ⁴⁹ ИАК, 1902, вып. 4, с. 40.
- ⁵⁰ Шапошникова О. Г. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г.— НА ИА АН УССР, № 1975/3.
- ⁵¹ Лагодовская Е. Ф., Сыманович Э. А. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 239—240.
- ⁵² Черепанова Е. Н. Отчет об археологических раскопках кургана эпохи бронзы у с. Надежда Советского района в 1961 г.— НА ИА АН УССР, № 1961/58.
- ⁵³ Граков Б. Н. Отчет о работе Западно-скифской экспедиции 1961 г.— НА ИА АН УССР, № 1961/30.
- ⁵⁴ Чеботаренко Н. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны.— АИМ 1970—1971 гг., Кишинев, 1972, с. 115; Кубышев А. И., Явичук В. И. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции.— НА ИА АН УССР, № 1975/5.
- ⁵⁵ Отроченко В. В. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской области.— АО 1979 г., М., 1980, с. 318—319.
- ⁵⁶ Древности Геродотовой Скифии.— Спб., 1872, вып. 2, с. 112—113.
- ⁵⁷ Геродот, IV, 71.

- ⁵⁸ Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В. и др. Курганский могильник в уроч. Носаки.— В кн.: Курганский могильник Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 89; Мозолевский В. Н. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1980 г.— НА ИА АН УССР, № 1980/11; Бидзиля В. И. Отчет о работах Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР за 1969—1970 гг.— Там же, № 1969—70/37; Черненко Е. В. и др. Отчет о работе Верхнетарасовской экспедиции в 1973 г.— Там же, № 1973/12; Лесков А. М. и др. Отчет о раскопках Качковской экспедиции в 1970 г.— Там же, № 1969/22; Субботин Л. В. Отчет о работе Семеповской новостроечной археологической экспедиции в 1975 г.— Там же, № 1977/6. п.; ОАК за 1908 г.— Спб., 1912, с. 124; Болтрик Ю. В. Святилище Ароя в уроч. Носаки.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, апрель 1978, с. 61—62.
- ⁵⁹ Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. К., 1970, с. 151.
- ⁶⁰ ОАК за 1913—1915 гг.— Пг., 1918, с. 154.
- ⁶¹ Чеботаренко Н. Ф. Указ. соч., с. 215.
- ⁶² Зеленый Д. К. Магическая функция примитивных орудий.— Изв. АН СССР. Л., 1931, 7 серия, отд. общ. наук, с. 729—731.
- ⁶³ Басилов В. И. Хозяйство западных туркмен-ёмудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования.— Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973, с. 196.
- ⁶⁴ Ср. железный тын или ограда в русских заговорах. Лавонен П. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора).— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977, с. 73—80.
- ⁶⁵ Байбури А. К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища.— Там же, с. 124.
- ⁶⁶ Зеленый Д. К. Указ. соч., с. 729.
- ⁶⁷ Ср. находку золотой пластины от головного убора с культово-мифологическими изображениями в кургане у с. Сахновка. Бессонова С. С., Раевский Д. С. Золота пластина в Сахновки.— Археология, 1977, вып. 21, с. 40.
- ⁶⁸ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.— М., 1980, с. 76.
- ⁶⁹ Лагышев В. В. Очерк греческих древностей.— Спб., 1899, ч. 2, с. 247.
- ⁷⁰ Васильева Г. П. Туркмены-нохурли.— Среднеазиатско-этнографический сборник. М., 1954, т. 1, с. 210.
- ⁷¹ Галанина Л. К. Курджипский курган.— Л., 1980, с. 46, 47, табл. VII, рис. на с. 93.
- ⁷² Абаев В. И. Жорж Дюмезиль. Предания..., с. 228.
- ⁷³ Кастанье И. А. Надгробные сооружения киргизских степей.— Тр. Оренбург. учен. арх. комис., 1911, вып. 26, с. 91.
- ⁷⁴ Цит. по: Алексеев Н. А. Ранние формы религии..., с. 186.
- ⁷⁵ ОАК за 1890 г. Спб., 1893, с. 54.
- ⁷⁶ ОАК за 1892 г. Спб., 1894, с. 8.
- ⁷⁷ Болтрик Ю. В. Указ. соч., с. 61—62.
- ⁷⁸ Attian Marcellin, XXXII, 2, 23.
- ⁷⁹ Геродот, IV, 127, 115.
- ⁸⁰ ВДИ, 1952, № 2, с. 289; 1948, № 1, с. 305.
- ⁸¹ Миллер В. Ф. Очерки арийской мифологии. М., 1876, т. 1, с. 9—10.
- ⁸² Яшт, XIII; Ясна, XXVI.
- ⁸³ Яшт, XIII, 45, 67—68.
- ⁸⁴ Колесникова Л. Г. Воинские надгробия.— СХМ, 1969, вып. 4, с. 44—54.
- ⁸⁵ Кобылина М. М. Пап на надгробной плите из Фанагории.— СА, 1973, № 3, с. 7—31; Бессонова С. С., Кириллин Д. С. Надгробный рельеф из Трехбратного кургана.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 131, 133, рис. 3, 4.
- ⁸⁶ Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века.— СА, 1963, № 3, с. 180 и сл.
- ⁸⁷ Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Ник. Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 года.— Спб., 1772, с. 16.
- ⁸⁸ Цит. по: Арциховский А. В. Оружие.— В кн.: История культуры древней Руси. М.: Л., 1948, с. 429.
- ⁸⁹ Christensen A. Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens.— Stockholm, 1917, vol. 1, p. 136; Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов.— М., 1960, с. 22.
- ⁹⁰ Hist. Alex., VII, 17—18.
- ⁹¹ Геродот, IV, 131; ВДИ, 1947, № 1, с. 316; 1948, № 4, с. 293 и др.
- ⁹² Геродот, IV, 70.
- ⁹³ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 107—111.
- ⁹⁴ Цит. по: Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 94.
- ⁹⁵ В одном из египетских текстов говорится о персидском царе Дарии: «Дала ему (богиня) Нейт свой лук, паходивший в ее руке, чтобы (он смог) повергнуть своих противников». Цит. по: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 339.
- ⁹⁶ Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея.— СА, 1970, № 3, с. 90—101. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (опыт реконструкции скифской мифологии).— М., 1977, с. 125—128.
- ⁹⁷ См.: Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новей-

- ших археологических открытий. М., 1977, с. 78.
- ⁹⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М., 1964, с. 46 (САИ, вып. Д1-4).
- ⁹⁹ Мелюкова А. И. Указ. соч.; Раевский Д. С. Очерки идеологии..., с. 153.
- ¹⁰⁰ Бунятян Е. П. Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э. (опыт формализованно-статистического анализа социальной структуры по данным могильника). Рукопись канд. диссерт. Киев, 1981.
- ¹⁰¹ Ср. в скандинавской мифологии: молот Тора символизирует весь вооруженный народ, а конь Одина — дружину. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система.— ТЗС, 1975, вып. 7, с. 49.
- ¹⁰² Шульц П. И. Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 225—237; Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры.— СА 1976, № 1, с. 108—122.
- ¹⁰³ L'Orange H. P. Studies on the Iconography of Cosmic Kingship of the Ancient World.— Oslo, 1953, p. 1—487; Луконин В. Г. Иран в эпоху первых сасанидов.— Л., 1961, табл. VIII, XVII, XVIII, XX.
- ¹⁰⁴ Йордан, Гетика, 35 (взято из: Приск Панийский, Готская история, кн. IV, фр. 10).— Цит. по: Латышев В. В. Известия...— ВДИ, 1948, № 4, с. 262.
- ¹⁰⁵ Елизаренкова Т. Я. Еще раз о ведическом божестве Варуна, с. 113—122.
- ¹⁰⁶ Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса, с. 185; Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии, с. 60.
- ¹⁰⁷ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, с. 63—64, 253—257. Dumézil G. Mythe et épopée.— Paris, 1968, v. 1, p. 570—575.
- ¹⁰⁸ А. Ю. Алексеевым (Алексеев А. Ю. Указ. соч., с. 43) высказано мнение о возможности отождествления скифского Арея с общеперсидскими божествами грозы, ветра и бури типа иранского Ваюу, ведического Ваю (Вату) или Рудры. (см. также: Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей.— Новосибирск, 1977, с. 175). Такое отождествление, однако, не подтверждается лингвистическими данными: осетинский аналог Арея, Баграда, отождествляется с Ветертрагной и Индрой (см. выше), а в скифском пантеоне наиболее вероятный аналог Ваюу — Гойтосир. Абаев В. И. Культ семи богов у скифов.— В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 445—450.
- ¹⁰⁹ Oguibene B. L. Sur le symbolique du type shamanique dans le Rigveda.— Труды по востоковедению, 1968, т. 1, с. 140—150.
- ¹¹⁰ Лелеков Л. А. Ранние формы..., с. 178.
- ¹¹¹ ВДИ, 1948, № 2, с. 281.
- ¹¹² Кулаковский Ю. Алапы по сведениям классических и византийских писателей.— Киев, 1899, с. 46.
- ¹¹³ ВДИ, 1948, № 4, с. 258, 262.
- ¹¹⁴ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, с. 62—64.
- ¹¹⁵ Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса, с. 185.
- ¹¹⁶ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и запада.— М., 1965, с. 41—52, 86, 129.
- ¹¹⁷ ВДИ, 1948, № 4, с. 262, коммент.
- ¹¹⁸ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 418—422, 426—429.
- ¹¹⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности.— Спб., 1887, с. 53 (ЗОРСА, т. 4); Гагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции.— Пг., 1913, с. 47—48.
- ¹²⁰ Couissin P. Le dieu-épée de Jasil-Kaia et le culte d'épée dans l'antiquité.— RA, 1928, janvier—avril, 5-ème série, p. 107 sq.
- ¹²¹ Пуотровский Б. Б. Ванское царство.— М., 1959, с. 224.
- ¹²² Павсаний. Описание Эллады. III, 3, 8; VI, 19, 6.
- ¹²³ Godard A. L'Art de l'Iran. Paris, Arthaud, 1962, p. 74, fig. 106, 108.
- ¹²⁴ Contenau G. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni.— Paris, 1948, p. 141.
- ¹²⁵ Цит. по: Contenau G. Op. cit., p. 141.
- ¹²⁶ Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес).— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 7—30.
- ¹²⁷ Durič N., Pšić J., Todorović J. Romaja prahistorike.— Beograd, 1975, p. 145—149.
- ¹²⁸ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979, с. 3, 251—253.
- ¹²⁹ ВДИ, 1948, № 3, с. 245.
- ¹³⁰ Там же, № 1, с. 303 («Скиф, или гость»; «Зевс трагический»).
- ¹³¹ Гочева З. Указ. соч., с. 145—146.
- ¹³² В Пантикапее засвидетельствован редкий эпитет Диониса.— "Αρειος (воинственный), в чем обычно видят влияние культа фракийского Диониса-Сабазия. Корпус боспорских надписей, № 120 и коммент.; Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий).— СА, 1946, т. 8, с. 97—112.
- ¹³³ Berthé D. Arta traco—getica. București, 1969, p. 18, fig. 2—6.
- ¹³⁴ Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии, с. 107; Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 113.
- ¹³⁵ Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись.— М., 1970, с. 58—61, 83—85.

- ¹³⁶ Например, упоминавшиеся священные деревья арауканцев были в древности знаками подразделений племен. *Иванов В. В.* Опыт истолкования..., с. 85—86. Ср. также почитание обоо у народов Сибири как мест обитания духов-покровителей общеплеменной территории.
- ¹³⁷ *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 119—120.
- ¹³⁸ *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие.— М., 1964, с. 348—349.
- ¹³⁹ *Dumézil G.* La religion romaine archaïque.— Paris, 1966, p. 162; *Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии.— ТЗС, 1969, вып. 4, с. 44—69 (Уч. зап. ТГУ, вып. 236).
- ¹⁴⁰ *Елизаренкова Т. Я.* Указ. соч., с. 113—122.
- ¹⁴¹ *Раевский Д. С.* Очерки идеологии..., с. 119—123; *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* О структуре скифского пантеона.— В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 118—120.
- ¹⁴² Подробнее см.: *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983, с. 53—54.
- ¹⁴³ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы.— М., 1965, с. 185.
- ¹⁴⁴ *Лелеков Л. А.* Указ. соч., с. 177.
- ¹⁴⁵ В пантеоне скифов военные функции имели и другие мужские божества — Аполлон и Геракл, воплощавшие, веро-

ятно, разные аспекты этой функции, но в какой-то мере дублировавшие друг друга. Аполлон-Гоитосир по иерархии выше Арея, он следует за тройкой верховных божеств. Однако отождествлять Арея с Гоитосиром (*Алексеев А. Ю.* Указ. соч., с. 45—46) нет достаточных оснований. При таком отождествлении в скифском пантеоне остаются только шесть богов, тогда как именно семибожие признается характерной чертой иранских (и шире — индоевропейских) пантеонов (*Абаев В. И.* Культ семи богов..., с. 445—450). К тому же образ Аполлона-Гоитосира, лучника и охранителя стад, целителя и губителя, действующего магическими средствами, наиболее надежно отождествляется с общеиндоевропейским Митрой. Он лишь в незначительной степени слизаян от отличие от индоиранских божеств войны с грозой и ветрами, из атмосферных явлений более всего имел отношение к Солнцу.

- ¹⁴⁶ *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифских племен, с. 79, 159—160.
- ¹⁴⁷ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд., т. 21, с. 193.
- ¹⁴⁸ *Pallas P. S.* Sammlung historischer Nachrichten über die mongol — Völkerschaften, Bd 2, S. 362.

Приложение с. Оружие в погребениях

Курган (к.), погребение (п.)	Местоположение оружия	Характер погребения	Датировка (в. до н. э.)
Чертомлык, камера V	Три меча с золотыми рукоятками в стенке южной ниши	Царское мужское	IV
Краснокутский курган	Девять копий, остриями вниз у северо-западной стенки катакомбы	Богатое мужское (?)	IV
Гайманова Могилы, п. 2	Три наконечника копий в земле под остатками тризны	Богатое парное (?)	IV
Носаки, к. 4, п. 1	В дно входной ямы № 2 воткнуты два наконечника копий	Впущенное в центральную гробницу (ограблено)	IV
Носаки, к. 7	Меч в вале срубного времени	Не связан с погребением	V
Великая Белозерка, к. 30	Меч в ножнах (вертикально) в тайнике в углу центральной могилы	Ограблено	IV
Аккермень, к. 16, п. 2	Два наконечника копий у южной стенки могилы против черепа	Рядовое женское с оружием	IV
К. 1 (24), группа Солоха	Копье на дне катакомбы возле кисти правой руки	Рядовое мужское	конец V — начало IV
Любимовка, к. 58	Копье в грунте на глубине 1,5 м от поверхности кургана	Связь с погребениями не ясна	IV
Кривой Рог, ЮГОК *	Меч у входа в катакомбу возле кисти левой руки	Мужское (?) рядовое	IV

Продолжение приложения

Курган (к.), погребение (п.)	Местоположение оружия	Характер погребения	Датировка (в. до н. э.)
Верхнестаросовка, к. 47	Обломок лезвия меча в центре кургана под насыпью	Кенотаф?	IV
Никопольстрой, к. группы II; к. 2, п. 17	Меч в стенке катакомбы	Мужское рядовое	IV
Изобильное, группа Дедова Могила, к. 3, п. 1	4 копия с интервалами 0,3—0,6 м перед входом в камеру в дне входной ямы	Мужское рядовое	IV
Изобильное, группа Дедова Могила, к. 3	Меч в яме, содержавшей кости ног коня или быка, по рукоять	Кенотаф (?) в насыпи кургана эпохи бронзы	скифское время
Привольное, группа 1, к. 20	Два наконечника копий остриями вверх слева от черепа	Рядовое женское	IV
Михайловский грунтовой могильник, п. № 8	Железный клинжал против правого локтя	Рядовое мужское	V — начало IV
Нововасильевка, к. 9, п. 1	По четыре наконечника копий с каждой стороны вдоль длинных стенок ямы	Мужское с оружием и стелой	V
Семеновка, к. 20	Наконечник копья острием вверх в ямке с находками	Кенотаф	IV
Николаевка, п. № 43	Топор на дне могилы справа от бедра	Рядовое мужское	IV—III
Парканы, к. 151	Два наконечника копий и меч в дне могилы	Мужское (?) ограбленное	IV—III
Балабаны, к. VI	Два наконечника копий и колчан со стрелами в юго-западном углу могилы	Женское с необычным инвентарем	IV
Буторы, к. 12, п. 2	Наконечник копья на дне у северной стенки могилы	Мужское (ограблено)	IV
Рыжановка, к. II (12)	Копье и два дротика между гробницей и жертвенной ямой	Мужское (?), ограблено	IV
Грушевка, к. 383	115 наконечников стрел вокруг погребенного	Богатое погребение	конец VI—V
Дорт-Оба, к. 2	Несколько копий пучком в юго-восточной части могилы	Богатое мужское	IV
Лешно, к. 12, п. 2	Наконечник копья в северо-западном углу склепа	Рядовое мужское	IV
Надежда, к. 1, п. 1	Меч острием в дне могилы	Богатое мужское	конец V—начало IV
Недвиговский некрополь	Копье в насыпи могилы	Рядовое	III
Елизаветинский курган 1913 г.	Меч в погребальной яме за северо-западным углом склепа	Богатое мужское	IV

* Южный горнообогатительный комбинат.

В истории скифского вооружения есть ряд сложных для изучения вопросов, на которые пока не удалось получить однозначных и убедительных ответов. К ним, в частности, относится вопрос о генезисе скифских мечей и отличающихся от них в основном лишь размерами кинжалов.

М. И. Ростовцев в свое время высказал предположение, что скифское оружие, в том числе и мечи, имеет иранское происхождение¹. М. И. Артамонов полагал, что скифские мечи созданы в Передней Азии «в период пребывания там скифов совместно с мидянами, почему и стали оружием, общим для тех и других, а через Мидию распространились в Среднюю Азию и Сибирь»². Б. Н. Граков считал, что скифы заимствовали характерную для них форму меча у персов во время переднеазиатских походов³. А. И. Мелюкова высказывалась более осторожно: «О происхождении скифских мечей можно сказать вполне определенно лишь то, что оно не было местным» и что мечи и кинжалы черноморской поры не имеют с ними ничего общего. В то же время она считала «возможным поддержать точку зрения М. И. Ростовцева о происхождении этой формы скифского оружия с Иранского Востока»⁴. А. И. Тереножкин более решительно подчеркивал отсутствие всякой преемственной связи скифской культуры с местной, предшествующей киммерийской эпохе, так как по его мнению скифская культура была целиком привнесена извне в Степь и Лесостепь Восточной Европы в уже совершенно сформировавшемся виде⁵.

Это, в частности, касается и такого вида вооружения, как скифские мечи и кинжалы, связь которых с предшествующим киммерийским наступательным оружием А. И. Тереножкин

полностью отрицает⁶. Прототипы скифских акинаков он пытался найти в карасукских памятниках Сибири⁷. А. М. Лесков правильно отметил, что даже чисто типологическое сходство рапных киммерийских мечей с карасукскими выражено недостаточно и ограничивается, в сущности, лишь наличием грибовидных наверший. В то же время он сделал попытку проследить определенную связь между памятниками типа Новочеркасского клада и Черногоровского кургана с раннескифскими и предполагал существование общей линии эволюции вооружения, в том числе и мечей. Однако А. М. Лескову не удалось показать эту связь достаточно убедительно, так как он учитывал лишь форму изделий вне развития технологии их изготовления⁸.

В. Ю. Мурзин справедливо заметил, что «если между скифскими мечами и персидскими акинаками существовала преемственность, то она была обратной, которую предполагал М. И. Ростовцев, а именно: скифские мечи послужили исходной формой персидских мечей и кинжалов». Что касается происхождения самих скифских мечей, то В. Ю. Мурзин присоединяется к мнению А. И. Тереножкина о возникновении их на основе карасукских прототипов, хотя и вынужден отметить, что такое предположение не опирается на твердо датированные комплексы⁹.

Таким образом, и в настоящее время вопрос остается дискуссионным и нуждается в дополнительном изучении, так как в качестве возможных прототипов возникновения такого важного вида наступательного оружия как мечи и кинжалы скифского типа рассматриваются три области: Переднеазиатская (иранская), Сибирская (карасукская)

я Восточноевропейская (юг Восточной Европы).

Новых доказательств в пользу переднеазиатского происхождения скифских мечей за последнее время не появилось и это предположение выглядит сейчас наименее убедительным. Ему противоречит ряд уже известных фактов: на Востоке нет связанных со скифскими мечами более ранних и переходных форм, а мечи типа скифских акинаков появляются здесь не ранее второй половины VII — начала VI в. до н. э. в уже вполне оформившемся виде и в сочетании с местными материалами, не имеющими отношения к киммерийской или скифской культуре. Важно и то, что на Востоке круг этих изделий был ограничен и применялись только короткие акинаки¹⁰, в то время как на юге Восточной Европы известны с самого раннего времени и переходные биметаллические образцы и чисто железные длинные мечи, которых нет ни в Передней Азии, ни в Сибири.

А. И. Мелюкова была совершенно права, отмечая, что длинные мечи появились независимо от иранских акинаков в более раннее время — не позднее конца VII в. до н. э.¹¹ После находки биметаллического меча с железным клинком в кладе бронзолитейщика Субботовского городища, который датируется последними десятилетиями VIII в. до н. э., стало очевидным, что традиция изготовления мечей с длинными железными клинками в Восточной Европе уходит в VIII в. до н. э., а биметаллические клинкалы, судя по находке в кургане у с. Суворово Одесской области¹², начали изготавливать еще раньше. Местные мастера, умевшие делать такие сложные виды оружия¹³, вряд ли нуждались в каких-либо заимствованиях и в подражании более примитивным чисто бронзовым изделиям.

Поэтому, на наш взгляд, не убедительна и попытка найти истоки скиф-

ского наступательного оружия в своеобразных культурах Сибири, опираясь на некоторые бронзовые изделия карасукской и тагарской культур. Дело не только в том, что, как уже отмечалось, в данном случае генетический ряд строится на случайных находках, не имеющих твердой датировки, а это уже само по себе вызывает сомнение. Главное, речь идет о генезисе железных мечей самого начала железного века и, следовательно, о появлении и освоении техники производства сначала переходных форм биметаллического (железобронзового), а затем и полностью железного оружия. Карасукские литейщики такой техники не знали.

Как известно, Сибирь отставала от юга Восточной Европы¹⁴ в освоении железа и использовании его для изготовления новых форм вооружения и не могла служить в этом отношении примером ни киммерийцам, ни скифам. В то время как в Скифии железное наступательное оружие ближнего боя уже господствовало, в Сибири у населения тагарской культуры еще были распространены примитивные бронзовые клинкалы¹⁵, из которых отдельные типы по форме являлись подражанием скифским. А. И. Тереножкин собственно не объяснял как и почему на «карасукской основе создается собственно скифский акинак», а лишь предполагал, что в дальнейшем этот процесс, по-видимому, может быть прослежен¹⁶. Пока это никому не удалось сделать. Помимо большого хронологического разрыва, отсутствие которого еще не доказано¹⁷, насстораживают и существенные типологические различия между карасукскими и раннекиммерийскими мечами и клинкалами даже в их бронзовых деталях. Для карасукских характерны рукоятки с очень небольшим, часто равным по ширине лезвию, перекрестием, отличающимся от лезвия треугольными выемками. Рукоять имеет с одной стороны продольное углубление с двумя или

тремя поперечными перемычками. Навершия бывают разные: грибо-, кольцевидные и пррезные, напоминающие бубенчик¹⁸. Особенно устойчив такой признак, как продольное углубление с перемычками на одной стороне рукоятки. Эта деталь характерна и для карасукских бронзовых кинжалов из окрестностей Субботова и из Гербино¹⁹, но никогда не встречалась на раннекиммерийских мечех и кинжалах, так же, как и треугольные вырезы, отделяющие перекрестие от лезвия. Полное отсутствие характерных для карасукского оружия деталей не только у скифского, но и у киммерийского оружия свидетельствует о том, что здесь нет общих переходных форм*.

Вместе с тем более тщательное изучение не только внешнего вида, но и технология изготовления киммерийских и раннескифских мечех и кинжалов юга Восточной Европы позволяет, на наш взгляд, довольно отчетливо проследить местную линию развития этого наступательного оружия. Такую возможность предполагал и М. И. Артамонов, считая, что ранние образцы железного оружия появились «из области более древнего железоделательного производства», но в свое время не мог еще сказать откуда именно²⁰.

Предскифская или киммерийская эпоха VIII — первой половины VII в. до н. э. на юге Восточной Европы относится к тому важному в истории местных племен периоду, когда в металлургии и металлообработке заканчивалось безраздельное господство цветных металлов и происходило освоение металла будущего — железа. Наиболее характерными для этого времени являлись биметаллические изделия и

сочетания старых традиционных (подчас довольно сложных) приемов литья бронзы с новыми, обычно еще простыми методами обработки железа свободной ковкой. С применением этой своеобразной биметаллической технологии, при которой в одном изделии в качестве важных конструктивных элементов сочетались детали, отлитые из бронзы и выкованные из железа, изготовлена основная масса киммерийских мечех и кинжалов. Она же продолжает использоваться, хотя уже ограниченно, и в раннескифское время, причем известен ряд изделий переходных форм. В дальнейшем, когда бронзолитейно-кузнечная технология полностью сменяется чисто кузнечной, старые традиции не-reжитого сохраняются в формах и орнаментации некоторых мечех и кинжалов, свидетельствуя о преемственности культурно-экономического развития.

Исследователи киммерийских и скифских мечех и кинжалов до сих пор обращали внимание в основном на форму изделий, предполагая постоянную плавную эволюцию этих форм, и не пытались сопоставить технологию изготовления этих видов наступательного вооружения. Между тем в технологии всегда наиболее ярко отражается живая, непосредственная связь людей, которые передавали друг другу длительно накапливавшийся производственный опыт. Форму изделий можно заимствовать без непосредственного контакта с производителями, а сходная в деталях технология в обществе, где отсутствовала письменная фиксация производственных процессов, свидетельствует уже о непосредственном общении ремесленников, об определенной преемственности производства. В то же время появление новых форм нельзя, конечно, рассматривать лишь как результат заимствования или совершенно плавной эволюции от каких-то прототипов. Появление новых форм вполне возможно не только в рамках одной археологической культуры, свя-

* Поэтому мы не можем согласиться с утверждением А. И. Тереножкина, что «мечи старшей киммерийской фазы отличаются от карасукских, в сущности, лишь тем, что имеют железные, а не бронзовые клинки» (Тереножкин А. И. Киммерийские мечи..., с. 26).

занной с каким-то конкретным этносом, но и в одном производственном центре как результат использования новых материалов, разработки новой технологии и поисков новых конструкций, которые улучшают качество изделий. Анализируя киммерийское и раннескифское наступательное вооружение с этих позиций, можно проследить ряд важных моментов.

Следует отметить, что эта работа стала возможной благодаря содействию В. Б. Виноградова, Л. Н. Романюк, А. И. Терепожкина и А. Х. Халикова, которые предоставили нам для исследования ряд находок, позволивших детально ознакомиться не только с внешним видом, но и с технологией изготовления разных образцов вооружения киммерийской и раннескифской эпох.

Общую достаточно полную характеристику киммерийских мечей и клинков дал в своей статье А. И. Терепожкин²¹. Он же правильно показал основное направление их эволюции. Можно лишь отметить, что вряд ли оправдано деление материала на три ступени (фазы), так как, по нашему мнению, первая и вторая не имеют существенных отличий. Если исходить из определяющих признаков, указанных А. И. Терепожкиным, то мечи средней ступени отличаются от мечей старшей лишь таким неопределенным показателем, как более длинное перекрестье. Однако абсолютные размеры перекрестий не могут служить определяющим признаком, так как мечи, относимые к разным ступеням, иногда имеют одинаковое по длине перекрестье или соотношение размеров оказывается обратным*.

С точки зрения техники изготовления, материала и общей формы изделий киммерийские мечи и клинки, видимо, следует делить лишь на две

основные группы: ранние биметаллические, имеющие круглую или овальную в поперечном сечении рукоять. Навершие грибовидное. Перекрестье прямое (рис. 1, 1—6); поздние биметаллические и полностью железные, имеющие уплощенную рукоятку сложного профиля в поперечном сечении. Перекрестье прямое или слегка изогнутое с вогнутой нижней частью. Навершие грибо- или брусковидное (рис. 1, 7—10).

Отдельные чисто бронзовые экземпляры к этому времени уже отживают и являются лишь подражаниями, изготовленными литейщиками, не имеющими связи с кузнечным производством.

Точно провести хронологическую грань между двумя группами в пределах их существования в VIII—VII вв. до н. э. невозможно, так как определенное время изделия обеих групп существовали и дали целый ряд переходных форм, сочетающих признаки как первой, так и второй группы (рис. 2, 1—6). Можно лишь сказать, что биметаллические мечи и клинки с бронзовой рукоятью округлого или овального сечения и прямым перекрестьем появились раньше, чем биметаллические с уплощенной рукояткой и перекрестьем, имеющим вогнутость с нижней стороны. Но даже такая относительная хронология позволяет проследить изменение технологии изготовления этого оружия по мере развития техники металлообработки.

Исследования древнейших биметаллических мечей и клинков²² показали, что они отличаются одним общим признаком. При их изготовлении деятельность, связанная с бронзолитейным производством, была основной и несравненно более сложной, чем простая кузнечнаяковка железного клинка простой конфигурации с тонким черенком. Кроме массивных рукояток, у которых отливка плотно охватывала весь железный стержень черенка, ремесленники отливали очень сложные трубча-

* Например, длина перекрестья меча из Субботова равна 9 см, а меча из Головатина и из случайной находки (коллекция ГИМ) — 8 см.

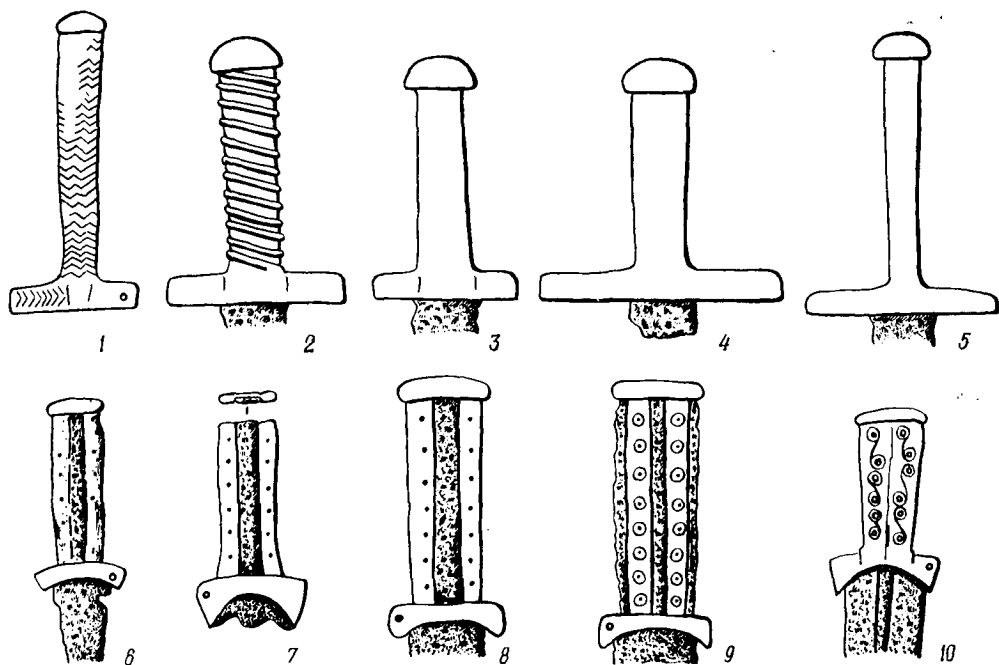

Рис. 1. Основные группы киммерийских биметаллических мечей и кинжалов:

1 — Суворово; 2 — Субботовское городище; 3 — меч из ГИМа, случайная находка; 4 — мебельная фабрика в Кисловодске; 5 — Головадино; 6 — Каменноостровский могильник; 7 — окрестности Кисловодска; 8 — Старший Ахмыловский могильник, погребение № 26; 9 — Ахмыловский могильник, погребение № 76; 10 — ст-ца Абадзехская.

тые конструкции, позволяющие облегчить рукоятку, уменьшить расход бронзы и вместе с тем обеспечивающие достаточно надежное соединение бронзовой и железной частей оружия всего в двух местах (у перекрестья и на вершия) или даже только в одном месте (у перекрестья).

Ремесленники киммерийской эпохи хорошо знали бронзолитейную технологию во всех нюансах уже в период производства оружия с трубчатыми рукоятками. Если мастер, изготавливавший биметаллический кинжал с массивной рукояткой из Софиевки, еще не был полностью уверен, что литье само по себе обеспечит прочное соединение железной и бронзовой частей изделия, а поэтому подвергал бронзовое перекрестье дополнительной обработке (обжиму при помощиковки), то ремесленник, делавший субботовский

меч, поступал смелее. Здесь прочность соединения полой внутри трубчатой рукоятки с железным черенком меча обеспечивалась в двух местах (у перекрестья и на вершия) чисто литейным приемом без дополнительной проковки. Древний мастер использовал знание того, что мы сейчас называем неодинаковым коэффициентом линейного расширения медных сплавов и железа, а эмпирическое освоение этих показателей достигалось, конечно, в результате длительно накапливаемого опыта, передававшегося из поколения в поколение²³. Поэтому мечи и кинжалы с полыми трубчатыми рукоятками следует считать в общих чертах более поздними по сравнению с изделиями, имеющими массивные рукоятки из бронзы, если последние не имеют других поздних признаков и не должны рассматриваться просто как продукция менее

квалифицированного ремесленника. Среди этих изделий, видимо, промежуточное положение занимает обломок кинжала из Николаевского могильника в Прикубанье (рис. 2, 4), у которого конец черенка пропущен сквозь грибовидное навершие и вверху расклепан²⁴.

Когда стало очевидным, что достаточно прочное соединение обеспечивается скреплением бронзовой рукоятки с железным клинком только в одном

месте у перекрестья, появляются облегченные ажурные конструкции разных переходных типов от ажурной, украшенной кольцевым орнаментом бронзовой рукоятки кинжала с прямым перекрестьем из Штрамберка (рис. 2, 3), до рамочной бронзовой рукоятки со слегка вогнутым перекрестьем у кинжала из Березовского могильника вблизи Кисловодска (рис. 2, 5). Различия в форме и технологии у кинжалов и мечей одной группы свиде-

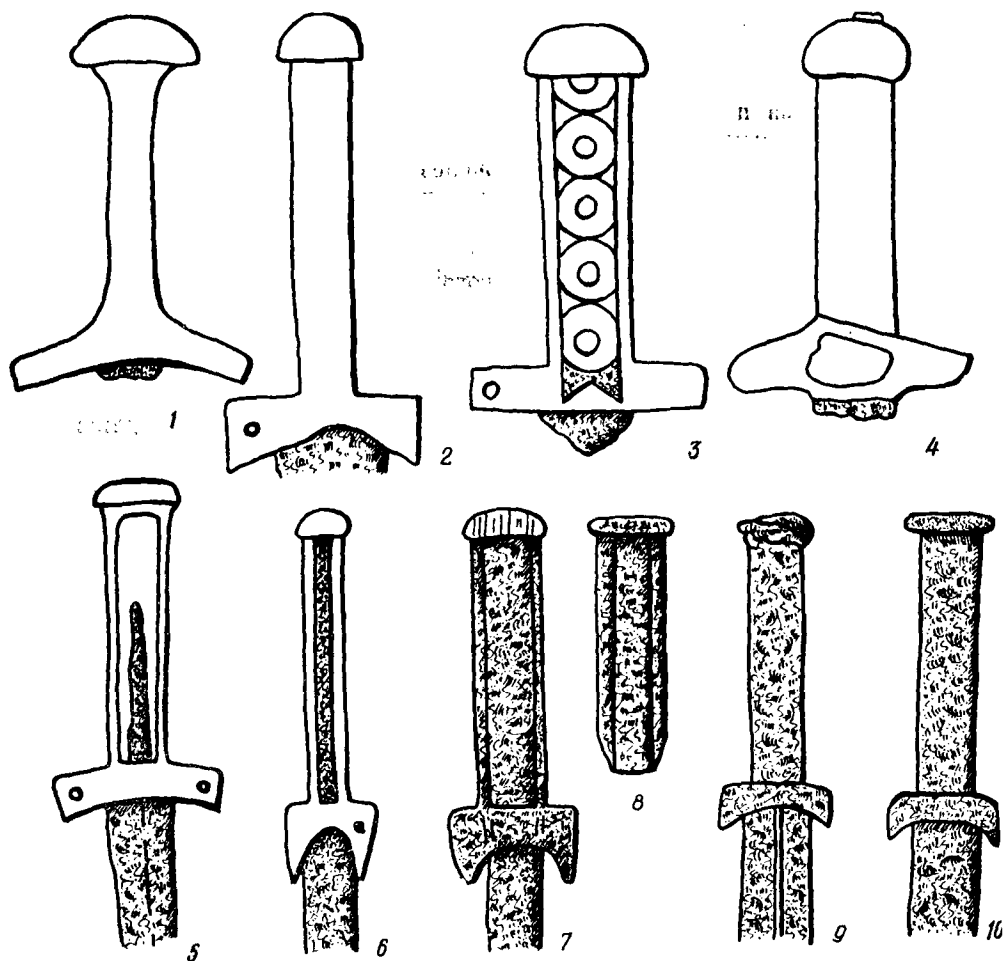

Рис. 2. Переходные типы мечей и кинжалов:

1 — Мугеранский могильник; 2 — Кескем; 3 — Штрамберк; 4 — Николаевский могильник; 5 — Березовский могильник; 6 — мебельная фабрика в Кисловодске; 7 — Высокая Могила; 8 — Носачево; 9 — Белогордец; 10 — Бельское городище.

тельствуют о том, что киммерийское оружие изготавливалось в разных центрах. Поэтому не существовало и единой линии их типологического развития, а среди находок встречается много различных вариантов. При изготовлении этих вариантов оружия использовались не только различные изобразительные средства, в частности, игра красок, создаваемая сочетанием железных и бронзовых деталей, но и отражались поиски различных технологических решений.

Если в упомянутом кинжале с рамочной рукояткой из Березовского могильника художественный эффект сопоставления железа и бронзы еще не используется, так как черенок был скрыт в рамке рукоятки деревянной вставкой, то дальнейшее развитие этого варианта приводит к изделию, у которого рамочная бронзовая рукоятка уже по всей длине прямоугольного выреза плотно соединяется с широкой черенковой частью железного клинка, как это имеет место у одного из кинжалов, найденных в могильнике у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 2, 6). У этого кинжала перекрестье имеет ясно выраженную выемку с нижней стороны и соответственно опущенные концы. Именно этот тип оружия поздней группы заслуживает особого внимания, так как биметаллические мечи и кинжалы с широким черенком, как бы вставленным в окошко рамочной бронзовой оправы рукоятки, не только получили широкое распространение, но и оказались связанными с теми прогрессивными ремесленными центрами, в которых наблюдается увеличение доли кузнечной обработки железа в технологическом процессе, приводящее к появлению полностью железных изделий. Судя по находкам (рис. 1; 2), такие центры имелись на Северном Кавказе, в области Волго-Камья и Среднем Поднепровье.

К числу типичных изделий этого круга относится и биметаллический

кинжал из окрестностей Кисловодска, который поступил на исследование с отломанным брусковидным павершием* (рис. 1, 7). Впрочем, для исследования это не было помехой, а, напротив, позволило без особых усилий сделать шлиф поперечного разреза и хорошо рассмотреть детали рукоятки. Соединение бронзовой и железной частей здесь произведено следующим образом. Плоский железный черенок имел сложную конфигурацию: в результатековки его поперечное сечение получило форму трапеции. В свою очередь бронзовая часть рукоятки была отлита таким образом, что вдоль нее оставалось прямоугольное окно, через которое просматривалась широкая полоса железного черенка в обрамлении бронзовых бортиков. Скошенные грани железного черенка прочно заклинивались при этом в треугольных пазах бронзового бортика сложной конфигурации. Стало понятным и функциональное назначение точечного орнамента, имеющегося с двух сторон на бронзовой части рукоятки. Нанесенные пробойником ряды точечных вдавливаний уплотняли соединение бронзовой рукоятки с краями железного черенка кинжала. Таким образом, здесь мы имеем дело со сложной, хорошо продуманной конструкцией, в которой тщательная работа кузнеца сочетается с умелыми действиями бронзолитейщика. И бронза и железо выполняли здесь как важные технические, так и художественные функции, создавая игру светотени и цветовой гаммы голубовато-серого и желтоватого металла.

Рукоятки этого типа оказались настолько удачными и популярными, что не только получили распространение в разных вариантах в киммерийскую эпоху**, но, пережив ее, сохранились и

* Получен от В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева, которым автор очень признателен.

** Своеобразный вариант представляют некоторые раннеананьинские кинжалы, которые внешне очень похожи на поздние северокавказские, но сделаны по иной технологии.

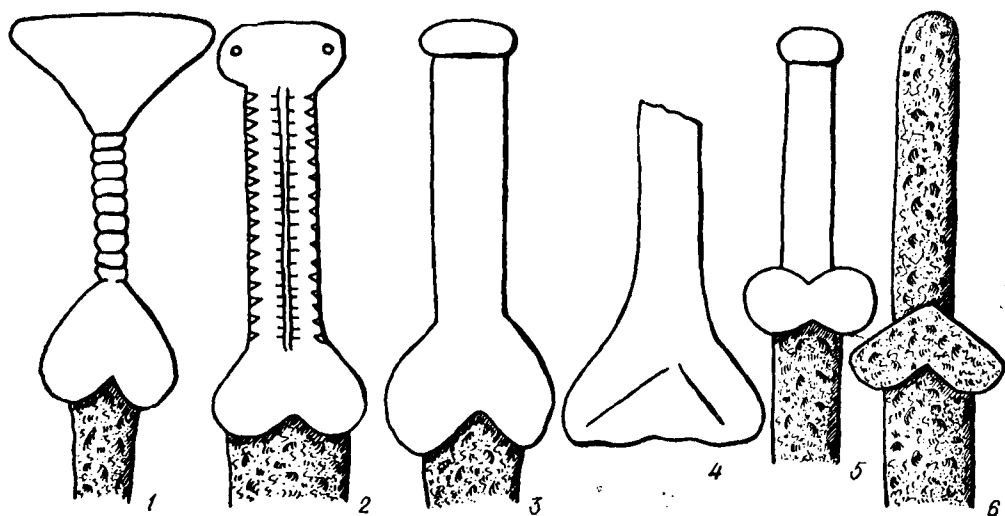

Рис. 3. Вариации перекрестий:

1 — Софиевка; 2 — Старший Ахмыловский могильник, погребение № 704; 3 — Танеевский могильник; 4 — Фаскау; 5 — Старший Ахмыловский могильник; 6 — Лермонтовский разъезд.

в скифское время, оставив ряд переходных форм, свидетельствующих о преимущественности ремесла.

По мере прочного овладения методамиковки и сварки фигурных деталей из железа начали появляться и цельножелезные экземпляры киммерийских мечей и кинжалов, у которых старая конструктивная схема, выработанная при изготовлении биметаллического оружия, сохраняется лишь в виде деталей художественного оформления рукоятки. Железные кинжалы из Высокой Могилы и Носачево (рис. 2, 7, 8) имеют рукоятки с углубленной средней частью и выступающими бортиками, копируя тем самым рамочные рукоятки биметаллических кинжалов. У киммерийского кинжала из Белоградца и у меча из Бельского городища (рис. 2, 9, 10) плоская рукоятка уже не имеет бортиков по краям, но перекрестье еще сохранило киммерийскую форму. Однако не все мастера строго придерживались традиционных форм.

Одновременно с линией развития, в которой традиционно сохранились старые формы оружия при переходе к но-

вому материалу, шли поиски новых форм рукоятки и особенно таких деталей, как перекрестия, имевшие важное значение для обеспечения удобного манипулирования мечом или кинжалом в бою и для защиты руки от скользящего вдоль лезвия удара клинка противника. Помимо прямых перекрестий и разных вариантов вогнутых в нижней части перекрестий с опущенными заостренными концами уже в доскифское время среди биметаллических и целиком железных экземпляров мечей и кинжалов появляются экземпляры с бабочковидным или близким к нему перекрестьем, имеющим вогнутость в нижней части и закругленные края. О том, что такие поиски начались весьма рано, свидетельствует биметаллический кинжал из Софиевки (рис. 3, 1), изготовленный еще в технике, характерной для ранней группы киммерийского оружия²⁵. К доскифским изделиям относится также биметаллический кинжал из погребения № 704 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 3, 2), который может быть датирован первой половиной

VII в. до н. э.²⁶ Близкими по времени должны быть и другие биметаллические кинжалы с подобными перекрестиями и своеобразный кинжал с восьмеркообразным перекрестьем из Старшего Ахмыловского могильника (рис. 3, 3, 4, 8)²⁷. К началу VII в. до н. э. относится железный меч, имеющий рукоятку с бабочковидным перекрестьем (рис. 3, 6), из комплекса у Лермонтовского разреза вблизи Пятигорска (находка 1950 г.), который по праву считается типичнейшим для киммерийских памятников новочеркасского типа²⁸. Таким образом, идея подобного оформления перекрестья возникала, видимо, неоднократно, но признание получила не сразу.

Если эти изделия представляют интерес прежде всего как ранние проявления новых форм перекрестья, то имеется и ряд других важных находок, у которых новая форма традиционно сочетается со старой технологией изготовления оружия с биметаллическими рамочными рукоятками, что также очень показательно для выяснения преемственности ремесла. Переходную форму дает датированный концом VIII в. до н. э. биметаллический меч с рамочной рукояткой из Тлийского могильника (рис. 4, 1)²⁹. Технологически он соответствует типично киммерийской схеме. Середина бронзовой части рукоятки имеет характерное прямоугольное отверстие, через которое видна полуса черенковой части железного клинка, входящая внутрь, как у киммерийских биметаллических кинжалов из могильника у мебельной фабрики (рис. 2, 6) и из окрестностей Кисловодска (рис. 1, 7). Перекрестье у тлийского меча отделено от рукоятки не четко, в верхней части оно еще прямое, но в нижней концы уже закруглены. Дальнейшее развитие этого типа прослеживается на ряде биметаллических экземпляров VII—VI вв. до н. э. К числу таких находок относится биметаллический меч из Кумбулты в Се-

верной Осетии, от которого сохранилась рамочная рукоятка с частью железного клинка (рис. 4, 2). Бабочковидное перекрестье в этом случае уже четко отделено от остальной рукоятки. Через прямоугольное отверстие в средней ее части виден широкий железный черенок. Для большей надежности крепления верхний конец черенка был пропущен в наваршие, как у киммерийского меча из Николаевского могильника. Овальное наваршие с выпуклой верхней частью напоминает более ранние грибовидные наваршия, но перекрестье уже типично бабочковидное. Видимо, таким же или близким к нему был биметаллический меч из Фаскау, от которого сохранился лишь фрагмент нижней части рукоятки, а также меч из Кумбулты (верхняя часть рукоятки с выходом черенка на наваршие сделана по той же киммерийской схеме) (рис. 4, 3, 4).

С этой же группой изделий технологически и типологически связан и биметаллический кинжал из кургана у хут. Степного (рис. 4, 5), найденный с остатками пожен, украшенных бронзовой фигуркой свернувшейся пантеры³⁰. По совокупности данных этот архаический комплекс датируется самым началом VI в. до н. э., если не более ранним временем. Рукоятка этого кинжала имеет брусковидное наваршие и бабочковидное перекрестье, но сделана еще в традициях, восходящих к киммерийской технологии. В средней части рамочной бронзовой рукоятки имеется характерное прямоугольное око, через которое виден вставленный внутрь плоский железный черенок клинка.

Таким образом, в целом ряде изделий раннескифского времени четко прослеживается сочетание старых киммерийских традиций с новыми, получившими распространение уже в скифское время. Длительное сохранение биметаллизма также весьма показательно и объясняется отнюдь не только худо-

жественными достоинствами бронзы, а прежде всего тем, что ремесленники, занимающиеся изготовлением мечей и кинжалов, еще недостаточно хорошо владели техникой обработки железа. Они явно избегали усложненнойковки, а тем более кузнечной сварки при изготовлении перекрестья и навершия. При хорошо разработанной технологии литья из цветных металлов для них гораздо легче было отлить фигурную ручку, чем выковать ее из железа. Этим можно объяснить и то обстоятельство, что некоторые ранние железные мечи лишены металлического перекрестья или навершия. Если у меча из Лермонтовского разъезда (рис. 3, 6) навершие могло быть утеряно из-за плохой сварки, то у меча из хорошо сохранившегося комплекса в кургане у с. Зольное под Симферополем³¹ перекрестье отсутствовало.

В дальнейшем с развитием кузнечного ремесла скифской эпохи связь с биметаллическими мечами и кинжалами киммерийского времени, имевшими рамочную рукоятку, сохраняется, однако конструкция приобретает характер орнаментации. Общая схема повторяет определенные детали конфигурации рамочной биметаллической рукоятки, но уже не имеет конструкционного значения. Собственно рукояточная часть оружия при этом еще долго сохраняет трехчленное деление, при котором края приподняты, а средняя часть, где раньше находилось своеобразное окошко, делается углубленной. Прекрасными ранними образцами таких изделий могут служить меч второй половины VII — начала VI в. до н. э. из Кармир-Блур³² (рис. 4, 6), ряд мечей из раскопанных А. Н. Калантадзе погребений конца VII — начала VI в. до н. э. Самтаврского могильника (рис. 4, 7), а среди более поздних — кинжал конца VI — начала V в. до н. э. из с. Гниляково Одесской области³³, акинаки из Лугового могильника в Ингушетии³⁴ (рис. 4, 8, 9) и др.

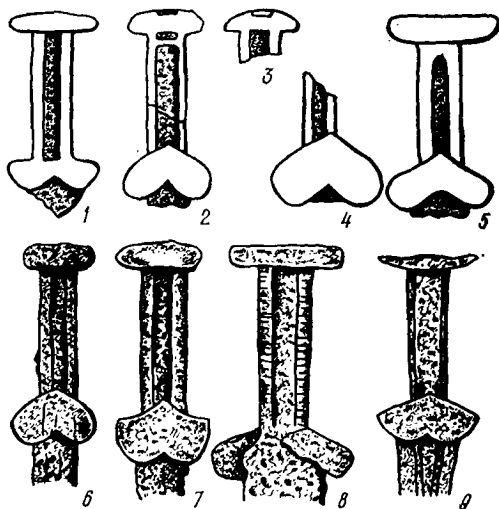

Рис. 4. Рамочные биметаллические мечи с бабочковидным перекрестьем и подражания им: 1 — Тлийский могильник; 2, 3 — Кумбулта; 4 — Фаска; 5 — Степной; 6 — Кармир-Блур; 7 — Самтаврский и 8 — Луговой могильники; 9 — Гниляково.

Такая же связь прослеживается и в развитии другого типа мечей и кинжалов, имеющих брусковидное навершие и почковидное перекрестье. В этом случае звеном, связанным по технологии с киммерийским оружием, является биметаллический меч из раскопок В. В. Хвойки в 1899 г., хранящийся в коллекции Государственного исторического музея в Киеве (рис. 5, 1). В публикации Б. Н. и В. И. Ханенко сказано, что меч происходит из кургана у с. Прусы (Михайловка)³⁵, где действительно были раскопаны курганы с архаическим инвентарем, в том числе курган № 13 конца VII — начала VI в. до н. э. Однако в последнее время этот меч относят к кургану № 2 у с. Райгородок*. Так или иначе, но меч несомненно архаичен и представляет интерес для изучения генезиса

* К сожалению, документация этих раскопок В. В. Хвойки не сохранилась. В описи ГИМУ (№ Б 34—67) и на плашете указано с. Прусы, но есть более поздняя приписка, указывающая с. Райгородок.

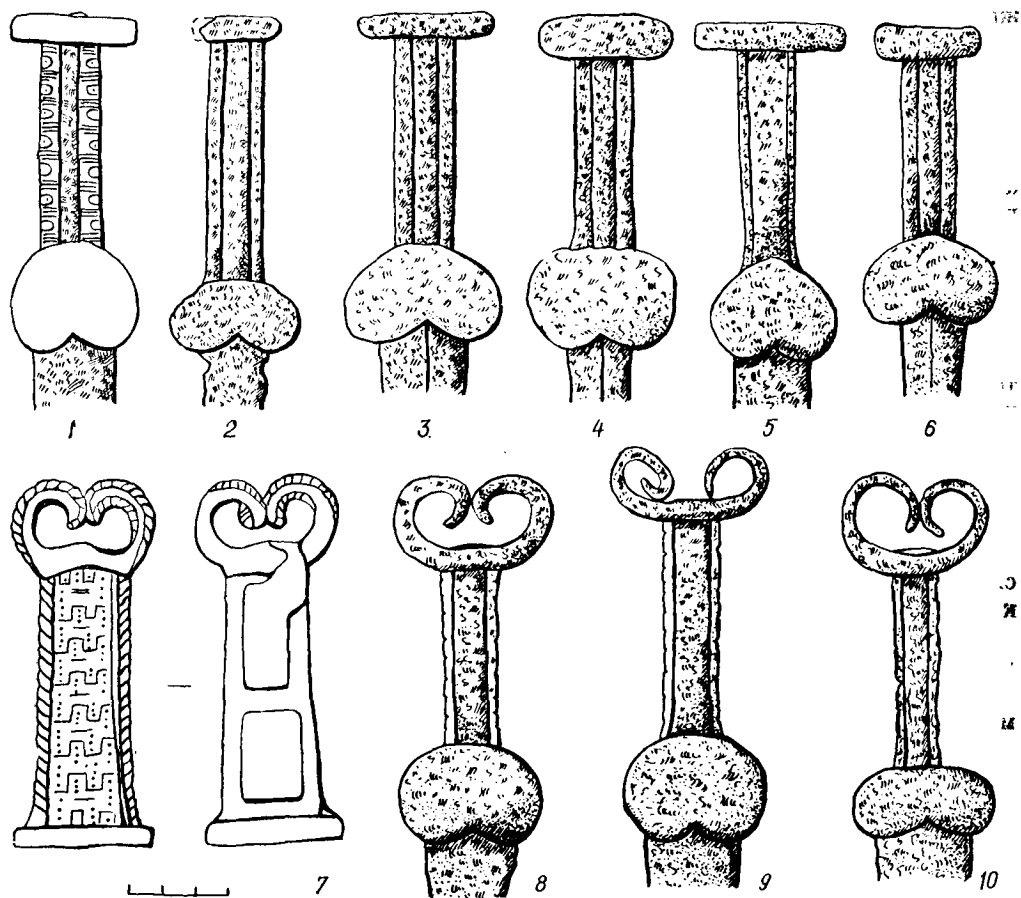

Рис. 5. Рамочные биметаллические мечи и кинжалы с почковидным перекрестьем и бруско-видным или простым антенным навершием и подражания им:

1 — из раскопок Хвойки у с. Прусы (Райгородок); 2 — Рыжановский курган; 3 — Куриловка; 4 — Старшая Могила; 5 — Журовка; 6 — Чигирин; 7 — Витебск; 8 — Сахновка; 9 — Ивановский склад; 10 — случайная находка у Смелы.

этого вида вооружения. Благодаря тому что рукоятка меча сломана в средней части, мы получили возможность без специального разреза в деталях ознакомиться с ее устройством. Поражает сходство с киммерийской технологией, которое прослеживается даже в мелких деталях. Плоский железный черенок этого меча, входящий в рамочную бронзовую рукоятку, выкован, как и у киммерийского кинжала из окрестностей Кисловодска таким образом, что его поперечное сечение

получило форму трапеции. Бронзовая деталь рукоятки отлита со сквозным прямоугольным окном, через которое виден плоский железный черенок. В боковых частях этой бронзовой детали имеются пазы, в которых плотно зажаты края черенка. Верхний конец его выходит на навершие и слегка расклепан, как у киммерийского меча из Николаевского могильника и у меча из Кумбулты. Боковые части бронзовой рукоятки украшены геометрическим орнаментом, выполненным при литье.

Связь с приемами, применявшимися киммерийскими оружейниками, здесь несомненна.

Ко второй половине VII в. до н. э. относится уже чисто железный вариант кинжала такого типа³⁶ из Рыжаповского кургана № 5. У этого экземпляра рукоятка имеет трехчленное деление с углубленной средней частью (рис. 5, 2), по продольные бортики превратились уже в орнаментальный мотив. Такой же формы и рукоятка меча VII—VI вв. до н. э. из кургана № 77 у с. Куриловка³⁷, рукоятка большого меча из кургана Старшая Могила (рис. 5, 3) первой половины VI в. до н. э.³⁸ и рукоятки целой серии других мечей и кинжалов VI в. до н. э. (находки у Чигиряна, в Журовке, Зеленом Саду, Старом Салтове и др.³⁹). Весьма показателен и тот факт, что почти все древнейшие мечи этого основного для архаики типа, в том числе и биметаллический экземпляр, найденный В. В. Хвойкой, происходят, как отметила еще А. И. Мелюкова, из памятников не Степной, а Лесостепной Скифии. Видимо, в это время именно здесь находились важные центры обработки металлов, связанные с древними традициями киммерийского ремесла.

Аналогичная картина вырисовывается и для другого типа древнейших скифских мечей и кинжалов с простым антенным навершием и почковидным перекрестьем. В данном случае звеном, связывающим этот тип оружия скифской эпохи с традициями предыдущей, киммерийской, эпохи, является бронзовая часть рукоятки биметаллического меча, найденная еще в 1898 г. у Витебска и хранящаяся сейчас в Государственном археологическом музее в Варшаве⁴⁰ (рис. 5, 7). Эта рамочная рукоятка отлита таким образом, что на одной ее стороне имеется, как и у киммерийских образцов, прямоугольное окно, разделенное небольшой перегородкой. Через это окно у целого экземпляра был виден плоский железный

черепок клинка, входивший внутрь рукоятки. Не свойственный скифскому оружию орнамент в виде сочетания рядов ломанных линий, точек и косых насечек весьма своеобразен, по все же стилистически более близок к киммерийскому геометрическому орнаменту. Он несколько напоминает орнамент на песчаниковой стеле из кургана киммерийской эпохи у с. Белоградец в Болгарии⁴¹. Навершие простое антенное, а перекрестье архаической прямой формы. Таким образом, технология изготовления этого меча была еще киммерийской, а в оформлении киммерийские черты сочетаются уже с характерным для скифского времени антенным навершием. Скорее всего, такая конструкция могла появиться во второй половине VII в. до н. э.

Дальнейшая эволюция мечей этого типа аналогична эволюции мечей с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем. Имеется целый ряд чисто железных экземпляров (находки у Сахновки, у Иваповского склада, случайные находки у Смелы (рис. 5, 8—12) и др.), в том числе хорошо датируемый меч второй половины VI в. до н. э. из Гермонассы⁴², которые свидетельствуют, что и здесь детали, игравшие ранее определенную конструктивную роль, приобретают значение чисто художественного оформления. Сохраняется трехчленное деление рукоятки с углубленной средней частью там, где раньше в бронзовых рукоятках было прямоугольное окно с выступающими, иногда орнаментированными бортиками по краям.

Таким образом, с удивительной последовательностью и постоянством в развитии нескольких типов мечей и кинжалов скифской эпохи прослеживается их связь с образцами киммерийского биметаллического оружия, что свидетельствует о наличии определенной преемственности металлообрабатывающего ремесла киммерийской и скифской эпох.

Значительный интерес для данной темы представляет также изучение развития технологии изготовления наконечников стрел киммерийской и скифской эпох. Мы не будем здесь говорить о костяных наконечниках, так как основу колчаных наборов уже в киммерийское время составляли довольно разнообразные бронзовые наконечники стрел. А. И. Терепожкин выделил в киммерийских памятниках три типа более ранних (малоцимбальских) и три типа более поздних (новочеркасских) наконечников стрел, из которых наибольшее распространение получили малоцимбальские втульчатые двухлопастные с продолговатой ромбической и с килевидной головкой, лавролистные и новочеркасские с тонкой длинной втулкой и небольшой ромбовидной головкой. Кроме того, в типично киммерийских памятниках встречаются и двухлопастные наконечники с ромбической головкой, получившие название жаботипских⁴³.

История этих наконечников еще не совсем ясна. А. И. Мелюкова⁴⁴ и К. Ф. Смирнов⁴⁵ отмечали связь раннескифских листовидных (лавролистных) наконечников стрел с втульчатыми андроновскими и абашевскими. В. И. Ключко⁴⁶ определил в этом развитии место малоцимбальских наконечников стрел, показав их связь, с одной стороны, с андроновскими, с другой — с раннескифскими. Появившиеся в киммерийское время ранние жаботипские наконечники В. А. Ильинская определила как скифские⁴⁷, хотя, на наш взгляд, с большим основанием их следует считать киммерийскими. А. И. Тереножкин отрицал преемственность между наконечниками черноговского и новочеркасского этапов, а также отмечал, что наконечники новочеркасских типов не эволюционируют в скифские⁴⁸.

Для выяснения наличия или отсутствия генетических связей в развитии и этого вида вооружения важна не

только форма изделий, но и технология их изготовления. Основные этапы и направления развития технологии в литературе еще не выделялись, хотя были опубликованы важные материалы и сделан ряд интересных наблюдений. Б. Н. Граков впервые правильно показал, что скифские втульчатые наконечники отливались из бронзы в формах со стержнями для образования втулки⁴⁹. Ф. М. Штителман⁵⁰ и А. И. Фурманская⁵¹ опубликовали ряд литейных форм, но, к сожалению, не обратили внимания на существенные детали и не дали этим находкам должного объяснения. Сборка стержня с формой из с. Букрип в публикации Ф. М. Штителман показана неправильно⁵². Большое значение имело введение А. А. Иессеном в научный оборот литейной формы из Новочеркасского клада 1939 г.⁵³

Важная находка была обнаружена при раскопках Кировского поселения эпохи поздней бронзы. Здесь в верхней части культурного слоя найдена каменная литейная форма для отливки наконечников стрел⁵⁴. Изображение А. М. Лесковым не опубликовано, поскольку он сомневался в возможности ее связи с поселением, конец существования которого относил к началу VIII в. до н. э.

Изучение литейных форм киммерийского и скифского периодов, а также бронзовых наконечников стрел, особенно бракованных, показывает, что литейщикам этого времени было очень важно найти наиболее удачное решение двух важных вопросов: 1) как добиваться прочной вертикальной установки стержня, при которой верхняя его часть не касалась бы внутренних стенок литейной формы на том участке, где отливалась втулка и как при отливке очень тонкого изделия обеспечить хороший отвод газов, не допустить образования раковин и пористой структуры металла. Неровные отверстия на лопастях и втулках многих

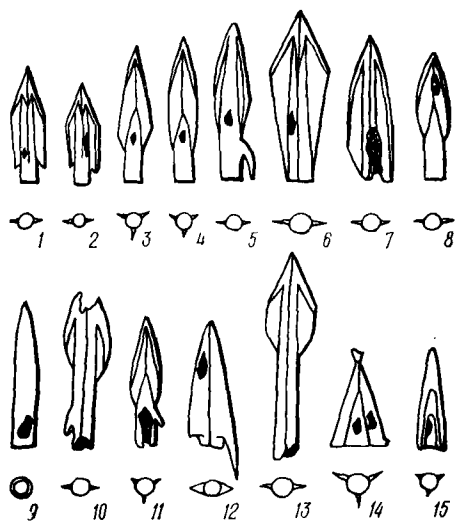

Рис. 6. Бронзовые наконечники стрел с литейным браком:

1, 2 — Высокая Могила; 3, 4 — Кармир-Блур; 5 — Самтаврский могильник, погребение № 194; 6 — с. Глинине в бассейне Псла; 7—12 — Лихачевка, коллекция И. А. Зарецкого; 13 — Бельское городище; 15 — Макеевка, курган № 4616.

бронзовых наконечников (рис. 6) наглядно свидетельствуют о важности этих вопросов. В зависимости от способов их решения в развитии технологии литья наконечников стрел на юге Восточной Европы существовало два совершенно различных направления.

Первое направление связано с деятельностью ремесленников, применявших сложные литейные формы, в которых одновременно отливалось несколько наконечников. Стержни в этих формах не имели никакой связи с той частью формы, в которой отливались наконечники. Идеальный образец формы этого типа найден в Новочеркасском кладе второй половины VII — первой половины VIII в. до н. э. (рис. 7, 1). Хотя сохранилась только одна часть медной формы, основные особенности ее ясны. Заливка металла производилась через воронкообразные отверстия сверху. Хорошо видны негативы для отливки двухлопастных листовидных наконечников с втулкой,

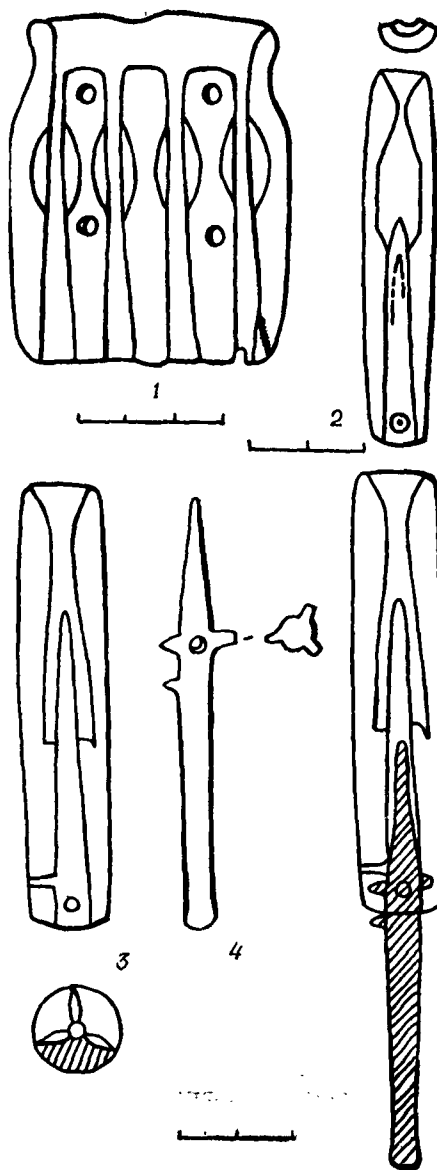

Рис. 7. Медные литейные формы:

1 — Новочеркасский клад; 2 — форма из коллекции А. А. Бобринского; 3 — форма, 4 — стержень к форме, 5 — схема сборки стержня с верхней частью из с. Букрин.

переходящей внизу в коническое отверстие для стержней. Сами же стержни в этой части формы не фиксировались. Четыре отверстия предназна-

лись для штифтов, позволяющих точно соединить одну половинку литейной формы с другой, имевшей симметричное расположение деталей. Выемки с двух сторон верхней части формы, очевидно, предназначались для связывания этих половинок. Нижняя часть формы с коническими стержнями не сохранилась, но на способ крепления подобных стержней указывает литейная форма из Мосула⁵⁵. Конические стержни таких форм неподвижно закреплялись в вертикальном положении на поддоне, а верхняя часть формы устанавливалась таким образом, чтобы можно было насаживать на стержни. Следует отметить, что сохранившаяся часть новочеркасской формы без стержней не дает возможности определить точно длину втулки у отливавшихся в ней стрел, так как размер втулки зависит от конфигурации и размеров вставлявшихся стержней.

Задачи, связанные с точной фиксацией стержней по отношению к остальной форме и с выводом газов при заливке металла, еще не нашли здесь удачного решения. При установке верхней части формы на поддоне трудно было предотвратить небольшие сдвиги и перекосы, а при толкостности стенок отливок даже доли миллиметра имели большое значение. Газ выходил только вверх через конусы литников, не обеспечивая достаточной плотности отливок. В. А. Ильинская и В. И. Ключко отмечали, что наконечники новочеркасского типа после отливки подвергались еще проковке по краям лопастей⁵⁶. Это делалось для увеличения плотности металла отливок, ликвидации мелких раковин.

Таким образом, данная конструкция позволяла отливать одновременно в одной форме несколько наконечников, но не обеспечивала их высокое качество.

Второе направление в деятельности оружейников-бронзолитейщиков, развивавшееся параллельно, фиксируется

находками целого ряда литейных форм другого типа, предназначенных для отливки в каждой из них только одного наконечника. Процесс усовершенствования технологии в данном случае четко прослеживается благодаря находкам целой серии хронологически различных, но генетически связанных между собой форм.

Находка на Кировском поселении в Крыму позволила ознакомиться с одной из ранних литейных форм. В. И. Ключко исследовал эту форму, провел с ней эксперименты и познакомил нас с полученными отливками. Мы не будем здесь подробно ее описывать. Отметим лишь, что в этой форме из талькового сланца, состоящей вместе со стержнем из четырех частей, отливались трехлопастные втульчатые наконечники стрел с опущенными концами лопастей. Очень близкий по форме наконечник был найден в разрушенном погребении у с. Мошны вместе с бронзовыми жертвенными ножками и восьмеркообразными удилами из бронзы*. Стержень формы с Кировского поселения не сохранился, но в нижней ее части имеется углубление, явно предназначенное для выступа на стержне, который таким образом скреплялся с основной частью формы. Это не давало стержню смещаться по вертикали, но слишком короткое нижнее коническое отверстие для стержня еще не обеспечивало надежного предохранения его от перекоса.

О дальнейшем развитии этого направления свидетельствует часть формы из Среднего Поднепровья (рис. 7, 2) из коллекции А. А. Бобринского⁵⁷. Это уже четырехсоставной медный кокиль для отливки трехлопастных башнеобразных стрел конца VI — начала V в.⁵⁸ Более длинное, чем у формы с Кировского поселения, нижнее коническое отверстие в сочетании с та-

* Коллекция ГИМ. Находка у с. Мошны (Мошки), № 32834.

ким же углублением для выступа стержня обеспечивало устойчивое закрепление последнего.

Наконец, самой совершенной является медная четырехсоставная форма (кокиль) из с. Букрип (рис. 7, 3—5), предназначенная для отливки трехлопастных наконечников, характерных для V—IV вв. до н. э.⁵⁹ Сохранившаяся часть формы и стержень к ней дают возможность проследить все детали и убедиться, что эта форма позволяла уже получать высококачественные отливки. Достаточно длинное нижнее коническое отверстие для вставления стержня, перпендикулярное одному из трех верхних выступов стержня, и дополнительный нижний выступ на стержне, упирившийся в основание литейной формы, обеспечивали жесткое устойчивое крепление стержня. Было, наконец, улучшено и удаление газов. Никто до сих пор не обращал внимания на такую важную деталь: в нижней части этой литейной формы имелось дополнительное горизонтальное отверстие (выпор), облегчающее выход воздуха и газов при заливке металла в форму. На первый взгляд может показаться, что применение таких форм делало труд литейщика менее производительным, чем при использовании форм повочеркасского типа. Однако на самом деле литейщик, конечно, не плавил металл для заливки только одной формы. Несколько таких форм можно было легко связывать в единый блок и при одном разливе заполнить последовательно все формы. Таким образом, одновременно отливалась не одна, а несколько стрел, но в индивидуальных формочках, обеспечивающих высокое качество изделий. Кроме того, следует учитывать, что медный кокиль поддерживал большое количество отливков.

Второе направление в развитии местной технологии литья, восходящее к доскифскому времени, оказалось более эффективным, в отличие от ново-

черкасской технологии, не получившей дальнейшего развития. Преемственность обеспечивалась развитием форм от кировской к букрипской. А. И. Тереножкин видит отсутствие преемственности в том, что малоцимбальские формы наконечников никакими переходными чертами не связаны с повочеркасскими, а последние не эволюционируют в скифские. Но при этом можно предположить, что отливавшиеся в повочеркасской форме листовидные наконечники подвергались затем существенной переработке и превращались в ромбические⁶⁰. Это не достаточно убедительно, так как в таком случае следует допустить, что ремесленник заведомо создавал себе дополнительную работу и тратил лишний металл, хотя ему ничего не стоило сразу же при изготовлении литейной формы сделать негатив для ромбических, а не для листовидных наконечников. В действительности при помощи повочеркасской формы изготавливались все же именно листовидные наконечники, позволяющие протянуть пень, с одной стороны, к листовидным (лавролистым) цимбальским наконечникам, а с другой стороны, к двухлопастным наконечникам стрел с лавролистной или овальной головкой, встречающимся в комплексах раннескифского времени. Необходимо учитывать и то важное обстоятельство, что типичные для повочеркасского времени формы наконечников сосуществуют с жаботинскими наконечниками и даже встречаются совместно в одном и том же типично киммерийском комплексе кургана у с. Белоградец. Следовательно, ранние наконечники жаботинского типа следует рассматривать как одну из киммерийских форм наконечников стрел, которая продолжает существовать и в раннескифское время. Таким образом, развитие технологии изготовления и формы бронзовых наконечников стрел также подтверждают существование длительной и

непрерывной традиции ремесленного производства, связывающего киммерийскую и скифскую эпохи.

- ¹ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, 1918, № 37, с. 37.
- ² Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы.— Л., 1974, с. 39—40.
- ³ Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971, с. 92.
- ⁴ Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 60.
- ⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев, 1976, с. 209.
- ⁶ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 32.
- ⁷ Там же, с. 30.
- ⁸ Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— ПСА, 1971, с. 75—91.
- ⁹ Мурзин В. Ю. Степная Скифия VII—V вв. до н. э.: Автореф. ... канд. ист. наук. Киев, 1979, с. 11—12.
- ¹⁰ Brentjes B. Die iranische Welt vor Mohammed.— Leipzig, 1978, S. 109, Abb. 48.
- ¹¹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 60.
- ¹² Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 82, 205.
- ¹³ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период).— СА, 1977, № 1, с. 57—74.
- ¹⁴ Шрамко Б. А. К истории развития древней металлургии и металлообработки железа.— Вопр. истории естествознания и техники, 1976, вып. 4, с. 49—54.
- ¹⁵ Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979, с. 47.
- ¹⁶ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы, с. 30.
- ¹⁷ Кузьмина Е. Е. Об ашьянской линии синхронизации сибирских бронз.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 31—38.
- ¹⁸ Киселев С. В. Древняя история южной Сибири.— М.; Л., 1949, с. 72.
- ¹⁹ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы, рис. 4, 1, 5. Здесь меч из Гербино показан лишь со стороны, не имеющей перемычек, и на рис. 4, 1 назван предскифским, хотя является явно карасукским.
- ²⁰ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 39.
- ²¹ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы, с. 3—35.
- ²² Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Начальный этап обработки железа, с. 60.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Аюфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пяти-

- горского типа из Прикубанья.— МИА, 1965, № 130, с. 196, рис. 1, 4.
- ²⁵ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы, с. 4, рис. 1, 13.
- ²⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э.— М., 1977, с. 164, рис. 61, 10.
- ²⁷ Там же, с. 163, рис. 60, 2.
- ²⁸ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы, с. 27.
- ²⁹ Техов Б. В. Тлийский могильник и проблемы хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3, с. 31.
- ³⁰ Виноградов В. Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии.— СА, 1974, № 4, с. 258—263.
- ³¹ Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя.— КСИА АП УССР, 1962, вып. 12, с. 58, рис. 2.
- ³² Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур.— Л., 1970, рис. 53.
- ³³ Дьямант Э. И., Черненко Е. В. Скифский кинжал из Одесского музея.— ЛИУ, 1968, 1971, вып. 3, с. 159—160.
- ³⁴ Кривцов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.— М., 1960, с. 281, рис. 47, 2—3.
- ³⁵ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья.— Киев, 1900, вып. 3, с. 12, 166.
- ³⁶ Тереножкин А. И. Погребение раннего скифского времени у с. Рыжаповка.— МИА, 1965, № 130, с. 211—215.
- ³⁷ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 15, 10.
- ³⁸ Галінська В. А. Курган Старша Могила — памятка архайної Скіфії.— Археологія, 1951, т. 5, с. 199, рис. 1.
- ³⁹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 15, 2, 4, 5, 7, 9, 10.
- ⁴⁰ Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши.— Минск, 1979, с. 88.
- ⁴¹ Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.— Thracia, Serdicae, 1972, 1, с. 107—110, рис. 5—7.
- ⁴² Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 20.
- ⁴³ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 133—135; Галінська В. А. Бронзові пакопечники стріл так званих жаботинського і повочеркаського тишів.— Археологія, 1973, 12, с. 13—26.
- ⁴⁴ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 91 и сл.
- ⁴⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— М., 1961, с. 37 и сл.
- ⁴⁶ Ключко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых пакопечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 40—46.

- ⁴⁷ Іллінська В. А. Бронзові наконечники стріл..., с. 13—26.
- ⁴⁸ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 137—138.
- ⁴⁹ Граков Б. И. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.— ТСА РАНИОН, 1930, т. 5, с. 70—90.
- ⁵⁰ Штігельман Ф. М. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею.— Археологія, 1947, т. 1, с. 161—162.
- ⁵¹ Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії.— АП, 1958, т. 7, с. 40—60.
- ⁵² Эта ошибка устранена в нашей статье: *Stratko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit.*— In: Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974, Abb. 1, 6. S. 469—484.

- ⁵³ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, М., 1954, с. 120, рис. 9.
- ⁵⁴ Лесков А. М. Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 31, прим. 20.
- ⁵⁵ Граков Б. И. Техника изготовления..., с. 79—80, рис. 9.
- ⁵⁶ Іллінська В. А. Бронзові наконечники..., с. 24; Ключко В. И. Указ. соч., с. 45.
- ⁵⁷ Сейчас форма хранится в Полтавском историческом музее.
- ⁵⁸ Аналогии в курганах Опишлянка и у с. Лихачевка. См.: Мелюкова А. И. Вооружение скифов..., табл. 7 на с. 96.
- ⁵⁹ Аналогии в курганах Раскопана Могила, курган № 4 в могильнике Осиаги. См.: Мелюкова А. И. Вооружение скифов..., табл. 8. Литейная форма из с. Букрин хранится сейчас в Полтавском музее.
- ⁶⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 135—138.

Г. Т. Ковпаненко, Н. Д. Гупало

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА У с. КВИТКИ В ПОРОСЬЕ

Весной 1979 г. колхозники с. Квитки Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл., работая на газонах, обнаружили древние предметы в земле, привозимой самосвалами из кургана, расположенного у северного края села в уроч. Савчии Ветряк. Поскольку курган не охранялся государством, колхоз, начиная с 1970 г., неоднократно брал там землю для своих нужд. К этому времени высота насыпи составляла 2—2,5 м. К сожалению, ни остатки дерева, ни раздавленный бронзовый сосуд не оставили разрушения насыпи. Лишь тогда, когда стало известно о находках на газонах, работы на кургане были прекращены, а вещи переданы в музей Истории Корсунь-Шевченковской битвы. Директор музея Н. Д. Гупало с сотрудниками выехали в село и, перекопав вывезенную с кургана землю, собрали большое количество древних предметов. В яме, вырытой на кургане экскаватором, Н. Д. Гупало нашел массивную золотую бляху, бронзовый наконечник стрелы и 16 фрагментов кера-

мики. Там же, ранее, местными жителями были обнаружены обломки дерева, венчик бронзового сосуда и часть горшка с золой или глиной на дне. Следует отметить, что по свидетельству очевидцев ни костей погребенного, ни костей животного при разрушении кургана обнаружено не было.

Осенью того же года Институт археологии АН УССР провел доисследование кургана¹.

К моменту раскопок насыпь диаметром около 40 м имела высоту до 0,4 м. Центр ее был разрушен огромной ямой размерами 18×11 м, доходившей посередине до материка.

Раскопки кургана производились, как обычно, на спос, с оставлением по оси восток — запад центральной бровки, которая из-за находящейся на линии кургана лесопосадки была несколько смещена к северу от центра (рис. 1, 1).

Сохранившаяся насыпь состояла из однородного чернозема. Погребенная почва находилась на глубине 0,6 м от поверхности кургана.

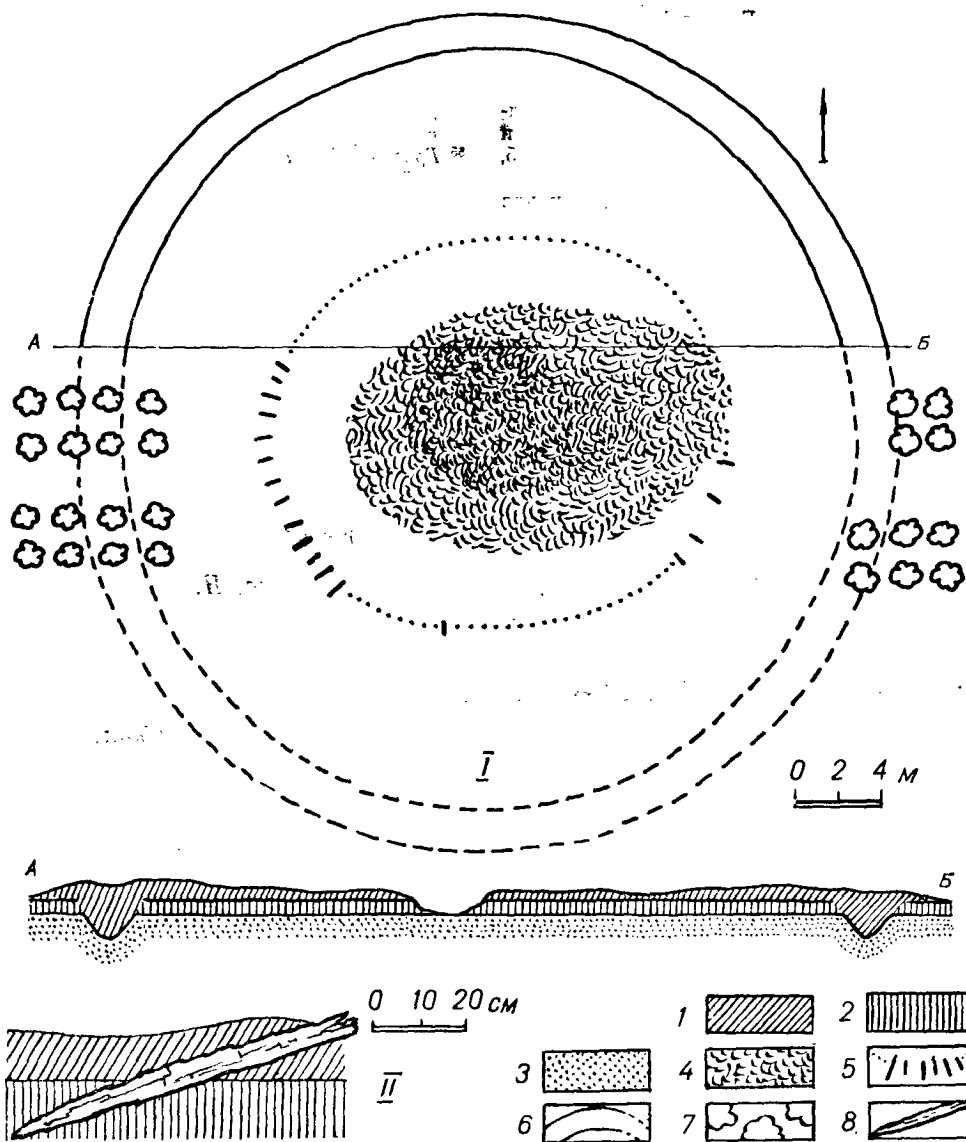

Рис. 1. Курган у с. Квитки.

I. План и разрез кургана.

II. Основание бревна шатрового сооружения (разрез).

Условные обозначения:

1 — чернозем; 2 — древняя почва; 3 — материк; 4 — разрушенная часть кургана (место погребения); 5 — остатки шатрового сооружения; 6 — ров; 7 — лесопосадка; 8 — дерево.

Рис. 2. Раскопки кургана. Вид с запада.

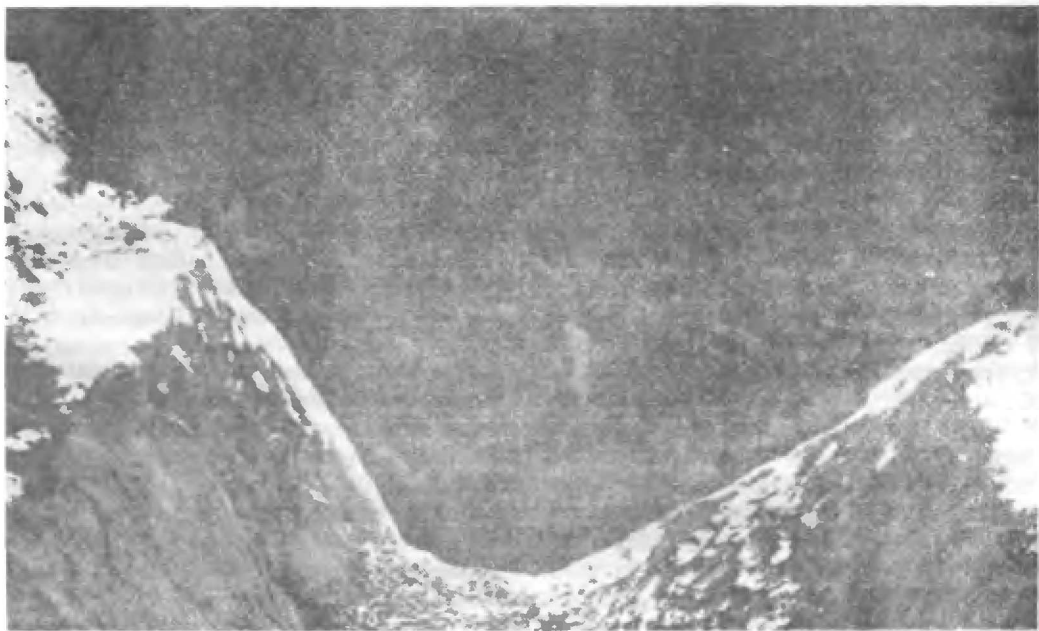

Рис. 3. Ров в кургане.

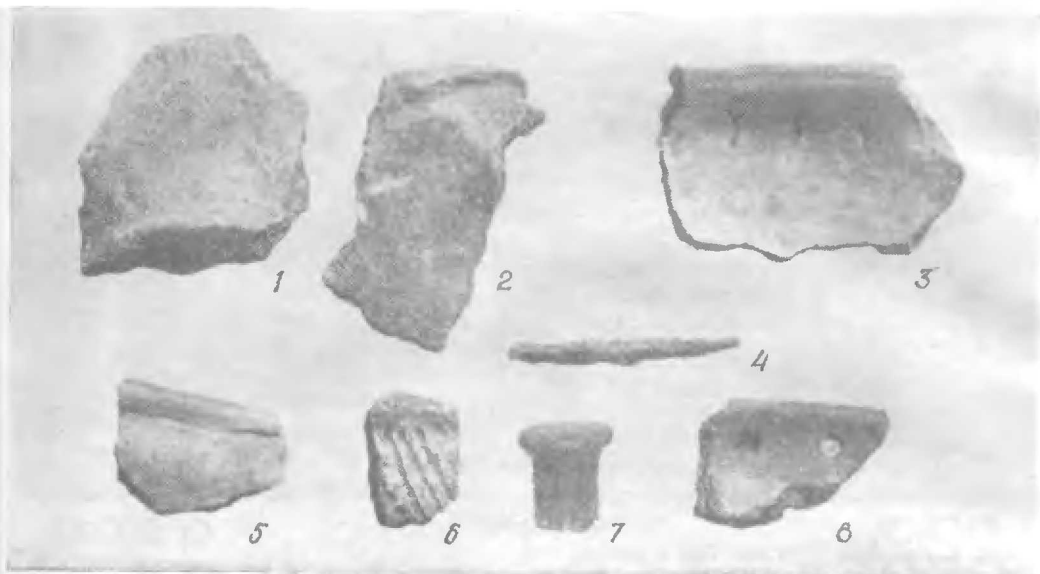

Рис. 4. Находки из рва.

1—3, 5—8 — обломки посуды; 4 — железный стержень.

В процессе раскопок у основания кургана в его северной части был открыт ров диаметром 38 м по внешнему краю. Южная половина осталась нераскопанной, так как находилась под посевами. Ров глубиной 1 м от материка со скошенными стенками и округленным дном, заполненный твердым черноземом, имел ширину на уровне материка 2, у дна — 0,5 м (рис. 1, 2, 3). В северо-восточной части рва найдены остатки тризны: небольшое количество обломков посуды, кости быка и лошади². Керамика представлена фрагментами мисок с более или менее загнутым внутрь краем. Некоторые из них украшены круглым штампом или продолговатыми узкими ямками, встречающимися на мисках VII—VI вв. до н. э. (Трахтемировское городище) (рис. 4, 3, 8). На одном из фрагментов миски чуть ниже венчика сохранилась половина круглого отверстия диаметром около 2 см (рис. 4, 2). Подобные отверстия, расположенные симметрично с двух сторон, встречаются на мисках VII—VI вв. до н. э. в бассейне р. Рось³.

Там же, во рву, найдены цилиндрический отросток от ручки черпака с плоской шляпкой на конце (рис. 4, 7), фрагмент стенки сосуда с заглаженной поверхностью, украшенной резными линиями (рис. 4, 6), такими же как и на сосудах второго этапа черполесской культуры⁴, стенки и днища от горшков и обломок железного четырехгранного в сечении стержня (рис. 4, 1, 4, 6, 7).

В насыпи, вокруг ямы, вырытой экскаватором, обнаружено 18 бревен (13 в юго-западной половине, 1 — в южной и 4 — в юго-восточной) длиной 0,3—0,8 и толщиной 0,1—0,15 м, лежащие радиально по отношению к центру на расстоянии 0,1—0,2 м одно от другого. Края их углублены в древнюю почву на 0,12—0,17 м (рис. 1, II). Бревна ограничивали площадку овальной формы размерами 22×15 м, вытянутую по оси восток — запад (рис. 1, I). Сохранившиеся бревна, по-видимому, являлись основанием большого надмогильного сооружения типа шатра, возвышавшегося над древней поверхностью при-

мерно на 3 м. Отсутствие в насыпи глиняного выкида из могилы говорит о том, что погребение находилось на уровне древнего горизонта или было слегка углублено в древнюю почву.

Округлые в плане шатровые сооружения с «остроконечными крышами» в Лесостепном Правобережье известны с предскифского времени (Константиновка, курганы № 15, 375) и в последующее, скифское, время (Жаботин, курган № 524; Константиновка, курган № 8, 3 и др.). Эти могилы, кроме захоронения в кургане № 524, были впущены в курганы эпохи бронзы. В кургане № 375 «остроконечная крыша» из «расходящихся от центра больших стволов имела малый наклон и покрывала всю середину кургана». Под ней на подстилке из досок в слое угля, золы и обожженной земли лежал инвентарь: раздавленные сосуды, предметы конской упряжки и украшения. Наличие костей погребенного исследователем не отмечено⁵.

В кургане № 15 под шатровым сооружением диаметром 22 м находилась грунтовая яма с деревянным склепом внутри. Между «крышей» и ямой находились «горелая» земля, кости человека и животных, обломки посуды⁶.

В курганах № 8 и 3 найдено по две «остроконечные крыши» из досок, сходящихся в центре. В одном из них (№ 8) верхнее сооружение диаметром около 28 м возвышалось над материком на 4,35 м. Концы бревен опускались до грунта. Нижнее диаметром около 16 м было выше материка на 2,4 м. Под обеими «крышами» находились слои горелой земли, угля, дерева, обожженные кости человека и животных, обломки посуды, а под «нижней крышей» — еще и предметы конской упряжки и орудия труда⁷. Подобные сооружения обнаружены и в кургане № 3. Лишь доски крыши, как отмечает А. А. Бобринский, были тошнее, чем в кургане № 8. Кроме того, у основания нижней крыши, по данным исследова-

теля, был как бы фундамент из глины и мелких камней⁸.

В кургане № 524 покатая деревянная крыша, края которой далеко выходили за пределы могилы, возвышалась на 2 м над уровнем грунта⁹. Деревянный склеп находился на уровне древнего горизонта.

Обожженные и частично сгоревшие шатровые сооружения округлой формы исследованы нами в 1981 г. у сел Флярковка и Жаботин Каменского р-на Черкасской обл.¹⁰

Судя по остаткам радиально лежащих по отношению к центру бревен такого же типа надмогильное сооружение было и в кургане VI—V вв. до н. э. у с. Гладковщина (№ 499) Черкасской обл. (левый берег Днепра)¹¹. Этот неполный перечень можно было бы продолжить не только за счет курганов в Лесостепном Днепровском Правобережье, но и в Северном Причерноморье (например, курган № 7 у с. Подгородное Днепропетровской обл.)¹².

За пределами Украины сложные надмогильные деревянные сооружения квадратной, прямоугольной и реже округлой формы, сожженные с ритуальной целью или без следов огня, известны в скифских курганах на Среднем Дону¹³, в курганах Лесостепного Притобья¹⁴ и у сарматов¹⁵. По мнению К. Ф. Смирнова, такие сооружения «имитировали прямоугольные срубовые жилища и круглые шатры»¹⁶.

Найденные в с. Квитки предметы, несомненно, являются инвентарем единственного, как нам удалось установить, захоронения в кургане. К сожалению, частично от времени, но главным образом от разрушения кургана многие вещи, особенно железные и глиняная посуда, пострадали и превратились в обломки, а часть их, очевидно, и вовсе утеряна. Таким образом, в собрание музея Истории Корсунь-Шевченковской битвы попали шесть бронзовых удил, одиннадцать бронзовых псалий, разнообразные уздечные бляшки, остатки

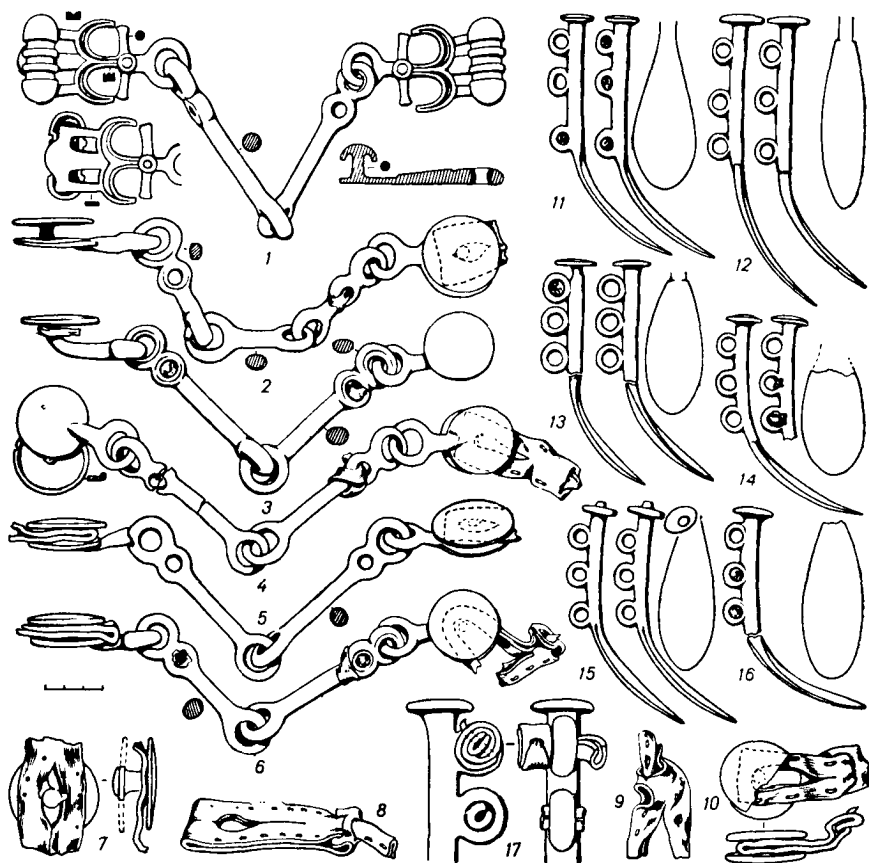

Рис. 5. Предметы конской узда из погребения:

1-6 — удила; 7 — звено от удила или большого уздечного кольца; 8, 9 — остатки кожаных ремней сбруи; 10 — крепление ремня на дополнительном звене удила; 11-16 — парные псалии от шести уздечек; 17 — способ крепления ремней на псалии (1-6, 11-16 — бронза; 8, 9 — кожа).

кожи от сбруи, набор стрел, золотые украшения, два железных коня, обломки тесла, топора, меча или кинжала, каменный оселок, бронзовый сосуд, бронзовые браслеты, обломки железных предметов и глиняных сосудов.

Рассмотрим инвентарь погребения.

1. Бронзовые литые двухкольчатые удила с дополнительными звеньями для крепления повода (6 экз.). Мундштуки пяти удила состоят из двух подвижно соединенных между собой гладких, округлых или овальных в сечении стержней, а один — из трех стержней, образующих цепочку (рис. 5, 1-6).

Дополнительные звенья различаются между собой деталями: четыре из них имеют на концах сдвоенные округлые щитки (рис. 5, 2, 4-6), звено одной пары состоит из одного щитка (рис. 5, 3). Шестая пара удила имеет оригинальный и сложный по конфигурации щиток (рис. 5, 1). От кольца, крепящего щиток на мундштуке, отходит стержень с перекрестьем, утолщенным на концах и округлым в сечении. Середина перекрестья выделена двумя врезными концентрическими окружностями, слегка возвышающимися над крестовиной. Дальше стержень раздваивается, обра-

зуя полудуги в виде рогов, концы которых почти соприкасаются с концами перекрестья. Полудуги в сечении прямоугольные и украшены глубокими врезными линиями. Обратная сторона перекрестья и рогов с тошкими врезными линиями повторяет разработку орнамента лицевой поверхности. К полудугам примыкает плоский прямоугольный щиток, который в сечении тошнее, чем полудуги с округленным выступом с одной стороны и двумя продолговатыми широкими прорезями. На наружном конце щитка на короткий округлый в сечении стержень напаяна овальная выпуклая бляшка с тремя поперечными желобками.

В малых кольцах четырех удил сохранились остатки ремней, соединявших последние с оголовьем, в дополнительных звеньях — остатки ремней повода (рис. 5, 2—4, 6). Удила были в длительном употреблении, о чем свидетельствует их сильная потертость. Длина их от 18,4 до 29,1 см, длина дополнительных звеньев с округлым щитком 6,5—7,5, диаметр щитков 4, длина звена с фигурным щитком 8,5, наибольшая ширина 4,5 см.

2. Бронзовые псалии размерами от 10 до 14 см с тремя боковыми петлями (11 экз. от шести уздечек). Их стержни имеют широкую округлую шляпку на одном конце, второй конец, в виде листовидной лопасти, изогнут. Шляпки двух псалиев имеют в центре выступы. В петлях пяти псалиев сохранились остатки ремней (рис. 5, 11—16).

Удила описанного типа, с дополнительными звеньями или без них, и псалии хорошо известны в памятниках VIII и VII вв. до н. э. на территории Украины, особенно в Лесостепном Днепро-Донецком Правобережье, откуда происходит большинство находок, а также в Крыму и на Северном Кавказе¹⁷. Встречаются они и в Лесостепной Молдавии¹⁸. Обращают на себя внимание дополнительные звенья одних удил (рис. 5, 1), аналогии которым неизвестны. Они

состоят из комбинации переработанных орнаментальных мотивов креста, выпуклой овальной бляшки на ажурной пластине и полудуг в виде рогов. Если мотив креста, вписанного в круг или без него, известен в киммерийском искусстве по многочисленным находкам¹⁹, а выпуклые овальные бляшки с поперечными желобками (рис. 5, 1), аналогичные таким же на ажурных конских бляхах из кургана у с. Носачево²⁰ костяным застегкам из погребений Высокой Могины и кургана № 1 у с. Васильевка²¹, то мотив рогов нам неизвестен. Возможно, это один из редких образцов стилизованных зооморфных образов, которые, как отмечает А. И. Тереножкин, были не чужды и киммерийскому искусству, но ни их состав, ни характер стилизации еще не изучены²².

3. Большое уздечное кольцо с подвижным звеном для повода изготовлено из круглого в сечении бронзового прута, на который надета трехребристая муфта с двойным округлым щитком. Диаметр кольца 12, щитка — 5 см (рис. 6, 12).

Аналогичные уздечные кольца известны в комплексах VIII и VII вв. до н. э. Северного Кавказа (у Лермонтовского разъезда в Пятигорске, у г. Ессентуки, у хуторов Кубанского и Алексеевского)²³. На территории Украины они обнаружены только в погребении у с. Бутенки Кобелякского р-на Полтавской обл.²⁴

4. Круглый щиток со стержнем посередине от дополнительного звена удил или большого уздечного кольца диаметром 4,5 см с остатками ремня на стержне (рис. 5, 7).

5. Шесть бронзовых округлых прорезных блях с вписанным равноконечным крестом, в центре которого четырехлепестковая розетка, а на четырех концах — по два concentрических круга. На оборотной стороне блях прямоугольная петля. Диаметр бляшек 6 см (рис. 6, 6—11).

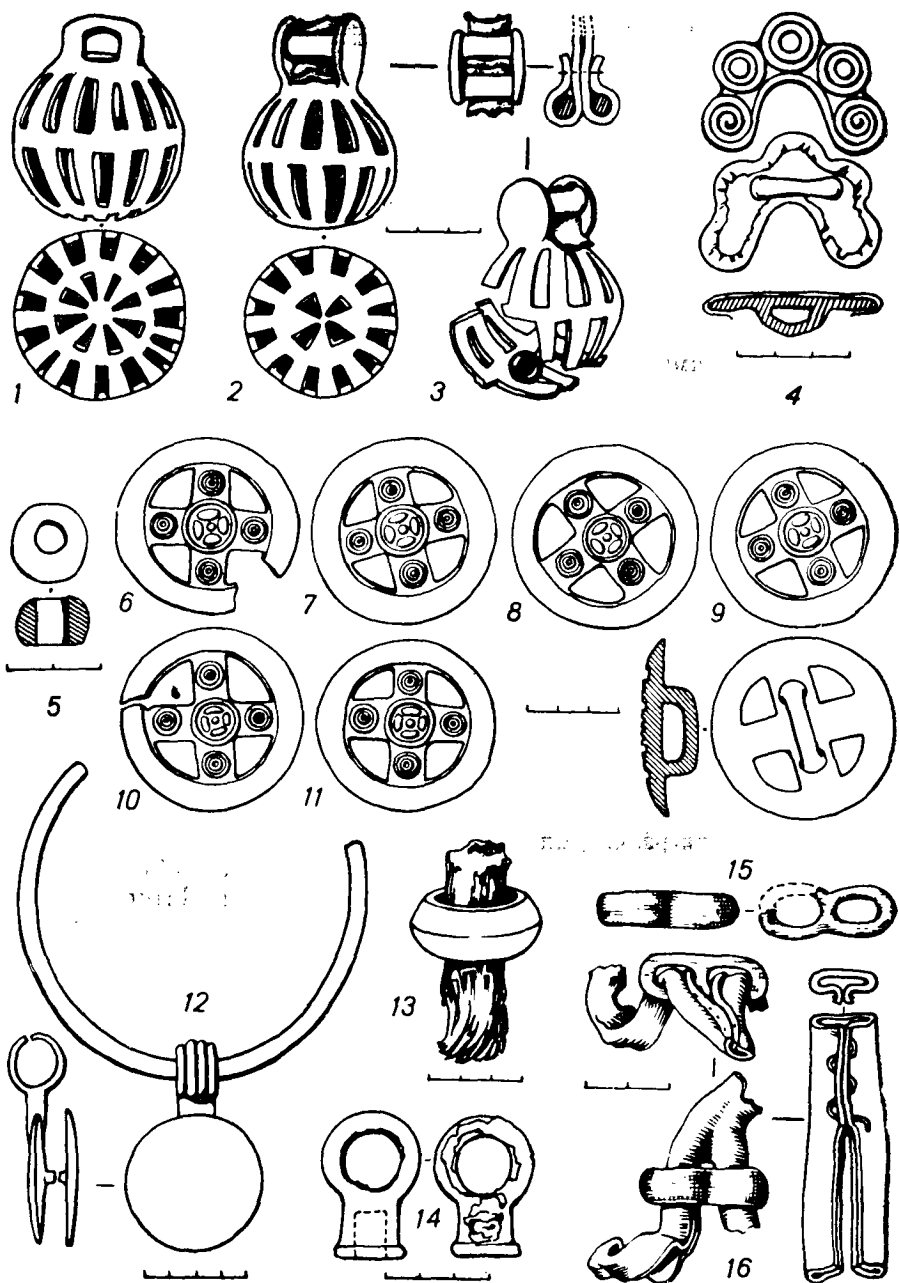

Рис. 6. Предметы конской упряжи из погребения:

1—3 — колокольчики; 4 — лунница; 5 — ворварка; 6—11 — прорезные бляхи; 12 — большое уздечное кольцо; 13 — кольцо; 14 — обойма; 15 — восьмерковидные бляшки; 16 — бляшка с остатками кожаного ремня (1—14 — бронза; 15, 16 — дерево).

Бронзовые, реже костяные прорезные бляхи, по данным А. И. Тереножкина, встречаются в предскифское время на широкой территории: на Украине (Бутенки), в Крыму (Зольное), на Северном Кавказе (Лермонтовский разъезд, г. Ессентуки, хут. Кубанский), в Анапийском и Старшем Ахмыловском могильниках и в области распространения фрако-киммерийской культуры²⁵. Большинство из них, в отличие от найденной, имеют вписанный мальтийский крест. Прямой аналогией квитковским являются бляшки от конского убора из кургана у г. Ессентуки²⁶.

6. Бронзовая лупиница с серебряной накладной пластиной, края которой загнуты с обратной стороны. Украшена тремя концентрическими кружками и двумя спиралями по дужке. С оборотной стороны находится петля. Ширина лупиницы 1,8 см (рис. 6, 4).

Лупиницы, изготовленные из бронзы или из кости, также хорошо известны в предскифский период²⁷. Однако среди них квитковская прямых аналогий не имеет. Находке из с. Квитки по орнаменту наиболее близки бронзовая лупиница из Пастырского городища²⁸ и костяные — из погребения у с. Зольное²⁹. От найденной они отличаются количеством и размерами кружков.

7. Бронзовое кольцо с обоймой прямоугольной формы для кисти. В отверстии обоймы сохранились остатки кожи. На поверхности — следы серебряной накладки. Диаметр кольца 1,6, высота обоймы 2, ширина 1,6—2 см (рис. 6, 14). Ближайшей аналогией найденной является костяная обойма из Зольного кургана³⁰.

8. Две деревянные восьмерковидные бляшки с двумя овальными отверстиями. В одной из бляшек — остатки ремня. На поверхности — следы зелени от окислов. Длина бляшек 3,5, ширина 1,1—1,2, высота 0,7, размеры отверстий 1×0,5 см (рис. 6, 15, 16).

9. Бронзовое литое широкое кольцо с ребром посередине с внешней стороны.

Рис. 7. Остатки кожаных частей сбруи из погребения.

В кольцо — обломок дерева. Диаметр кольца 2,6, высота 2 см (рис. 6, 13).

10. Бронзовая округлая ворварка. Диаметр ее 1,5, высота 1, диаметр отверстия 0,6 см (рис. 6, 5).

11. Обломок бронзового кольца. Диаметр его 2, высота 0,5, диаметр отверстия 1 см.

12. Три бронзовых литых сферических колокольчика (один сохранился частично) с шариками внутри. Стенки с вертикальными прорезями разделены посредине сплошным горизонтальным пояском, отделяющим верхнюю часть от нижней. В нижней части, на торце, так же имеются прорезы в форме тре-

Рис. 8. Остатки ремней на металлических частях уздечки.

1 — на псалии; 2 — на удилах и дополнительном звене.

угольников, вершинами направленные к центру. Один из колокольчиков имеет прямоугольную петлю для подвешивания, под которой прорезано круглое отверстие (рис. 6, 1). На двух других вместо петли — барабанчик, чьи боковые стенки соединены двумя круглыми в сечении стержнями, между которыми сохранились остатки ремней (рис. 6, 2, 3). Высота колокольчика с петлей 6,5, диаметр 5,6; размеры двух других соответственно 6,7 и 5, диаметр шариков 1 см.

Бронзовые подвесные колокольчики разных форм и размеров имеют довольно широкую территорию распространения³¹. Не касаясь вопроса их происхождения, отметим, что в конце II — начале I тыс. до н. э. они известны в памятниках Северо-Западного Ирана и в Восточном Закавказье, а в VII—VI вв. до н. э. встречаются по всему Кавка-

зу³². VIII—VII вв. до н. э. датируются их находки в западных областях Передней Азии и на Балканах³³.

На территории Украины бронзовые колокольчики найдены впервые.

13. Остатки кожаных частей сбруи (48 небольших фрагментов) (рис. 7). Из них 27 сохранились в местах их крепления на металлических частях уздечки (рис. 8, 1, 2).

Кожа коричневого или красно-коричневого цвета, твердая, хорошей выделки. Среди найденных образцов определены остатки ремней повода, ремни, крепившие удила к псалиям и ремни оголовья:

а) ремни повода, сохранившиеся на щитках в дополнительных звеньях удил (рис. 5, 2—7, 10; 8, 2). Кожаная лента шириной около 3 см с двумя поперечными разрезами на одном конце загнута, образуя плоскую петлю длиной около 9 см, скрепленную по краям щитками из сухожилий. Посередине ее прорезано отверстие для крепления повода на щитках дополнительных звеньев удил. Оставшаяся длинная часть ремня, собственно повод, пропущена через поперечные разрезы на конце петли, сложена вдвое вдоль продольной оси и прошита сухожильными нитями (рис. 5, 8);

б) остатки ремней (крепление удил к псалиям), сохранившиеся в малых кольцах удил и средних кольцах псалий (рис. 5, 2—4, 6, 11, 14, 16, 17; 8, 1, 2). Узкий ремень шириной около 1 см с поперечным разрезом на одном конце охватывал стержень удил и, проходя через кольцо, протягивался через поперечный разрез, образуя петлю. При выходе из кольца ремень складывался вдвое по продольной оси и крепился в средней петле псалия;

в) ремни оголовья, сохранившиеся в крайних петлях псалий и в восьмерковидной деревянной бляшке (рис. 5, 9, 17; 6, 15, 16; 8, 1). Ремень шириной около 2 см имел двойной шов посередине (рис. 6, 16). Для соединения с пса-

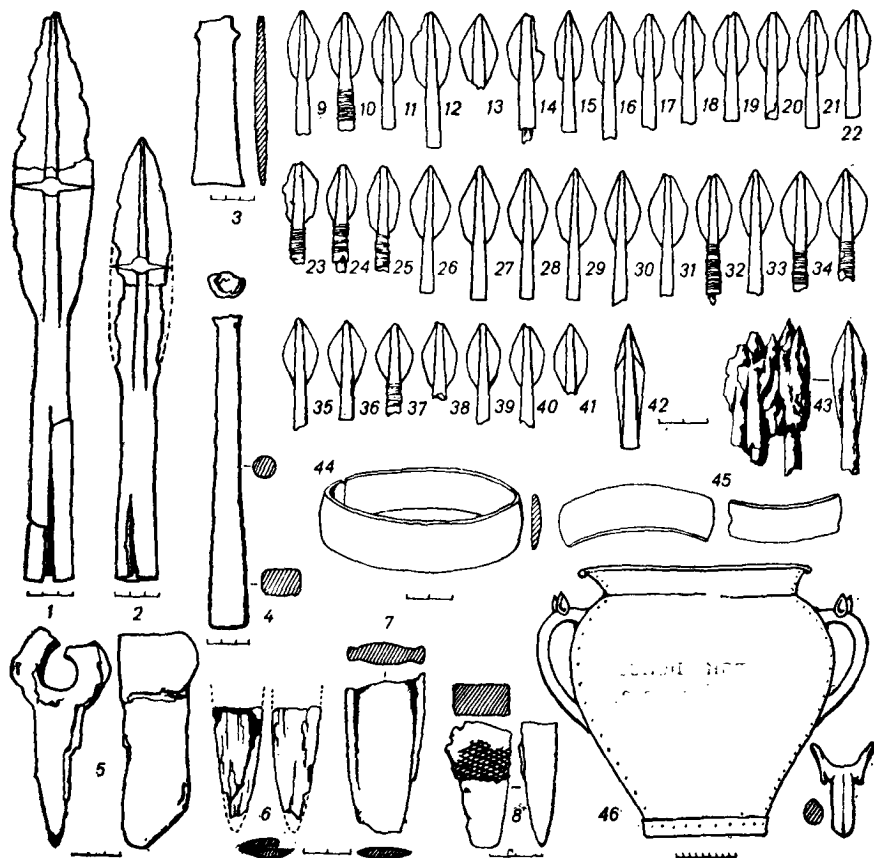

Рис. 9. Предметы из погребения.

1, 2 — ножи; 3 — тесло; 4, 6—8 — обломки неизвестных предметов; 5 — топор; 9—43 — наконечники стрел; 44, 45 — браслеты; 46 — сосуд (реконструкция).

лием он разрезался пополам и пропущен через отверстия деревянной бляшки, предохранявшей ремень от разрыва, в крайние петли псаллий, где закреплялся с оборотной стороны навернутым ремешком (рис. 5, 17; 6, 16; 8, 1).

14. Колчаный набор из 36 бронзовых и 6 железных наконечников стрел. Судя по имеющимся в коллекции мелким обломкам, их было больше. Наконечники двухлопастные. Из них 35 имеют малую трапецевидную или ромбовидную головку и длинную втулку (рис. 9, 9—41). На восьми втулках сохранились сухожильные нити (рис. 10).

Длина стрел от 3,4 до 5,6 см. Один наконечник имеет удлиненно-ромбическую головку, охватывающую почти всю втулку. Изгиб на головке мягкий. Длина наконечника 5 см (рис. 9, 42). Железные скипевшиеся стрелы повторяют форму бронзовых с малой трапецевидной головкой, длинной втулкой и удлиненно-ромбической головкой, охватывающей $\frac{2}{3}$ втулки. Длина наконечника 5,6—6 см (рис. 9, 43).

Стрелы, подобные найденным, по хронологической классификации П. Д. Рау и А. И. Мелюковой, относятся к предскифскому периоду³⁴. Наконечники с малой головкой и длинной втулкой,

Рис. 10. Бронзовые наконечники стрел с остатками сухожильных питей.

сводка находок которых дана в работах А. И. Терепожкина и В. А. Ильинской, преобладают в колчаных наборах повочеркаского этана³⁵. Стрелы с удлиненно-ромбической головкой, как доказали К. Ф. Смирнов и В. А. Ильинская, датируются первой половиной VII в. до н. э.³⁶ Древнейшие находки подобных наконечников обнаружены в погребениях первой половины VII в. до н. э. у с. Енджа (ныне с. Царевброд) близ Шумен и Белоградца Варненского округа Болгарии³⁷. В последнем комплексе, как и в с. Квитки, имеются наконечники с малой ромбической головкой и длинной втулкой, представлены небольшим числом (2 экз.).

15. Два железных копья с пером листовидной формы и длинной слабо конической втулкой, имеющей с одной стороны щель. Узкое и высокое ребро пера не переходит во втулку. Размеры копий разные. Общая длина одного из них 40, длина пера 21,5, размеры второго соответственно 31 и 18 см (рис. 9, 1, 2).

Копья по форме пера и размерам близки к найденным в погребениях у сел Носачево³⁸ и Енджа³⁹ и отличаются от них тем, что ребро пера не переходит во втулку. Подобные копья, но с более короткой втулкой, известны в скифское время (курганы № 489, 491 у с. Макеевка, № 400 у с. Журовка и др.). Наиболее ранние среди них обнаружены в кургане № 1 станицы Келермесской (начало VI в. до н. э.) и от-

личается большими размерами (до 71,8 см) и в кургане № 453 у с. Макеевка — первой половины VI в. до н. э.⁴⁰

16. Обломок острия меча или кинжала. На поверхности следы дерева от ножен. Длина 5 см (рис. 9, 6).

17. Золотая обойма* верхней части ножен кинжала. Откована из прямоугольной пластины, края которой спаяны. Лицевая и боковые стороны обоймы украшены шестью горизонтально напаянными проволочками с насечкой. На оборотной стороне виден соединительный шов. Высота обоймы 2,6, ширина 3 см (рис. 11, 1; 12, 5).

Аналогичная золотая обойма с остатками внутри кожи обнаружена в погребении № 2 Высокой Могилы близ с. Балки Запорожской обл.⁴¹ От найденной она отличается лишь меньшими размерами и числом (5) рифленых проволочек.

18. Круглая массивная золотая бляха**. Лицевая ее сторона разделена на четыре концентрических круга кольцами из золотой проволоки с насечками, напаянными на литое плоское основание бляхи. В центре помещена выпуклая четырехлепестковая розетка с кругом посередине и колечком внутри, заполненным серо-голубой пастой. Третий круг украсен 19 золотыми миниатюрными колечками из тонкой проволоки с насечками, так же заполненными пастой серо-голубого цвета. В центре каждого колечка помещена голубая пастовая бусина. Внутри четвертого, внешнего круга — 16 проволочных, с насечками, полукруглых, без следов пастового заполнения. Обратная сторона бляхи имеет четыре овальных углубления, соответствующих выпуклым лепесткам розетки, и небольшую петлю из узкой золотой пластины. Диаметр бляхи 4,3 см (рис. 11, 9; 12, 2).

* Проба 750, вес 15,63 г. Определение пробы и веса золотых предметов из погребения сделано Киевской инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР.

** Проба 583, вес 19,4 г.

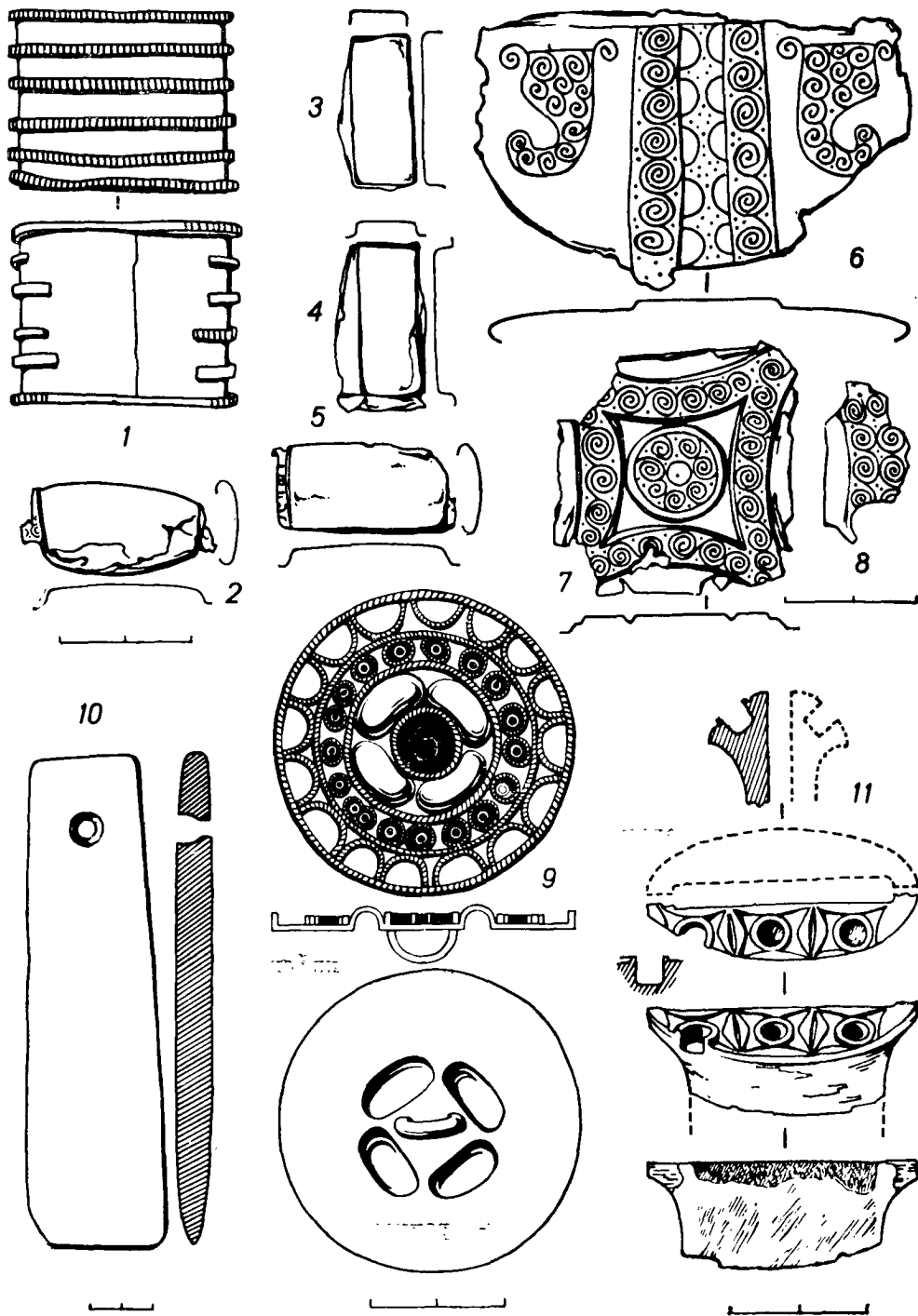

Рис. 11. Предметы из погребения.

1 — обойма от ножен кинжала; 2—8 — накладные пластины; 9 — бляха; 10 — оселок; 11 — обломок ножен кинжала (1—9 — золото; 10 — камень; 11 — дерево).

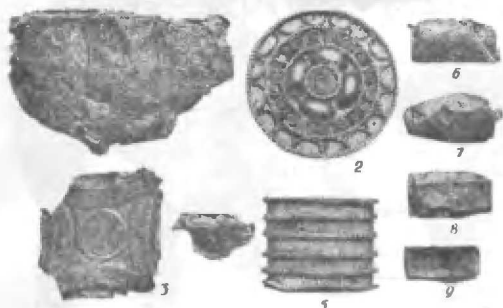

Рис. 12. Золотые предметы из погребения.
1, 3, 4, 6—9 — накладные пластины; 2 — бляха;
5 — обойма от ножен кинжала.

Бляха у с. Квитки является одним из ранних образцов полихромного стиля в Лесостепном Правобережье.

По форме, технике исполнения, общей схеме расположения орнамента, наличию напаянных рифленых золотых кругов она близка найденной в погребении № 2 Высокой Могилы и отличается от последней лишь большими размерами и деталями декора⁴². Сходные мотивы орнамента (круги, кружочки, полукруги) встречаем на золотой обойме пожен из киммерийского погребения у с. Белогорадец⁴³.

Неясно, где помещалась бляха из с. Квитки. В погребении Высокой Могилы она лежала на перекрестии кинжала лицевой стороной книзу, что позволило исследователям связать эту находку с украшением пожен или портупей⁴⁴. Однако, на наш взгляд, вернее отнести ее не к пожам, а к портупее.

19. Накладная пластина из золотой фольги* с прямоугольной верхней частью и округленной нижней. В средней ее части имеется невысокий выступ, слегка расширяющийся книзу. Края загнуты для прикрепления к основе. Средняя часть пластины украшена двойным вертикальным рядом полукругов, по обе стороны которых расположены две вертикальные полосы бегу-

щей спирали. Промежутки между полукругами и спиралями заполнены точками. По бокам пластины находятся прямоугольники с узким округленным выступом в нижней части и спиральными завитками в верхней, густо заполненные спиралями (рис. 11, 6; 12, 1). Эти фигуры по форме напоминают бронзовые и костяные уздечные бляшки для перекрещивающихся ремней с когтевидным выступом, известные по находкам в каменномостовском могильнике в Кабарде⁴⁵ и в погребениях раннескифского времени⁴⁶. Орнамент на пластине выполнен небрежным чеканом. Высота пластины 3,8, наибольшая ширина 6,2, ширина выступа 2 и 2,8 см. По мнению Е. В. Черненко, пластина могла быть устьем ножен меча или кинжала.

20. Накладная пластина из золотой фольги* квадратной формы. Края загнуты для прикрепления к основе. На пластине рельефом нанесен круг в квадрате с вогнутыми сторонами, украшенными спиралями и точками. В центре круга кольцо с точкой посередине, обрамленное спиралями, точками и кольцом снаружи. Рисунок выполнен чеканом. Длина и ширина пластины 3,5 см (рис. 11, 7; 12, 3).

Аналогий пластине неизвестно. Однако отдельные, сходные мотивы орнамента встречаются на различных предметах предскифского времени: квадратная фигура с вогнутыми сторонами на костяных бляшках из Носачева⁴⁷ и бывшего Черкасского уезда⁴⁸, бегущие спирали на костяных цилиндрах из Зольного кургана в Крыму⁴⁹, на бляшке из кургана № 4 у с. Оситияжки⁵⁰ и на чернолесских браслетах в Лесостепном Правобережье⁵¹. В отдельных случаях спиральный орнамент встречается и в раннескифское время (золотые накладные пластины конской узда из кургана у станицы Келермесской⁵²). С последними их сближает не только декор, по-

* Проба 750, вес 1,50 г. Все пластины красноватого оттенка.

* Проба 750, вес 0,62 г.

как верно отмечает Л. К. Галанина, материал (красноватое золото) и отсутствие отверстий для крепления к основе⁵³.

21. Обломок накладной пластины из золотой фольги * с загнутым краем для прикрепления к основе, украшенной спиралями и точками. Размеры фрагмента 2,5×1,4 см (рис. 11, 8; 12, 4).

22. Четыре накладных пластины прямоугольной формы из золотой фольги **. Края их загнуты для прикрепления к основе. Из них две слегка выпуклые, две плоские. Размеры пластин: 2,2×1; 2,3×1,2; 2,1×0,8; 2,2×0,8 см (рис. 11, 2—5; 12, 6—9).

23. Обломок верхней части деревянных ножен кинжала с широким округлым краем, украшенным тремя ромбовидными значками с гнездами посередине и несохранившимися в них вставками. Внутренняя сторона ножен залощенная. В ее верхней части — зеленые следы окиси меди. Внешняя сторона округлена. Ножи окрашены красной краской. Сохранившаяся высота 2, ширина 2,8 см, диаметр и глубина гнезд 8 мм (рис. 11, 11).

Аналогии этому предмету неизвестны. Ромбовидные значки, украшающие ножны, интерпретируются как солярные⁵⁴ и встречаются на предметах различного назначения широкого круга культур в предскифское и раннескифское время⁵⁵.

24. Обломок сильно поврежденного железного топора (клевец?). Сохранившаяся длина 12,5 см (рис. 9, 5).

25. Железное тесло в виде плоской прямоугольной пластины, слабо расширяющейся к лезвию. Под верхом два выступа. Верхний край тесла обломан. Длина топора 11, ширина 2,2 и 3,2 см (рис. 9, 3).

Ближайшей аналогией теслу из с. Квитки является плоский топор из

клада второго этапа чернолесской культуры, найденного на Субботовском городище⁵⁶ в Лесостепном Правобережье. Встречаются они и позже, в раннескифское время (Малая Офирна на Киевщине, Старшая Могила в Посулье)⁵⁷, и отличаются большими размерами.

26. Оселок из полупрозрачного камня светло-желтого цвета клиновидной формы с утолщением посередине и отверстием для подвешивания, сделанным двухсторонним сверлением. Поверхность гладкая, тщательно обработанная, без следов употребления. Длина оселка 15,5, ширина 3,5—4,5, толщина 0,8—1,3 см (рис. 11, 10).

Точильные бруски хорошо известны в памятниках широкого круга культур. Находки их обычны и в киммерийских могилах конных воинов. Среди последних А. И. Тереножкин выделил оселки из Высокой Могилы, кургана № 15 у с. Верхнепогормное близ Волгограда и кургана у Зеленого яра, отличающиеся тщательностью изготовления, хорошей шлифовкой и без следов употребления⁵⁸. Оселок из с. Квитки также входит в эту группу.

27. Бронзовый клепаный сосуд с высоким, слегка расширяющимся воронковидным горлом, утолщенным округлым валиком по краю. Широкий в плечиках корпус сужается к небольшому дну. Две литые, симметрично расположенные по корпусу, ручки украшены головками животного с острыми ушами. Сосуд склепан из трех отдельных частей: двух полос корпуса и дна с прямыми высокими стенками, скрепленных по швам (два вертикальных, один горизонтальный) бронзовыми заклепками. Сосуд плохой сохранности. Деформирован. Высота его около 40, диаметр венчика около 33, диаметр дна 17,5 см (рис. 9, 46).

Сосуды с зооморфными ручками кавказского производства. Они хорошо известны по находкам VIII—VII вв. до н. э.⁵⁹ в горных районах Центрального Кавказа, в Закавказье и на Север-

* Проба 500, вес 0,08 г.

** Проба всех пластин 583; вес каждой: 0,35; 0,33; 0,3; 0,25 г.

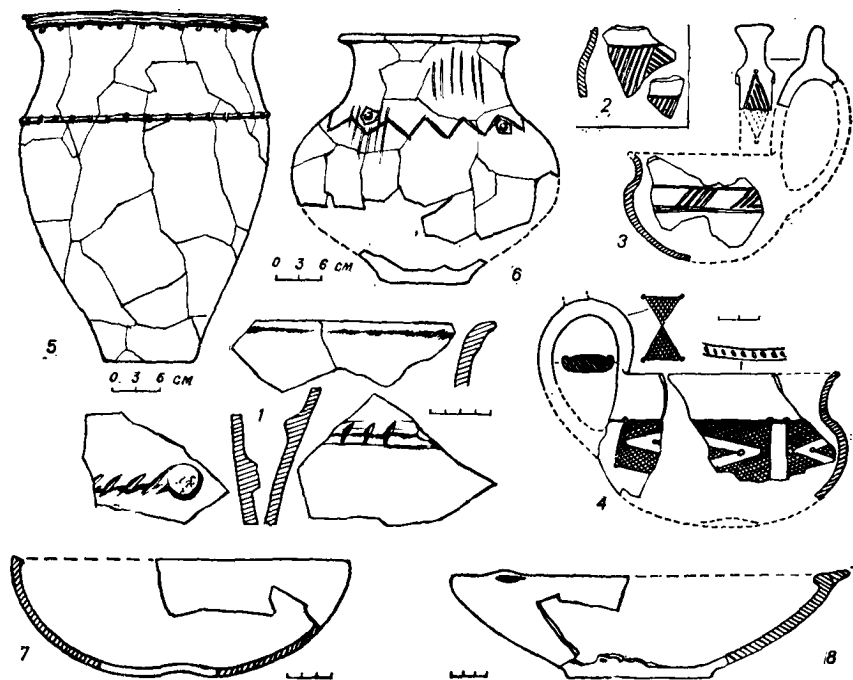

Рис. 13. Глиняная посуда из погребения.

1 — обломки горшка; 2, 6 — обломки стенок и дна сосуда; 3, 4 — черпаки; 5, 7 — обломки корчага, 8 — миска.

пом Кавказе. На территории Украины два подобных сосуда случайно найдены на поселении у с. Жаботип⁶⁰ и в насыпи кургана у с. Тагапча в Поросье⁶¹.

28. Два бронзовых пластинчатых браслета (целый и сохранившийся частично) с незначительным утолщением в средней части. Диаметр их 8,4, высота 2,2 см (рис. 9, 44, 45).

29. В коллекцию входят еще обломки, по которым трудно определить, частями каких предметов они являются. К ним относятся: а) часть железного предмета, обломанного с двух сторон. Средняя часть его утолщена, по краям идут валикообразные выступы. Длина 0,7, ширина 2—3,5 см (рис. 9, 7); б) железная рукоять длиной 21,7 см, суживающаяся к обломанному краю. Ширина ее 2,9 и 1,7 см (рис. 9, 4); в) обломок железного острья с отпечатками ткани длиной 4,4 см (рис. 9, 8).

Посуда представлена фрагментами восьми сосудов.

30. Широко открытый горшок с удлиненной шейкой и слегка выпуклым в верхней части корпусом, сужающимся к небольшому дну. Венчик с плоско срезаемым краем слабо отогнут наружу. Сосуд украшен двумя валиками, из которых один — гладкий, высокий и узкий, расположен чуть ниже венчика. Под ним полоса проколов. Второй валик — треугольный в сечении, расчлененный узкими ямками, расположен в верхней части корпуса. Поверхность сосуда грубо заглажена, светло-коричневого цвета, пятнистая от обжига. Высота его — 45, диаметр венчика — 36, дна — 11 см (рис. 13, 1).

Ближние по форме сосуды, но с одним валиком на плечах появляются в памятниках Лесостепного Правобережья второго этапа черпелесской культуры (по-

селение у подножия Московской горы Черкасской обл.)⁶². Наличие двух валиков (под венчиком и по корпусу) сближает горшок из с. Квитки с сосудами раннескифского времени.

31. Два фрагментарных черпака. Из них один (рис. 13, 4) имеет глубокую, слегка уплощенную чашечку, невысокую выделенную шейку, плавно переходящую в отогнутый наружу венчик. Широкая ленточная ручка с несохранившимся отростком возвышается над краем. Черпак украшен резным орнаментом в сочетании с круглым штампом, заполненным красной инкрустацией. Он расположен в верхней наиболее широкой части корпуса и разделен на отдельные участки, декорированные внутри. Ручка украшена заштрихованными внутри треугольниками, обращенными вершинами друг к другу. По углам круглый штамп. Венчик с внутренней стороны украшен косыми насечками. Поверхность лощеная, черного цвета. Высота около 7, диаметр по венчику 12 см.

Второй черпак по форме близок к первому, но меньшего размера. Овальная в сечении ручка уже, чем у первого. Орнамент вписан в пояс и состоит из групп резных линий, заполненных красной инкрустацией. На ручке частично сохранился заштрихованный ромб с круглым штампом в вершинах углов. Поверхность лощеная, черного цвета. Высота около 7,5 см (рис. 13, 3). Аналогичные по форме черпаки так называемого жаботинского типа известны в Лесостепном Правобережье с предскифского времени (поселение у с. Жаботина⁶³, курганы на р. Тепетинка⁶⁴), встречаются они и позже, в памятниках второй половины VII в. до н. э.⁶⁵ На протяжении всего времени изменения происходят за счет композиции и мотивов декора. Расчленение полосы орнамента вертикальными прямоугольными пробелами на одном из найденных черпаков характерно для VIII и раннего VII в. до н. э. Что касается круглого

штампа то он встречается и в раннескифское время⁶⁶.

32. Два обломка стенок, украшенных резным орнаментом с белой инкрустацией. Поверхность лощеная, черного цвета (рис. 13, 2).

33. Две миски. Из них одна (рис. 13, 7) круглодонная, с неглубокой вмятиной посередине (сохранилась частично). Вторая — полусферической формы с плоским выделенным дном (рис. 13, 8). Горизонтально срезанный край ее загнут внутрь и нависает над стенкой. Украшена по внешнему краю четырьмя овальными выступами. Обе миски черного цвета, подлощенны. Размеры первой: высота 8, диаметр венчика 22 см; размеры второй соответственно 8,5 и 32, диаметр дна 11,5 см.

Близкие по форме миски известны в памятниках Лесостепного Правобережья со второго этапа черполесской культуры⁶⁷. Однако рельефные украшения на них встречаются довольно редко. Миски из с. Квитки скорее можно сравнить с найденными в курганах жаботинского этапа (у с. Тютки Винницкой обл.⁶⁸ и поселения у с. Жаботин⁶⁹).

34. Две корчаги. Одну из них удалось частично реставрировать. Этот сосуд (рис. 13, 6) имеет широкое и высокое горло с плавно отогнутым наружу венчиком, широкий выпуклый корпус и небольшое дно. Плечики украшены резным орнаментом в виде крупного зигзага и четырьмя невысокими коническими выступами, обрамленными резными линиями. На горле и частично на корпусе прослеживаются бурые вертикальные полосы. Поверхность корчаги темно-коричневая со светлыми пятнами и следами лощения. Внутри она светло-коричневого цвета. Диаметр венчика 24,5, дна 11, корпуса 34 см. Общая высота около 33 см.

Корчага из с. Квитки отличается от близких ей по форме сосудов, найденных на поселении у с. Жаботин⁷⁰, своей орнаментацией, пока не имеющей аналогий.

В лаборатории «История керамики» Института археологии АН СССР А. А. Бобринским был сделан анализ фрагмента корчаги. Приведем результаты анализа.

Сосуд обожжен при кратковременной выдержке конечной температуры обжига, о чем свидетельствуют тонкие, более светлые, слои (около 1 мм каждый), прилегающие к внешней и внутренней поверхности. Подобные признаки режима обжига характерны при обжиге глиняных изделий в неспециализированном обжигательном устройстве, допускавшем быстрый подъем температуры, но затруднявшем длительное поддержание конечных температур обжига (в качестве такого устройства могли быть использованы костер, очаг).

Сосуд изготовлен из тугоплавкой нежелезистой глины, содержавшей мелкий кварцевый песок, составленный из сильно окатанных минералов. При составлении формовочной массы в глину был введен шамот, приготовленный из обломков сосуда, сделанного из железистой глины. Сосуд же, который пошел на изготовление шамота, был изготовлен из формовочной массы, которая также содержала шамот из железистой глины. Таким образом, прослеживается сохранение одной и той же технологической традиции при составлении формовочных масс для изготовления трех хронологически различных сосудов (самый поздний из них — сосуд, обломок которого представлен для изучения). Единственное, что различает эти сосуды, это особенности исходного сырья. Как отмечалось, для двух (более ранних) была использована железистая глина, а для последнего — нежелезистая. Подобные изменения в используемых источниках сырья обычно происходят не с истощением запасов старого сырья, а с нарушениями связей с этими источниками самих носителей навыков (в частности, в результате переселения в новые районы обитания носителей изготовления керами-

ки), где они вынуждены использовать местные сырьевые материалы. По-видимому, данный сосуд является образчиком продукции мастера, который был «воспитан» на других технологических традициях, не свойственных местным мастерам, делавшим керамику из железистой глины.

На внешней поверхности сосуда имеются вертикальные полосы, образованные путем напеснения на уже обожженный предмет естественного красителя (очевидно, охристой глины или охры). Составляют ли эти полосы какой-то орнаментальный узор или они образованы непреднамеренно, выяснить не удалось. Иско одно, что они были нанесены уже после того, как сосуд был изготовлен и какое-то время употреблялся в повседневном быту. Возможно, что появление росписи имело связь с погребальным культом*.

Форму второй корчаги восстановить не удалось. От нее сохранилось 60 фрагментов, представленных обломками венчиков со слегка отогнутыми краями, стенок гладких или украшенных налепным валиком с косыми насечками и плоскими шпичками-налепами (рис. 13, 1). Поверхность черная, с графитным оттенком, залощена до блеска.

Анализ находок показал, что погребение у с. Квитки по составу инвентаря входит в группу памятников повочеркаского этапа, датированного А. И. Тереножкиным 750—650 гг. до н. э.⁷¹ Для уточнения времени погребения у с. Квитки важное значение имеет наличие в колчанном наборе двух стрел типа Елджа и Белоградец, с удлиненно-ромбической головкой, охватывающей почти всю втулку, датированных К. Ф. Смирновым и В. А. Ильиной первой половиной VII в. до н. э. К этому же времени относится и набор посуды. Хотя некоторые типы сосудов (ку-

* Приношу благодарность заведующему лабораторией «История керамики» ИА АН УССР доктору исторических наук А. А. Бобринскому за сделанный анализ.

хонный горшок, миски) и появляются в памятниках второго этапа чернолесской культуры, однако черпаки и украшения сосудов (валик под венчиком, круглый штамп, рельефный декор) имеют аналогии в памятниках жаботипского этапа и раннескифского времени. В середине, второй половине VII в. до н. э. встречаются там же и двукольчатые удила (Жаботип, курган № 2), большие уздечные кольца с подвижной муфтой (хут. Алексеевский на Северном Кавказе), спиральный орнамент (золотые накладные пластины из Келермесского кургана). С первой половины VII в. до н. э. известны и надмогильные сооружения типа шатра (Константиновка, курганы № 15, 375).

На наш взгляд, погребение у с. Квитки одно из поздних в группе памятников повочеркаского этапа и может быть датировано в пределах первой половины VII в. до н. э. Многочисленный и разнообразный инвентарь, золотые украшения свидетельствуют о том, что в кургане был похоронен богатый и знатный воин.

Несмотря на то что могила оказалась разрушенной, материалы, которые удалось спасти, вносят новые и важные данные в изучение позднего этапа предскифского и раннескифского периодов в Лесостепном Днепровском Правобережье.

⁷ Там же, с. 16—18, 21, 22.

⁸ Там же, с. 32—34, 39.

⁹ ИАК, 1916, вып. 60, с. 1—3.

¹⁰ Ковпаненко Г. Т., Шевченко Н. П. Отчет о работе Скифской лесостепной Правобережной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г.— ИА ИА АН УССР, № 1981/23.

¹¹ Бранденбург П. Е. Журнал раскопок (1888—1902 гг.).— СПб., 1908, с. 146, 147.

¹² Ковалева И. Ф., Мухомад С. Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1979, вып. 3, с. 114, 115, рис. 3, 1.

¹³ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону.— М., 1965, табл. 1, 5. (САИ, вып. Д1—31).

¹⁴ Раскопки В. Ф. Генинга в 1961, 1962 гг.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 89, с. 85, 87; Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964, с. 86—89; Кадырбаев М. К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актобинской области.— КСИА АН СССР, 1978, вып. 154, с. 86.

¹⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 89.

¹⁷ Нессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, № 18, с. 52—70; Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев, 1976, с. 151, 152; Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.).— Киев, 1975, табл. 16, 1, 2; 22, 1; Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени..., с. 110.

¹⁸ Лапушняк В. Л. Ранние фракции X—начала VI в. до н. э. в Лесостепной Молдавии.— Кишинев, 1979, с. 16, рис. 2, 6.

¹⁹ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 94.

²⁰ Ковпаненко Г. Т. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е.— Археологія, 1966, вып. 20, с. 175, рис. 2, 5—10.

²¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы, рис. 5, 6; 6, 11; 10, 3.

²² Там же, с. 180.

²³ Нессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, с. 117, 118, 121—123. рис. 7, 10, 12; Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе.— АСБГЭ, 1983, вып. 23, с. 47 (№ 29).

²⁴ Ковпаненко Г. Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворскла.— КСИА АН УССР, 1962, № 12, с. 67, рис. 2, 1, 2.

²⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 177.

²⁶ Нессен А. А. Некоторые памятники..., с. 122, рис. 11.

²⁷ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 177, 178.

²⁸ Там же, рис. 39, 2.

²⁹ Там же, рис. 17, 3, 4, 8.

¹ В раскопках кургана кроме авторов принимали участие С. С. Бессонова и художник Г. С. Ковпаненко.

² Определение А. П. Журавлева.

³ Покровська С. Ф., Петренко В. Г., Ковпаненко Г. Т. Поселения VIII—VI ст. до н. э. поблизу с. Хрешатик на Кашівщині.— Археологія, 1971, вып. 2, с. 104, рис. 8, 11; Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев, 1981, с. 92, рис. 54, 6.

⁴ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев, 1961, рис. 39, 11; 40, 5; 41, 4.

⁵ ИАК.— СПб., 1902, вып. 4, с. 30—31.

⁶ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы.— СПб., 1887, т. 1, с. 34, 35.

- ³⁰ Там же, рис. 17, 12.
- ³¹ *Spear N. A.* Treasury of archeological bel-les.— New York, 1979.
- ³² *Погребова М. П.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.— М., 1984, с. 110—121, табл. 11.
- ³³ Там же, с. 107, 121, табл. 12.
- ³⁴ *Rau P. D.* Die Gräber der fruhen eisenzeit in unteren Wolgagebiet.— Pokrowsk, 1929, taf. 14, a, b, c, f, g; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— М., 1964, с. 10, 11, табл. 1, Б1—23, Г3—6 (САИ, вып. Д1-4).
- ³⁵ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 134, 136; *Іллінська В. А.* Бронзові накопечники стріл так званого жаботинського та новочеркаського типів.— Археологія, 1973, вип. 12, с. 22, рис. 8.
- ³⁶ *Іллінська В. А.* Вказ. праця, с. 13—22, рис. 2; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 41 и сл.
- ³⁷ *Попов Р.* Могильніті гробове при с. Енджа.— ИБАИ, Sofia, 1932, т. 6, с. 102, fig. 89; *Topceva G.* Necropole tumulaire pres du village Belogradec du VIIe s. AV. N. Erege.— In: Thracia, t. 5, Serdicae, 1980, s. 17, pl. X, 1, 2.
- ³⁸ *Ковпащенко Г. Т.* Посачівський курган VIII—VI ст. до н. е., с. 175, 176, рис. 2, 1.
- ³⁹ *Попов Р.* Могильніті гробове..., с. 105, fig. 94.
- ⁴⁰ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, табл. 12, 9, 10, 14.
- ⁴¹ *Бидзіля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы.— СА, 1974, № 1, с. 151, рис. 4, 2.
- ⁴² Там же, рис. 4, 1.
- ⁴³ *Topceva G.* Op. cit., s. 19, pl. XII, 3a, 3b, 4.
- ⁴⁴ *Бидзіля В. И., Яковенко Э. В.* Указ. соч., с. 150.
- ⁴⁵ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, рис. 76, 5.
- ⁴⁶ *Іллінська В. А.* Скифська вузда VI ст. до н. е.— Археологія, 1961, вип. 13, с. 53, рис. 13, 11.
- ⁴⁷ *Ковпащенко Г. Т.* Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е., с. 175, рис. 2, 11.
- ⁴⁸ *Іллінська В. А.* Скифська вузда VI ст. до н. е., с. 56, рис. 14, 5.
- ⁴⁹ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, рис. 17, 9, 10.
- ⁵⁰ Там же, рис. 42, 3, 4.
- ⁵¹ *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., с. 161 и сл., рис. 108, 109.
- ⁵² *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов).— АСБГЭ, 1983, вып. 24, табл. 5, 2, 4, 9, 11, 12, 13; 6, 5, 12—14, 19, 29—32.
- ⁵³ Там же, с. 41.
- ⁵⁴ *Вязьмитина М. И.* Ранние памятники скифского звериного стиля.— СА, 1963, № 2, с. 166—167; *Іллінська В. А.* Культовые железы скифского и предскифского времен.— МИА, 1966, № 130, с. 209 и сл.
- ⁵⁵ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 174—177, рис. 92; *Іллінська В. А.* Скифська вузда VI ст. до н. е., с. 57—59, рис. 15.
- ⁵⁶ *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., рис. 107, 2.
- ⁵⁷ *Петровська Г. О.* Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині.— Археологія, 1968, вип. 21, с. 168, рис. 4, 6; *Іллінська В. А.* Курган Старша Могилы — пам'ятка архаїчної Скіфії.— Археологія, 1951, вип. 5, с. 198.
- ⁵⁸ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 146.
- ⁵⁹ *Крупнов Е. И.* Жемталинский клад.— М., 1952, с. 20—30.
- ⁶⁰ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 72, рис. 37, 1, 2.
- ⁶¹ *Ковпащенко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось, с. 55, рис. 43, 11.
- ⁶² *Тереножкин А. И.* Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 г.— КСИА АН УССР, 1959, № 8, с. 11, табл. 2, 9.
- ⁶³ *Вязьмитина М. И., Покровская Е. Ф.* Отчет о работах, проведенных в окрестностях с. Жаботин Каменского района Черкасской области в 1950 г.— Науч. арх. ИА АН УССР, № 1950/24.
- ⁶⁴ *Покровська Г. Ф.* Поховання VII—VI ст. до н. е. на р. Тенетинці.— Археологія, 1975, вип. 17, с. 63, рис. 1, 2, 3, 6, 7.
- ⁶⁵ *Покровська Г. Ф., Петренко В. Г., Ковпащенко Г. Т.* Поселення VIII—VI ст. до н. е. поблизу с. Хрещатик на Київщині, с. 104, 105, рис. 8, 9.
- ⁶⁶ Там же, с. 105.
- ⁶⁷ *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., с. 63, рис. 44, 4.
- ⁶⁸ *Заец И. И.* Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютки Винницкой области.— СА, 1979, № 1, рис. 1, 12—14; 2, 2; 3, 6.
- ⁶⁹ *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин.— СА, 1973, 4, с. 178, 179, рис. 5, 14.
- ⁷⁰ *Вязьмитина М. И., Покровська Г. Ф.* Поселения VII—VI ст. до н. е. в окрестностях с. Жаботин.— АП УРСР, 1956, т. 6, с. 42, рис. 3.
- ⁷¹ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы..., с. 208.

Пожалуй, единственным источником, позволяющим составить представление о применяемой скифами тактике ведения открытого боя, является рассказ Диодора Сицилийского, жившего во второй половине I в. до н. э., о событиях, происходивших на Боспоре в 310—309 гг. до н. э. В его капитальном труде «Библиотека» содержатся ценнейшие сведения по интересующему нас вопросу¹.

Нас не должен смущать значительный промежуток времени, отделяющий Диодора от описываемых им событий. Еще М. И. Ростовцев совершенно справедливо отмечал, что «в главах 22—26 двадцатой книги Диодор дает подробный и превосходный, свидетельствующий о детальнейшем знании Боспора и окрестностей, рассказ о междоусобии между детьми Перисада I», а также что это был «...местный (боспорский.— Е. Ч.) исторический труд»². Его полностью поддерживали С. А. Жебелев и В. Ф. Гайдукевич³, которые писали, что Диодор «...почерпнул свои сведения, по-видимому, из какого-то местного боспорского исторического источника» и что «такowymi источниками могли быть труды местных историков, которых держали при своем дворе боспорские правители».

Местное, северопричерноморское, происхождение источника, использованного Диодором с некоторыми сокращениями, аргументированно отстаивал В. В. Струве⁴. Но в отличие от своих предшественников, он считал, что неизвестный автор, названный им «древнейшим историком СССР», был связан не с Боспором, а с Херсонесом⁵. Боспорский или херсонесский историк был автором труда, использованного Диодором, для нас в данном случае не столь существенно. Важно то, что сведения, дошедшие до нас в изложении Диодора,

восходят к автору, который был практически современником описанных событий и жил в той части Северного Причерноморья, где происходили военные действия, описанные Диодором.

В рассказе Диодора особый интерес представляет эпизод, связанный с войной за престол царя Боспора. «...В Понте по смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Эвмел, Сатир и Притап подняли между собой войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца..., но Эвмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные воинские силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелю, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников — скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Эвмела был царь фатеев Арифарс с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся у него на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Эвмел одолевает

на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть»⁶.

Рассказ Диодора использован многими историками для решения вопросов хронологии и исторической топографии⁷. Военная сторона описываемых событий оставалась в стороне. Одним из первых на это обратил внимание В. Д. Блаватский, тщательно проанализировав скудный рассказ Диодора и сделав интересные выводы об особенностях военного дела народов Северного Причерноморья. В. Д. Блаватский рассматривал ход битвы в тесной связи с особенностями военного дела Востока, в частности персов, и выработанной в античном мире передовой тактикой ведения боя⁸. Однако не со всеми его положениями можно согласиться. О конкретных возражениях речь будет идти ниже.

Проанализируем рассказ Диодора. Перед тем как говорить о ходе самой битвы необходимо вкратце остановиться на обстановке, сложившейся на Боспоре накануне и в самом начале междоусобной войны. Это важно для выяснения расстановки сил сторон, принимавших участие в военном конфликте.

Во время правления Перисада I, правившего на Боспоре в 349/348—310/309 гг. до н. э.⁹, под властью Боспорского царства* оказался ряд племен Прикубанья¹⁰. В отличие от своего предшественника Левкона I, Перисад именует себя «царем фатеев»¹¹. Фатеи играли большую роль в событиях войны 310/309 гг. до н. э. После смерти

Перисада царем становится его старший сын Сатир II. На престол претендовали также его братья Эвмел и Припан. Эту ситуацию, вероятно, фатеи решили использовать с целью освобождения от власти Боспора, поддержав одного из претендентов на престол — Эвмела. Ему отводилась второстепенная роль — Эвмел получил право в будущей битве командовать лишь частью боевого порядка — одним из флангов. Роль Эвмела в битве по сути приравнивалась к роли командира наемников Сатира — грека Мениска*, который, скорее всего, тоже командовал флангом, противостоящим Эвмелу. В описании хода дальнейших военных событий, следовавших за поражением фатеев в битве, Эвмел даже не упоминается.

Ю. М. Десятчиков, выступая в поддержку известной точки зрения, писал, что в дошедшем до нас тексте Диодора допущена ошибка и вместо фатеев следует иметь в виду сираков, царем которых и был Арифари. Из описания он делает вывод, что к моменту воцарения Сатира II фатеи находились под властью Боспора. «Конечно, на это можно возразить, что они могли ко времени Сатира II обрести независимость (скорее всего, именно так и было — смутное время начавшейся междоусобицы очень благоприятствовало этому. — Е. Ч.) и оказать поддержку Эвмелу в его борьбе против брата; но эта гипотеза не подтверждается фактическим материалом и поэтому должна быть поставлена под сомнение»¹². Неясно, какой «фактический материал» имеет в виду Ю. М. Десятчиков. Им может быть только эпиграфический материал, а его в действительности нет. Имя фатеев известно только из четырех надписей, и события их истории после 309 г. до н. э. неизвестны. Отсутствие их названия в титу-

* Э. Бикерман приводит иные даты смерти Перисада — 311—310 гг. до н. э. (Бикерман Э. Хронология древнего мира. — М., 1976, с. 198). Если это так, то битва при Фате происходила в 311—310 гг. до н. э.

* В описании самой битвы Мениск не упоминается. «Предводитель наемников Мениск, отличающийся умом и храбростью» фигурирует в рассказе о штурме крепости Арифарна (ВДИ, 1917, № 4, с. 265).

Таблица 1. Состав войск противников, тыс.

Сатир		Арифари — Эвмел	
пехота	конница	пехота	конница
Греки 2	Скифы 10	Фатеи 22	Фатеи 20
Фракийцы 2			
Скифы 20			
Всего 34			
		42	

латуре боспорских царей, правивших после Сатира II, вероятно, можно объяснить тем, что после этих событий под власть Боспора фатеи не попадали. Укреплению независимости фатеев во время шестилетнего правления на Боспоре Эвмела мог способствовать и сам Эвмел, благодарный им за помощь в борьбе за власть.

Вернемся к описанию военных действий. Битва произошла на реке Фат. Локализация ее не выяснена. В. В. Латышев связывает Фат с Салгиром в Крыму или с «каким-либо из притоков нижнего течения реки Кубани», склоняясь в пользу последнего¹³. С Прикубаньем связывает реку Фат и В. В. Шкорнил¹⁴. Его мнение разделяли В. Ф. Гайдукевич¹⁵ и В. П. Шилов¹⁶. А в одной из своих недавних работ В. Д. Блаватский называет реку Адагум, текущую недалеко от предгорий Кавказа: «...эта река, вполне возможно, послужила в древности названием Фат»¹⁷.

Очень важен вопрос о численности войск, принимавших участие в конфликте, о соотношении родов войск враждующих сторон.

Скорее всего численность войск сторон значительно преувеличена. Для античной литературы вообще характерна явная тенденция сообщать завышенные данные о численности войск. Говоря о численности сил сторон в битве при Фате, В. Д. Блаватский справедливо отмечал, что безоговорочно принимать на веру эти цифры Диодора, конечно, нельзя; античные источники, более достоверные, и авторы, осведомлен-

ные лучше, чем Диодор, постоянно грешат совершенно непомерными преувеличениями, когда речь идет о войсках варваров. Приняв на веру численность наемников Сатира в 4 тысячи (2 тыс. греков и 2 тыс. фракийцев), В. Д. Блаватский справедливо полагает, что численность союзников-скифов преувеличена. «...Но вряд ли следует сомневаться в том, что Сатир в походе сопровождал конные и пешие союзники-туземцы (скифы. — *Е. Ч.*), по численности отнюдь не уступавшие его наемникам»¹⁸. Преувеличена, по мнению В. Д. Блаватского, и численность войск Арифари.

В отличие от В. Д. Блаватского, Ю. М. Десятчиков пишет, что «...источник Диодора приводит довольно точные (даже если и немного завышенные в отношении варваров) цифровые данные войск Сатира и Эвмела». По его мнению, сообщение Диодора «...скорее всего, действительно отражало реальную ситуацию и расстановку сил претендентов на боспорский престол»¹⁹.

Предложение Ю. М. Десятчикова о том, что на стороне Эвмела в битве принимали участие не фатеи, а сираки, дела не меняет. Для нас в данном случае важно мнение автора о возможности участия в вооруженном конфликте, происходившем на территории Северного Причерноморья в конце IV в. до н. э., значительных масс конницы и пехоты, численность которых составляла десятки тысяч.

Вряд ли можно сомневаться, что соотношение сил пехоты и конницы в войсках сторон нереально. Во всяком

случае, очевидно, что оно верно по отношению войска Арифарна и составляет приблизительно 1 : 1 (22 тыс. пехотинцев и 20 тыс. конников). Следовало бы ожидать даже несколько большего превышения численности пехоты над конницей, учитывая то обстоятельство, что фатеи вели оседлый образ жизни и военные действия происходили на их территории. Некоторое сомнение вызывает численность скифского войска, выступавшего союзником Сатира. В нем соотношение складывается не в пользу конницы — 1 : 2 (10 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев). Естественнее было бы ожидать обратного. Следует учитывать и то, что военные действия велись на территории противника. Но, даже если принять данные Диодора о соотношении конницы и пехоты 1 : 2 у скифов и 1 : 1 — у фатеев, оно будет совершенно необычным для войск этого периода во всем античном мире.

Хотя Диодор совершенно четко определил состав войск сторон, существует мнение, что, помимо указанных им контингентов, в распоряжении Сатира и Эвмела были еще какие-то силы. В. Д. Блаватский писал, «возможно, что у него (Эвмела.— *Е. Ч.*) была наемная пехота, так же как и на стоявшем против него крыле противника»²⁰. В более поздней своей работе В. Д. Блаватский обосновал это тем, что «...коль скоро им (воинам, сражавшимся под началом Эвмела.— *Е. Ч.*) удалось потеснить гоппитов Сатира, следует думать, что и у Эвмела была тяжеловооруженная пехота»²¹.

Трудно согласиться с мнением В. Д. Блаватского о наличии собственных войск у Эвмела. Вряд ли бежавший к фатеям претендент на престол мог увести с собой сколько-нибудь значительные формирования из Боспора. Группа его единомышленников, которая могла с ним бежать, скорее всего, не представляла реальную силу, способную играть заметную роль в битве. Вызывает сомнение и то, что претен-

дент на престол, не имевший на него законных прав, мог увести с собой и какую-то часть наемников из регулярных сил Боспора — ему нечем было бы им платить. Да и бюджет Боспора, равный 300—360 талантам²², мог позволить содержать только наемников (2 тыс. греков и 2 тыс. фракийцев), оставшихся в распоряжении Эвмела. По подсчетам В. Д. Блаватского для этого требовалось около 200 талантов²³. Следует учитывать и часть платы союзным скифам, выступившим на стороне Сатира*, а также то, что какой-то контингент наемников, очевидно, пришлось оставить в самом Паптиканее. Если принять во внимание, что события развивались очень быстро, то у Эвмела не было времени на получение наемников, даже если бы он имел средства на их оплату. А сам Эвмел находился не в очень надежном положении. В этой ситуации, выступая против законного царя, ему пришлось бы платить наемникам намного больше, чем платил бы законный царь. Л. П. Марипович приводит свидетельство Ксенофонта (*Анабасис*, 1, 3, 21), что как только у наемников появилось подозрение, что они будут участвовать в войне с законным царем, они потребовали примерно 7,5 оболов в день при обычной норме 4 обولا, принятой во второй половине IV в. до н. э.²⁴

Все это опровергает мнение В. Д. Блаватского о силах, бывших в распоряжении Эвмела, помимо войск фатеев. Кроме того, предполагая наличие у Эвмела тяжелой наемной пехоты гоппитов, В. Д. Блаватский исходит из ошибочного представления, что потеснить фалангу могла только фаланга**.

* Говоря, что скифы не требовали постоянных средств на свое содержание, В. Д. Блаватский (*Земледелие...*, с. 203) прав. Постоянных ассигнований на это не требовалось, но «разовая» плата за участие в войне таких больших масс войск, по-видимому, была довольно высокая.

** Несостоятельность этого мнения видна на многих примерах из истории войн, кото-

Исключительную важность имеет вопрос о составе войск сторон и о характере вооружения.

Очевидно, прав В. Д. Блаватский, предполагая, что 2 тыс. греков в войске Сатира, упоминаемые Диодором, были тяжеловооруженными воинами-гоплитами, косвенным свидетельством в пользу этого может быть само их число. Они составляли 8 лохов или синтагм, в каждой из которых было по 256 воинов. Вооружение их хорошо известно — шлем, панцирь, поножи, пара копий и меч — ксифос.

В 2 тыс. фракийцев В. Д. Блаватский справедливо видит пельтастов²⁵. Их вооружение составляли шлемы, облегченные панцири, копья, дротики, мечи и легкие щиты-пелты.

Основным оружием скифской пехоты были луки со стрелами²⁶. У одних воинов могла быть пара дротиков, пращи, у других — мечи и кинжалы. Защитные функции выполняли деревянные щиты, в какой-то мере кожаные куртки и колпаки. Часть воинов имела боевые пояса, легкие кожаные панцири.

Лучше была вооружена скифская конница. Помимо обязательного лука и набора стрел конники имели столь же обязательные копья и дротики. Больше, чем в пехоте, было и средств личной защиты воинов. Боевые пояса, легкие с металлическим набором панцири занимали заметное место в составе вооружения²⁷. Мечи, кинжалы, боевые топоры разных типов составляли вооружение многих воинов.

рые велись как в самой Греции, так и за ее пределами. Приведем только два факта. В бою на о. Сфактерия (435 г. до н. э.) афинские лучники и гребцы разгромили отряд спартанских гоплитов (*Фучидид. История*, IV, 29—38). Ификрат в битве при Лехее (390 г. до н. э.) разгромил спартанских гоплитов с помощью пельтастов (*Ксенофонт. История Греции*, IV, 5). Силу легковооруженной пехоты в борьбе с гоплитами отмечал Ф. Энгельс: «В ряде случаев, — вероятно на пересеченной местности, — они с успехом противостояли даже спартанской фаланге» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 14, с. 10).

Ядром войска была тяжелая конница, состоящая из дружинников. Как и остальные воины, эта часть войска имела лук и стрелы, число которых в наборе нередко превышало сотню. Копья и дротики, боевые топоры разных типов дополняли вооружение конников. Длинные мечи позволяли вести бой с пешим и конным противником. Как легкая, так и тяжелая конница имела не только короткие (до 2 м) копья и дротики, но и длинные (до 3 и более метров) копья, позволявшие успешно сражаться с конным противником. В вооружение всех воинов входило защитное оружие — боевые пояса, панцири разных типов, щиты, в том числе и с панцирным покрытием, шлемы и поножи античных и местных образцов. По-видимому, применялись и средства защиты боевых копий²⁸.

К сожалению, Диодор не сообщает никаких данных о характере построения конного кулака войск Сатира. Однако ряд данных, сообщаемых античными авторами, позволяет предположить, что скифская конница (или ее основная часть) вела бой не только лавой, но и знала строй. О рядах скифской конницы сообщает Геродот²⁹: «Скифы, пешие и конные, **выстроились** (подчеркнуто нами. — *Е. Ч.*) против персов для боя»³⁰. Там же он отмечает наличие у скифов еще во время войны с Дарием (за 200 лет до битвы при Фате) боевого порядка. Немного словный рассказ Геродота об этом эпизоде войны с персами не дает возможности представить характер построения скифского войска этого периода. Но уже ко времени битвы при Фате выработались определенные тактические приемы, начало формирования которых происходило задолго до междоусобицы на Боспоре, в которую были втянуты значительные контингенты скифов³¹.

Вряд ли можно сомневаться, что основная ударная сила скифской конницы — тяжеловооруженные всадники —

имели глубокое построение *. Нам очень мало известно из сообщений древних авторов о глубоком построении тяжелой конницы. Так, Ксенофонт сообщает, что в битве при Мантинее (362 г. до н. э.) между Спартой и Фивами «...даже коннице дали глубину фаланги гоплитов ... Эпимапонд ... своей конницей дал сильный строй клином» ³². Построение тяжелой конницы клином намного увеличивало ее ударную силу.

Если военные действия действительно проходили в Прикубанье, то их начало предшествовала очень сложная операция по переправе войска через Керченский пролив. Однако из текста Диодора ясно, в какое время года происходила переправа, да и вся война. Если это было зимой, то переправа по льду через пролив не представляла особой проблемы. Переправа на судах наемников и фракийцев (всего 4 тысячи пехотинцев) не вызывала трудностей. Сложнее обстояло дело со скифскими союзниками. Мост через широкий пролив нельзя было построить. Очевидно, союзники пришли на соединение с войском наемников Сатира уже на азиатском берегу пролива, обойдя Меотиду с севера, или перешли мелководный пролив вброд.

Небезынтересно сообщение Диодора о телегах, «...на которых (Сатир.— Е. Ч.) привез огромное количество провианта». Скорее всего, это сделано с тем, чтобы не повторить ошибку Дария, вторгшегося в чужую страну и испытывавшего большие затруднения в получении фуража и продовольствия ³³. А поскольку Сатир «...опустошил неприятельскую сторону и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи» ³⁴, он не надеялся во враждебной стране получить все необходимое для войска. Для этого везли провиант с собой. Очевидно, в этом

факте следует видеть пример централизованного снабжения войска в условиях продвижения в глубь территории противника.

Н. И. Сокольский произвел подсчет необходимого продовольствия и транспортных средств, пужных для его доставки. По его мнению, продовольствие везли для наемников (4 тыс. воинов) и боспорского войска, такой же численности. Продовольственное снабжение скифов частично осуществляли они сами. Не зная условий соглашения скифов и Сатира, Н. И. Сокольский считает, что «для осторожности» следует исходить из того, что на войско Сатира ежедневно расходовалось 15 тыс. пайков (зерно или мука, вино, соль и т. п.). Вес суточного пайка он определяет в 700—800 г. А так как действовать приходилось на территории противника, то продовольствия должно было быть не менее, чем на месяц. Н. И. Сокольский предполагает, что на переправу через Керченский пролив и на продвижение в глубь территории противника на 100 км понадобилось не менее недели. Обоз Сатира, по его подсчетам, должен был везти не менее 400 т продовольствия и иных грузов. «Полагая, что на одну повозку, влекомую парой волов, в условиях военного похода и бездорожья не могло быть погружено более 25—30 пудов, мы можем заключить, что у Сатира было от 800 до 1000 телег и повозок» ³⁵.

Продвинувшись в глубь территории противника и приблизившись к нему, Сатир с союзными скифами оказался перед рекой Фат. Переход реки преследовал, по-видимому, несколько целей: во-первых, затруднялось нанесение удара с тыла, укреплялся боевой порядок — войско лишалось возможности отступления; во-вторых, при устройстве лагеря обеспечивалось его снабжение водой.

Перейдя реку, войско Сатира окружило свой лагерь телегами. В целом этот факт прошел незамеченным иссле-

* В этой связи уместно вспомнить, что Диодор называет отряд Сатира, находившийся в центре боевого строя, фалангой.

дователями, описывающими войну в той или иной связи. В. Д. Блаватский ограничился лишь констатацией этого факта, Н. И. Сокольский, исходя из длины телеги, равной 2—2,5 м, подсчитал, что 800—1000 телег могли окружить лагерь, имеющий в периметре 2 км. При условии, что лагерь имел квадратную форму со сторонами 400—500 м, телеги ограничивали пространство, достаточное для размещения войска с тягловыми животными³⁶. Следует учитывать, что численность телег, а следовательно, и размеры лагеря увеличались бы при условии транспортировки продовольствия и военных припасов не на 15 тыс. войск, а минимум вдвое больше.

Н. И. Сокольский отводит лагерю лишь одну роль — хранилища продовольствия и загона для скота. Однако следует учитывать и другую, гораздо более важную, цель создания лагеря. На наш взгляд, едва ли не основной целью такого лагеря была защита войска³⁷. По-видимому, к лагерю, созданному во время битвы на р. Фат, вполне можно отнести слова Ф. Энгельса: «Лагери варварских народов древности часто окружались укреплениями из повозок и телег...»³⁸ Ф. Энгельс считал, что «устройство полевых укреплений имеет такую же давность, как и существование армий. Древние армии владели этим искусством даже в значительно большей степени, чем наши современные армии»³⁹.

Организация лагеря, окруженного телегами, — прием обычный для средневековья. Такой способ укрепления П. В. Голубовский называл «...лагерной или тележной защитой»⁴⁰, а С. А. Плетнева — «куранным построением»⁴¹. В военном деле средневековья для обозначения подобного лагеря применялся термин «вагенбург». Обычно подобный лагерь представлял «укрепление из груженых возов, которые стояли в два или один ряд в виде каре»⁴², иногда повозки образовывали круг. Основным назна-

чением подобного лагеря была защита от конницы. П. В. Голубовский вполне справедливо отметил, что «лагерная защита могла появиться в такой местности, где нет естественной защиты и где враг был преимущественно конный. Такие условия и давали наши степи»⁴³. Наиболее естественным было создание подобного укрепленного лагеря при условии углубления во вражескую территорию. Именно такая ситуация и складывалась во время битвы на р. Фат. Создание подобных лагерей характерно для эпохи средневековья. Вспомним знаменитые вагенбурги гуситов. Но примеры их использования можно найти и в более ранние времена*. С полным основанием С. А. Плетнева считала, что «...впервые куренное построение возникло у кочевых народов», в частности у скифов⁴⁴.

Обобщая многовековой опыт строительства подобных лагерей, военный теоретик раннего средневековья Маврикий писал: «Намереваясь дать сражение, следует также принимать меры на случай неудачного похода и таким образом избегать происходящей от этого опасности: прежде же всего позаботиться относительно съестных припасов на несколько дней как для людей, так и для животных. Для устройства укрепленных лагерей (надо. — Е. Ч.) выбирать удобные места ... и запастись водой на случай необходимости»⁴⁵. По-видимому, этим условиям вполне отвечала позиция на берегу Фат, выбранная для лагеря. Провиант и, очевидно, часть фуража были привезены с собой, протекавшая рядом река обеспечивала водой воинов и животных.

О значении запасов продовольствия в походе писали многие древние авторы. Например, Геродот, передавая слова Ксеркса, который, исходя из опыта похода Дария в Скифию (очевидно, не

* Иначе устраивались лагеря римских легионеров (Webster G. The Roman Imperial Army. London, 1969, p. 166—220).

случайно в тексте упоминаются кочевники), писал: «...мы (персы.— *Е. Ч.*), во-первых, сами отправляемся в поход с большими запасами (продовольствия), а затем, в какую бы страну и народность мы не пришли, мы возьмем у них весь хлеб (который там есть). Мы идем войной на земледельцев, а не на кочевников»⁴⁶. Римский военный теоретик Вегеций отмечал: «Чаще войско губит недостаток продовольствия, чем битва: голод страшнее меча. Если недостаток чувствуется в чем-либо другом, то его можно на месте пополнить и поправить, по в случае тяжелого положения с продовольствием и фуражом — нет другого лекарства от этого бедствия, как только заранее произведенная их заготовка. Во всяком походе лучшее твоё оружие — чтобы у тебя было в изобилии пищи, а враги страдали от голода»⁴⁷.

Боевой лагерь скифов на р. Фат составлял основную часть боевого порядка войск Сатира, выполняя роль опорного пункта в бою и убежища на случай возможного поражения.

К сожалению, Диодор оставил очень краткое описание боевого порядка сторон. О многом можно лишь предполагать, с большей или меньшей степенью вероятности. Это в равной мере относилось и к войскам, которыми командовал Сатир, и к войскам фатеев. Относительно боевого порядка войск Сатира свидетельство Диодора позволяет точно определить лишь положение наемников, стоявших на правом фланге. Остается недостаточно ясным, следует ли под термином «наемники» понимать лишь греков (в тексте Диодора наемниками названы лишь греки — «греческие наемники») или греков и фракийцев. Скорее всего, он имел в виду тех и других. Очевидно, так же считал и В. Д. Блаватский, поместивший на схемах битвы на правом фланге наемников, не оставив места для размещения фракийцев⁴⁸, хотя в работах, посвященных этой битве, он о фракийцах говорит только при разборе состава войска, не определяя

их места в бою. Положение фракийцев, представлявших легковооруженную пехоту, на фланге вполне естественно. Именно такая пехота обычно прикрывала фланг фаланги. На схемах боя, предложенных В. Д. Блаватским, отмечено, что этим флангом командовал Мениск. Очевидно, так оно и было. Хотя при описании самой битвы это имя не упоминается, «предводитель наемников Мениск, отличавшийся и умом и храбростью» (в другом месте он назван «начальником наемников»), играет важную роль в ходе дальнейших военных действий, а после смерти Сатира при штурме крепости фатеев даже принимает на себя руководство войсками.

Таким образом, левый фланг занимал отряд численностью 4 тыс. воинов. Остальное войско, численностью более 30 тыс., занимало центр и правый фланг (оно «...состояло из двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников — «скифов»). В. В. Струве и Н. И. Сокольский (первый на основании лингвистических заключений, а второй не приводя в пользу своего мнения никаких доводов)⁴⁹ предполагают наличие в составе сил Сатира и каких-то подразделений, составленных из жителей Боспора. Место их в боевом порядке при этом не определяется.

Считаем необходимым остановиться на вопросе о возможности участия в битве иных воинских формирований, помимо указанных Диодором. Довольно подробно говорит об этом В. В. Струве. «При беглом чтении сообщения Диодора о составе войска обоих братьев создается впечатление, что воины из числа граждан городов Боспора Киммерийского не были представлены ни в войске Сатира, ни в войске Эвмела. Изучая же более детально и вдумчиво ... отрывок Диодора, мы находим здесь косвенное указание на то, что в вооруженные силы и той и другой стороны включены были контингенты, рекрутируемые из полноправных граждан Боспорского го-

сударства». В подтверждение своего мнения В. В. Струве привлекает глагол *σφωτασθεομαι*, который будто бы «предполагает согласно своему применению совместные и согласованные военные действия двух коллективов, а не коллектива и какого-то отдельного лица, не располагавшего отрядом своих собственных бойцов». В подтверждение этому В. В. Струве приводит данные Геродота (V, 44; IX, 106), Фукидида (II, 80; II, 29, 6) и Ксенофонта (История Греции, III, 1, 13; IV, 6, 2)⁵⁰. Действительно глагол предполагает «совместные и согласованные военные действия двух коллективов» и уже только поэтому не следует здесь даже говорить о действиях «...какого-то отдельного лица, не располагающего отрядом собственных бойцов».

В данном случае нельзя допустить чисто формального выделения в глаголе двух элементов — войска и полководца. Этот глагол четко указывает на согласованность действий нескольких «коллективов» — различных в этническом отношении контингентов войск Сатира — скифов, греков и фракийцев. Но даже если и принять мнение В. В. Струве, противопоставляющее Сатиру, имеющему свои собственные войска, войска скифов и силы наемников, то использование этого глагола вполне уместно*. У Сатира были свои силы. Это — наемники-греки и фракийцы. О существовании на Боспоре наемников в IV в. до н. э. убедительно свидетельствуют помимо сообщения Диодора многие источники⁵¹. Данные же о существовании на Боспоре гражданского ополчения в конце IV в. отсутствуют. В этой связи очень интересно замечание В. Ф. Гайдукевича, назвавшего регулярными боспорскими войсками только наемников⁵². И если нельзя согласиться с его мнением о наличии в войске

Сатира контингентов из граждан Боспора, то вовсе недопустимо это по отношению к войску претендента на престол.

Поэтому формирования из граждан Боспора, следует безоговорочно исключать из расчета боевых сил, принимавших участие в битве.

В. Д. Блаватский на схемах битвы отмечает, что центр и правый фланг занимали скифы-союзники, не деля их на пехоту и конницу. Вполне вероятно, что правый фланг занимала пехота, хотя это и не была пехота в полном смысле этого слова. Вполне естественно, что это были конники, имевшие плохих лошадей. Они должны были спешиваться и сражаться в пешем строю подобно тому, как это часто имело место в войнах средневековья. В центре, вероятно, находилась основная часть конницы.

Исключительный интерес представляет фраза Диодора о том, что Сатир после того, как выстроил войско, «...сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя..., окруженный отборными воинами»⁵³. Заслуживает внимания то обстоятельство, что для определения центра боевого строя Диодор употребляет термин «*φάλαγγα*». На основании этого В. Д. Блаватский сделал неожиданный вывод. «Нельзя допустить, — писал он, — чтобы под наименованием *φάλαγγα* (фаланга, т. е. сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты) Диодор подразумевал окружающих Сатира отборных всадников. Это заставляет полагать, что отряд, сопровождавший Сатира, не представлял собой центра армии, а стоял, выдаваясь перед фронтом ее, посередине боевой линии»⁵⁴. Действительно, обычно словом *φάλαγγα* обозначался строй тяжеловооруженной пехоты. Но это слово иногда применялось и в более широком смысле. Сам Диодор называл так боевой строй. В «Илиаде», например, фалангой названо первоначальное построение войск перед боем⁵⁵. Так же называл строй

* Выражаю благодарность Ю. Г. Виноградову за любезную консультацию по данному вопросу.

боевых кораблей крупный военный специалист * античности Ксенофонт⁵⁶. Он (как и Диодор) называет этим словом и центр строя⁵⁷. О глубоком построении конников по четыре ряда, сравнивая их при этом с фалангой, писал Ксенофонт⁵⁸. Из этого краткого перечня употребления термина «фаланга» не в его основном значении видно, что ничего странного в словах Диодора нет. Таким образом, лишено оснований мнение В. Д. Блаватского, поместившего отряд «отборных воинов» Сатира перед строем основной части войска.

В центре и помещалась основная часть скифской конницы. Ядром ее служила тяжеловооруженная конница, образовывавшая отряд «отборных воинов». Термин «фаланга» по отношению к этой части войска был бы вполне уместен. Как и гоплиты, стоящие в фаланге, этот отряд, скорее всего, имел глубокое построение, которое к этому времени уже применялось достаточно широко. Во главе его стоял «по скифскому обычаю» сам Сатир. Этот отряд, вооруженный, как и гоплиты, панцирями, щитами, поножами, различными пожными доспехами, Диодор и назвал привычным словом «фаланга» **.

В. Д. Блаватский обратил внимание на положение военачальника в центре боевого порядка, отметив, что этот обычай был известен у персов. В качестве удачного примера он привел битву при Купаксах (401 г. до н. э.) между Киром и Артаксерксом. Сходство этой битвы с битвой при Фате велико. И при Купаксах центр боевого порядка — «середину строя» занимала тяжеловооруженная конница во главе с ца-

рем. В этом бою тяжелое защитное вооружение имели не только всадники, но и кони. Успех боя был обеспечен удачным маневрированием и проходом этих воинов. Бой на флангах вылился в вялое маневрирование и проходил почти без потерь⁵⁹.

Причины, обуславливающие положение военачальника в центре, хорошо объяснил Ксенофонт. «Все начальники варваров управляют своими войсками, оставаясь в центре, полагая, что таким образом они, защищенные с двух сторон воинской силой, будут в полной безопасности, а если им понадобится отдать какое-либо приказание, то оно дойдет до войска вдвое скорее»⁶⁰. Следует учитывать и то обстоятельство, что находясь во главе ударной группировки воинов, военачальник мог лично руководить боем, направляя действия своей ударной силы в нужное место боя, и последовательно переносить удар по различным частям боевого порядка противника при изменении боевой обстановки. Именно такая организация боевого порядка во многом определила успех Сатира в бою.

В. В. Струве полагал, что Сатир имел помимо наемников (греков и фракийцев) и союзников (скифов), а также войска, состоящие из граждан Боснора. «...Они, вероятно, составляли фалангу, перед которой находился сам молодой царь со своим отрядом отборных всадников, готовый прорвать центр вражеского строя. Стоящая же позади фаланга должна была закрепить победу конницы. При гоплитах фаланги Сатира пахотилось, несомненно, и некоторое количество легковооруженной пехоты, рекрутируемой из более бедных слоев граждан Пантикапея. Очевидно, Сатир, став в центре с отборной конницей, подкреплённой фалангой местной тяжеловооруженной пехоты, решил использовать прием, свойственный скифскому военному искусству»⁶¹.

С такой реконструкцией центра боевого порядка войск Сатира согласиться нельзя. Мнение о фаланге тяжелово-

* См.: Anderson J. K. *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon* Berkley 1970.

** «Фаланги конников быстрых» упоминает Гомер (Илиада, 4, 333). Фалангой называет строй конников и Ксенофонт (О коннице. Выдержки из сочинения Ксенофонта, СПб., 1874, с. 21).

оруженных пехотинцев из граждан Боспора, которых поддерживали и легковооруженные пехотинцы, не имеет под собой реальной основы. Расположение тяжелой конницы, стоящей впереди фаланги гсплитов в центре боевого порядка, не известно для всей истории войн античного мира. Гоплиты в силу очень малой подвижности фаланги не имели возможности оказать реальную поддержку своей коннице. Кроме того, размещение конницы перед фалангой создавало дополнительные трудности. В случае конной атаки отборного отряда его бегству препятствовала своя же фаланга. Пропустить бегущую конницу через свои боевые порядки фаланга не могла. Бегущая конница, преследуемая «висящим на плечах» противником, могла расстроить ряды фаланги и облегчить прорыв строя врагом.

Все это не позволяет согласиться с реконструкцией центра боевого порядка войск Сатира, предложенной В. В. Струве. Безусловно, в центре помещалась основная часть конницы скифов. Ею и командовал Сатир*. В атаке принимали участие, по-видимому, значительные массы скифской конницы. «Отборные воины» — дружинники Сатира — без поддержки остальной части конницы вряд ли могли бы выполнить столь важную задачу по разгрому центра и левого фланга противника.

По мнению В. Д. Блаватского, «...отряд, сопровождавший Сатира, не представлял собой центра армии, а стоял, выдаваясь перед фронтом ее, посредине боевой линии»⁶². Этот вывод основан только на том, что Диодор будто бы не мог применить термин «фаланга» к этому отряду. Имеющееся у Диодора четкое указание на то, что Сатир «стал в центре боевого строя», а не перед ним,

* Диодор не сообщает имени скифского военачальника, приведшего союзных скифов, ни в описании самой битвы, ни в ходе дальнейших боевых действий, когда после смерти Сатира руководство взял предводитель наемников Мениск.

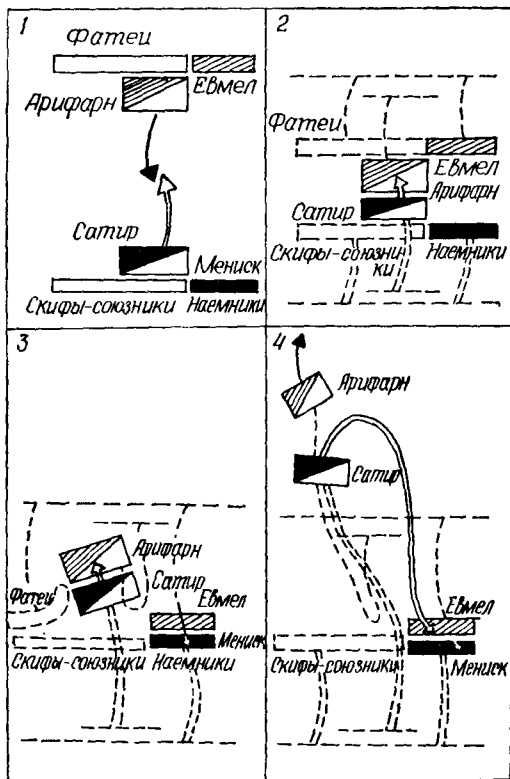

Рис. 1. Битва при Фате (схемы по В. Д. Блаватскому):

1 — боевой порядок войск Сатира и Арифарна; 2 — встречный бой конницы Сатира с конницей Арифарна; 3 — конница Сатира, опрокинувшая конницу Арифарна, вступивший в бой Эвмел теснит наемников Сатира; 4 — прекратив преследование разбитой конницы Арифарна, конница Сатира ударяет по отряду Эвмела и, сокрушив его, одерживает победу.

В. Д. Блаватский не принимает во внимание. Может быть, указание Диодора о нахождении отряда отборных воинов Сатира в центре боевого порядка следует понимать как подчеркивание связи этого отряда с остальной массой конницы, стоящей тут же.

О левом фланге войск Сатира нам ничего не известно. Возможно, его занимала скифская пехота, уравновешивавшая правый фланг, где находилась также пехота. Скорее всего, фланги, как это было общепринято в войнах того времени, прикрывали отряды конницы.

Немного известно о боевом порядке войск фатеев. Левый фланг составляли войска фатеев, которыми командовал Евмел. Состав и численность войск, стоявших здесь, неизвестны. Может быть, здесь, как и на правом фланге, располагалась пехота, прикрытая конницей. Ясно лишь, что фланги в боевом порядке фатеев не играли главной роли в битве. Основная сила могла находиться в центре, где и помещались войска под командованием царя фатеев Арифарна. Отряд отборной конницы, очевидно, дружина, названная Диодором «свитой», как и дружина, которой командовал Сатир, стояла «в центре боевого строя».

Вооружение фатеев, по-видимому, было аналогично скифскому. Известный по археологическим данным набор оружия племен Прикубанья практически не отличался от скифского. Несколько своеобразны мечи⁶³ и копья, но в целом ассортимент вооружения почти одинаков. Наблюдается количественная разница защитного оружия. В памятниках Прикубанья меньше наборных панцирей, редки боевые пояса, но чаще, чем в Скифии, встречаются шлемы греческих типов.

Перейдем к описанию самой битвы.

На основании рассказа Диодора, В. Д. Блаватский составил четыре схемы, характеризующие битву. Одна показывает размещение сил сторон перед боем, три — этапы боя⁶⁴ (рис. 1). Предлагаемые нами три схемы⁶⁵ в значительной мере отличаются от схем В. Д. Блаватского (рис. 2). Хотя эти различия достаточно четко прослеживаются при сравнении схем, кратко отметим основные.

Так, на схеме 1 (по В. Д. Блаватскому) следовало бы показать р. Фат, переход которой, очевидно, должен был обезопасить тыл от удара противника; лагерь, окруженный телегами, входил в систему боевого порядка и выполнял роль опорного пункта; дружину «отборных воинов» Сатира и дружину, «сви-

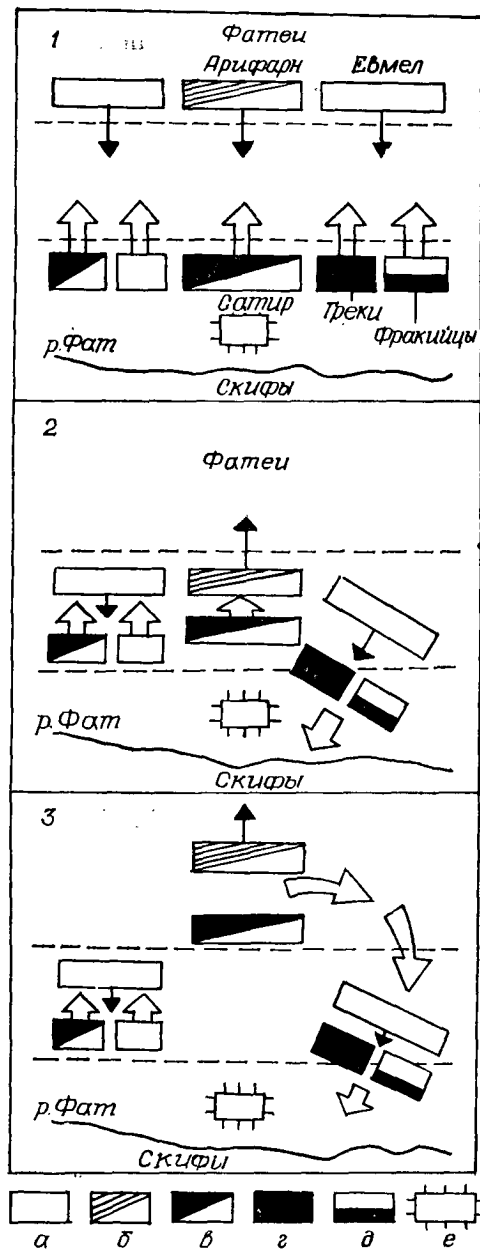

Рис. 2. Битва при Фате (схемы):

1 — скифская конница Сатира и Арифарна перед боем, встречный бой; 2 — скифская конница Сатира, разгромившая и начавшая преследование бегущей конницы Арифарна. Евмел обращает в бегство наемников Сатира; 3 — скифская конница Сатира, прекратившая преследование разгромленной конницы.

ту», Арифарна не следовало бы помещать перед боевым порядком, отрывая их от основной массы конницы; на флангах войск обеих сторон, скорее всего, помещались отряды конницы.

Битва началась встречным боем. «Произошло упорное сражение», — так характеризует этот этап боя Диодор. В. Д. Блаватский, приводя текст Диодора, почему-то опускает эти слова⁶⁶. Правда, на схеме 2, иллюстрирующей этот этап битвы, встречный бой показан и сама схема названа «встречный бой конницы Сатира с конницей Арифарна»⁶⁷. Из подписи к самой схеме следует, что В. Д. Блаватский свел этот этап битвы только к столкновению отборных дружин конницы, основная же масса войск центра и фланги участия в сражении еще не принимали. В тексте Диодора четко выделяется «упорное сражение», в котором, по-видимому, принимали участие все силы сторон в отличие от «конной стычки», которую «завязал» Сатир с отборным отрядом Арифарна. Не следует исключать и того, что эти отборные группы воинов приняли участие лишь после того, как встречный бой не принес успеха ни одной из сторон.

Очень интересно складывался ход битвы на втором ее этапе. Здесь можно полностью согласиться с трактовкой В. Д. Блаватского, внеся коррективы в расположение сторон, о которых упоминалось выше. Дружина скифов во главе с Сатиром при поддержке основной массы конницы нанесла удар по противостоящей ей дружине и коннице Арифарна и «после значительных потерь с той и другой стороны» прорвала центр боевого порядка противника и обратила войска, стоящие здесь, в бегство. Скифская конница Сатира начала преследование бегущего противника, «убивая всех попадавшихся ... на пути».

цы фатеев, меняет направление движения и наносит удар в тыл Эвмела. Поражение Арифарна. а — пехота, б — конница фатеев; в — скифская конница; г — греки-наемники; д — наемники-фракийцы; е — боевой лагерь.

Таким образом, в центре был достигнут большой успех и противник был обращен в бегство.

В это время на правом фланге для Сатира сложилась неблагоприятная обстановка. Левый фланг фатеев под командованием Эвмела «одолевает на правом фланге и обратил в бегство его (Сатира.— Е. Ч.) наемников». Полный успех в центре, где была разгромлена основная ударная сила противника — конница, и неудача на правом фланге — итоги второго этапа битвы для войск Сатира.

Завершает битву третий этап. Очевидно, преследование продолжалось недолго (известие о неудаче на правом фланге дошло до Сатира «немного спустя» после начала преследования). «Услышав, что брат его Эвмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным», нанес удар в тыл войскам, которыми командовал Эвмел. Это решило исход битвы. Вероятно, действия на левом фланге Сатира не принесли успеха ни одной из сторон и не оказали влияния на исход битвы.

Ход битвы на этом этапе демонстрирует большие способности Сатира, как выдающегося военачальника, высокую выучку и, что очень важно, пезаурядную дисциплину скифской конницы, находящейся в его распоряжении.

В этой связи небезынттересна характеристика конного боя, данная Ф. Энгельсом. Он пишет, что при столкновении масс конницы индивидуальное мастерство всадника играет малую роль. «...Одна сторона опрокидывает и рассеивает другую. Моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу... Ввиду этого никакая кавалерия не может совершать великие дела, если она не охвачена «порывом»... Таким образом, удачная атака сразу решает судьбу боя; но если она не сопровождается преследованием и одиночными рукопашными схватка-

ми, то победа оказывается сравнительно бесплодной»⁶⁸.

В битве при Фате преследование бегущего противника имело место. Характеризуя состояние конницы, смывшей и преследующей противника, Ф. Энгельс отметил, что «как ни велико бывает превосходство атаки той кавалерийской части, которая лучше сохраняет свой боевой порядок, все же ясно, что даже в такой части после успешной атаки порядок будет относительно нарушен». Далее Ф. Энгельс пишет о том, что «...после атаки все приходит в состояние дезорганизovanности даже у победителей... Поэтому быстрый сбор после атаки является показателем действительно хорошей кавалерии, и как раз в этом отношении не только молодые, но и опытные и храбрые войска страдают серьезным недостатком»⁶⁹. Находившаяся в распоряжении Сатира скифская конница оказалась в лучшем положении. То, что она с успехом сделала в битве на р. Фат, требовало высокой дисциплины, индивидуального мастерства воина, непререкаемого авторитета военачальника. Скифские конники смогли не только сохранить порядок, прорвав строй врага, опрокинув его и начав преследование, но и вовремя прекратить преследование деморализованного противника, провести необходимое перестроение с целью восстановления несколько нарушенного порядка, сместить направление удара и нанести удар в тыл части войск противника, продолжавших вести успешный бой, решив тем самым исход битвы в свою пользу. Провести маневр подобного рода могли очень немногие конные войска.

В этой связи следует упомянуть битву при Гавгамелах или Арбелах в 331 г. до н. э. между Александром Македонским и персидским царем Дарием III⁷⁰. Отборная тяжеловооруженная конница Александра во главе с самим царем на завершающем этапе битвы прорвала и опрокинула левый фланг Дария и начала преследование бегущего противни-

ка. Вот как описывал этот эпизод битвы Ф. Энгельс: «Вынужденный прийти на помощь своему собственному левому флангу, находившемуся под угрозой, он (Александр.— *Е. Ч.*) очень быстро собрал свою конницу и, пройдя позади центра противника, обрушился с тыла на его правое крыло. Сражение было, таким образом, выиграно»⁷¹.

Очень высокую оценку действий Александра в этом сражении дал Ф. Энгельс: «...Александр с той поры считается одним из лучших кавалерийских командиров всех времен»⁷².

Помимо битвы при Гавгамелах история войн античного мира знает, пожалуй, лишь еще один пример маневра конницы на поле боя, аналогичный проведенному скифами в битве при Фате. Мы имеем в виду блистательный маневр беотийской конницы крупнейшего полководца середины IV в. до н. э. Эпаминонда в битве при Мантинее (362 г. до н. э.).

Через 50 лет после Эпаминонда и 20 лет после Александра подобный же маневр, решивший исход битвы при Фате, проделала скифская конница, которой командовал Сатир.

В. Д. Блаватский, анализируя битву при Фате, видел в ней влияния военных приемов «македонской эпохи и последующего эллинистического времени». Он сделал даже вывод о том, «что к концу IV в. до н. э. тактика боспорцев в известной мере была близка македонской. При этом использовались и некоторые приемы, заимствованные от обитателей обширных пространств Северного Причерноморья»⁷³.

Оценка В. Д. Блаватского особенностей тактики, примененной в битве при Фате, по-видимому, верна лишь во второй части. Сходство с тактикой эллинистической эпохи чисто внешнее. Тактика скифов при Фате и тактика Александра Македонского различаются коренным образом. Действительно, при Александре заметное еще в предшествующее время усиление роли конницы

Таблица 2. Численность войск Александра до похода, тыс.

Автор	Пехота	Конница	Соотношение
Арриан (I, II, 3)	30	5	6 : 1
Плутарх из Анаксимена (Алекс., 15)	43	5	8,6 : 1
Плутарх из Аристобулы (О счастье или о доблести..., А, 3)	30	4	7,5 : 1
Плутарх из Птолемея (там же)	30	5	6 : 1
Юстин (XI, 6, 2)	32	4,5	7 : 1
Диодор (XVI, 16; XVII, 17)	30—32	5	6 : 1
Ливий (IX, 19, 5)	30	4	7,5 : 1

выразилось достаточно ярко. Но конница и при нем не стала главным родом войск. По-прежнему основу его войска составляла пехота. Конница по своей численности значительно уступала ей. До Александра обычное соотношение всадника и пехоты для греческих армий (в частности, в войске Эпаминонда) составляло 1 : 10⁷⁴. При Александре численность конницы в составе его войска быстро росла.

Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидзе собрали свидетельства различных античных авторов о численности пехоты и конницы в составе войск Александра в азиатском походе⁷⁵ (табл. 2).

Как видим, соотношение пехоты и конницы в войске Александра перед походом колебалось в пределах 8,6—6,1. В общем это соотношение не изменилось и во время битв, проведенных Александром на Востоке⁷⁶ (табл. 3).

Таблица 3. Численность войск Александра во время похода, тыс.

Битва, дата	Пехота	Конница	Соотношение
Граник (334 г. до н. э.)	30	5	6 : 1
Гавгамелы (331 г. до н. э.)	50—60	4—7	15—8 : 1
Гидасп (326 г. до н. э.)	25	5	5 : 1

Следует отметить, что боевой порядок войск Александра и тактика в определенной мере были шаблонными. В центре всегда находилась тяжеловооруженная фаланга, а на флангах — конница. Сам Александр обычно находился во главе отборной тяжеловооруженной конницы на правом фланге (Граник, Исса, Гавгамелы, Гидасп). Конница во главе с Александром обычно прорывала или обходила левый фланг противника и наносила удар в тыл.

В отличие от этого, сражающийся «по скифскому обычаю» Сатир в битве при Фате находился в центре во главе отборной конницы. Здесь и наносился главный удар. Это обстоятельство не позволяет согласиться с В. Д. Блаватским, который видел в тактике, примененной в битве при Фате, влияния македонского или вообще эллинистического военного искусства. Битва при Фате является примером скифской тактики⁷⁷.

В битве при Фате четко проявились черты, характеризующие местную скифскую тактику ведения боя:

использование больших масс конницы, являющейся основным, а не вспомогательным (как это было в античном мире) родом войск;

создание кулака тяжеловооруженной конницы в качестве основной ударной силы;

концентрация ее в месте решающего удара. Помещение ударной конницы в центре боевого порядка, а не перед ним или на флангах;

широкое маневрирование конницей на поле боя. Последовательное перенесение удара мощной конницы по различным частям боевого порядка противника;

высокая боевая выучка и дисциплина значительных масс конницы;

подчиненная роль пехоты (несмотря даже на ее численное преобладание в данной битве);

нахождение военачальника в центре боевого порядка;

использование условий местности, переход реки и развертывание боевых сил перед переправой с целью обезопасить войска от ударов с тыла;

использование окруженного телегами лагеря в качестве опорного пункта.

Успех Сатира в бою — это победа скифской конницы, продемонстрировавшей более высокие боевые качества, чем войска фатеев.

¹ Диодор. Библиотека, XX, 22—26.—ВДИ, № 4, 1947, с. 263—266.

² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.—Л., 1925, с. 125—126.

³ Жебелев С. А. Северное Причерноморье.—М.; Л., 1953, с. 348; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.—Л., 1947, с. 75, 162.

⁴ Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.—Л., 1968, с. 147—200.

⁵ Там же, с. 191.

⁶ Диодор, XX, 22.—ВДИ, 1947, № 4, с. 263—264.

⁷ Список основных см. в Примечаниях В. В. Латышева.—ВДИ, 1947, № 4, с. 322—324.

⁸ Блаватский В. Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э.—ВДИ, 1946, № 1; Блаватский В. Д. Очерки военного дела античных государств Северного Причерноморья. М.; Л., 1954, с. 85—88.

⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 602.

¹⁰ Шилов В. П. О расселении меотских племен.—СА, 1951, № 14, с. 105—107.

¹¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 60, 62; Корпус боспорских надписей.—М.; Л., 1965, с. 24, 31, 553, 583.

¹² Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков.—В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 47.

¹³ ВДИ, 1947, № 4, с. 322.

¹⁴ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г.—ИАК, вып. 40, Спб., 1911, с. 107.

¹⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 497, 617; Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат.—СА, 1950, т. 13, с. 182.

¹⁶ Шилов В. П. О расселении меотских племен, с. 123.

¹⁷ Блаватский В. Д. Сцена инвеституры на Карагодеуашском ритоне.—СА, 1974, № 1, с. 43.

¹⁸ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 103.

¹⁹ Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков, с. 47.

²⁰ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 104.

²¹ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 88.

²² Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.—М., 1953, с. 202.

²³ Там же, с. 203.

²⁴ Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса.—М., 1975, с. 154.

²⁵ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 103.

²⁶ Черненко Е. В. Скифские лучники.—Киев, 1981, с. 111—141.

²⁷ Черненко Е. В. Скифский доспех.—Киев, 1968, с. 166—168.

²⁸ Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время.—В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

²⁹ Геродот, IV, 129.

³⁰ Геродот, IV, 134.

³¹ Черненко Е. В. Скифо-персидская война.—Киев, 1984, с. 103.

³² Ксенофонт. История Греции, VII, 5, 23—24.

³³ Геродот, IV, 128, 130.—ВДИ, 1947, № 2, с. 283; Черненко Е. В. Поход Дария в Скифию.—В кн.: Древности степной Скифии. Киев, 1982, с. 8; Черненко Е. В. Скифо-персидская война, с. 19—20.

³⁴ Диодор, XX, 23.—ВДИ, 1948, № 2, с. 264.

³⁵ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.—М., 1971, с. 165.

³⁶ Там же, с. 166.

³⁷ Черненко Е. В. До історії військової справи в Північному Причорномор'ї.—УІІІ, 1967, № 11, с. 92—93.

³⁸ Энгельс Ф. Лагерь.—Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 14, с. 278.

³⁹ Энгельс Ф. Фортификация.—Там же, с. 350.

⁴⁰ Голубовский П. В. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором?—Труды XII АС. М., 1902, т. 2, с. 72.

⁴¹ Плетнева С. А. О построении кочевниками лагеря-вежи.—СА, 1964, № 3, с. 133.

⁴² Советская военная энциклопедия.—М., 1970, т. 2, с. 7.

⁴³ Голубовский П. В. Указ. соч., с. 75.

⁴⁴ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 133.

⁴⁵ Макирий. Стратегия, VII, VIII.

⁴⁶ Геродот, IV, 50/Пер. Г. А. Стратановского, с. 329.

⁴⁷ Вегеций, III, 3.

⁴⁸ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 86—87, рис. 38—41.

⁴⁹ Струве В. В. Указ. соч., с. 154—155; Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло..., с. 165.

⁵⁰ Струве В. В. Указ. соч., с. 154—155.

⁵¹ Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э.—СА, 1958, т. 28.

- ⁵² Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 73.
⁵³ Диодор, XX, 22.—ВДИ, 1948, № 2, с. 263—264.
⁵⁴ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 103.
⁵⁵ Гомер. Илиада, 3, 78; 6, 120; 8, 279. Пер. Н. Гнедина.
⁵⁶ Ксенофонт. История Греции, 6, 2, 30.
⁵⁷ Ксенофонт. Киропедия, 7, 1, 6.
⁵⁸ Ксенофонт. История Греции, 3, 4, 13.
⁵⁹ Ксенофонт. Анабасис, I, VIII, 4—24.
⁶⁰ Ксенофонт. Анабасис, I, VIII, 22.
⁶¹ Струве В. В. Указ. соч., с. 157.
⁶² Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 103.
⁶³ Смирнов К. Ф. О мече скифо-меотского типа.—КСИА, АН УССР, 1980, вып. 162.
⁶⁴ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 86—87, рис. 38—41.
⁶⁵ Черненко Е. V. The Scythians 700—300, B.C. London, 1983, p. 30—32.
⁶⁶ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 103; Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 85.
⁶⁷ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 86, рис. 39.
⁶⁸ Энгельс Ф. Кавалерия.—Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 14, с. 318—319.
⁶⁹ Там же, с. 319—320.
⁷⁰ Разин Е. А. История военного искусства.—М., 1953, т. 1, с. 231—243; Дельбрюк Г. История военного искусства.—М., 1936, т. 1, с. 180—186; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток, М., 1980, с. 180—183.
⁷¹ Энгельс Ф. Кавалерия.—Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 14, с. 299.
⁷² Там же.
⁷³ Блаватский В. Д. Битва при Фате..., с. 104.
⁷⁴ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ. соч., с. 94.
⁷⁵ Там же, с. 98.
⁷⁶ Разин Е. А. Указ. соч., с. 222, 231, 242.
⁷⁷ Черненко Е. В. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья.—В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977, с. 68; Черненко Е. В. Некоторые особенности военного дела скифов.—В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978, с. 58.

Г. Л. Евдокимов, В. Ю. Мурзин

РАННЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ОРУЖИЕМ ИЗ ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1980 г. у с. Новокиевка Каланчакского р-на Херсонской обл. при исследовании кургана срубной культуры (курган № 2) было открыто впускное скифское захоронение, совершенное в яме почти правильной квадратной формы, углы которой расположены по сторонам света. Длина каждой из сторон ямы около 2,5 м, глубина 1,6 м от поверхности курганный насыпи.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, на сплетенной из прутьев циновке, под которой в свою очередь прослежены довольно широкие (до 0,1 м) поперечные деревянные плахи. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Слева от погребенного выявлены кости животного — остатки паутственной пищи (рис. 1).

У кисти левой руки обнаружено 37 наконечников стрел, из них 35 брон-

зовых трехлопастных. Последние подразделяются на несколько типов. Так, 27 наконечников — базисные (рис. 2, 1—27). Среди них преобладают довольно массивные экземпляры длиной 2,6—3,2 см и шириной основания 1,0—1,5 см. Три наконечника имеют перо листовидной формы и слабо выступающую втулку с шипом. Еще у трех таких же шипы на втулке отсутствуют. Длина наконечников этого типа 3—3,3 см, наибольшая ширина пера 1—1,2 см (рис. 2, 28—33). Два бронзовых наконечника длиной 3,4 см и шириной основания 1 см (рис. 2, 34—35) имеют треугольную в плане форму и косо срезанные лопасти. Кроме бронзовых в погребении найден один целый костяной наконечник, круглый в сечении (длина 2,5 см, диаметр основания 0,5 см), и небольшой фрагмент второго такого же наконечника (рис. 2, 36, 37).

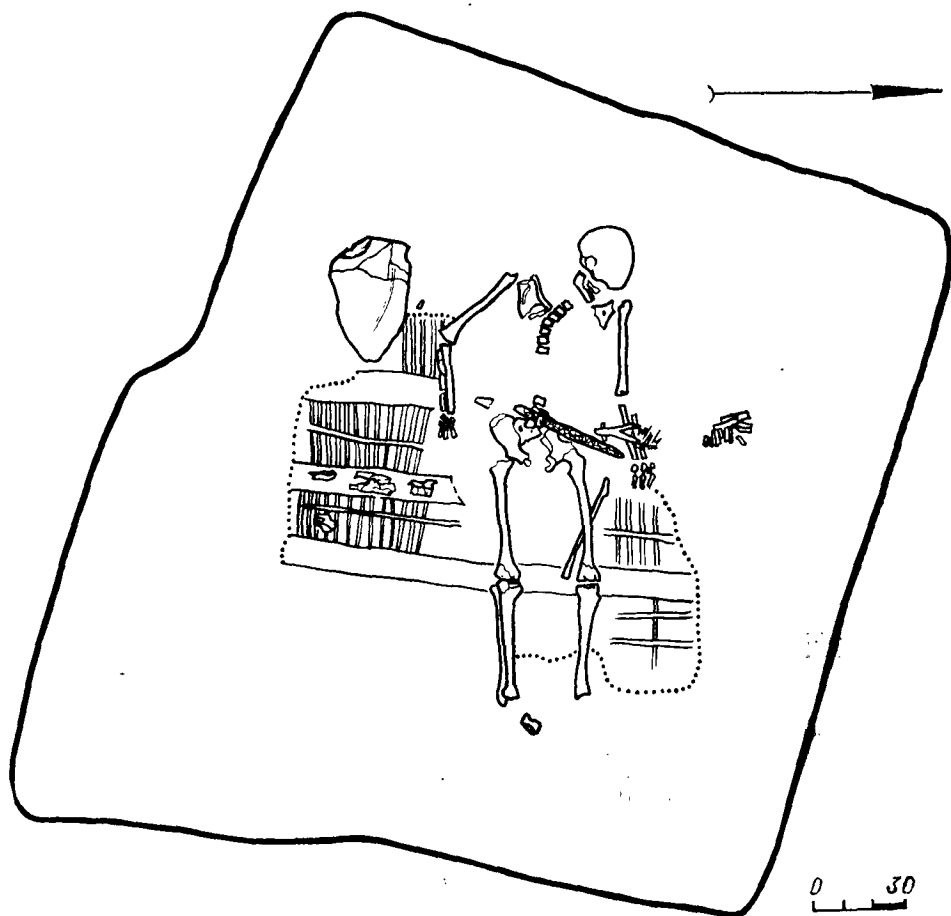

Рис. 1. План погребения у с. Новокиевка.

У пояса погребенного находился короткий железный меч с антенным навершием, волути которого довольно сильно загнуты вовнутрь, и сегментовидным перекрестьем (рис. 2, 38). Общая длина меча 42,5 см, в том числе клинка — 29 см. Рукоять и клинок выкованы из одной полоски металла. Ширина их одинакова — около 3 см. В верхней части рукояти сделан неглубокий продольный паз, в котором закреплено навершие. Перекрестье состоит из двух одинаковой формы пластин, наложенных на клинок меча с обеих сторон и соединенных между собой

клинком методом кузнечной сварки. В результате коррозии сварочные швы разошлись и описанный выше прием изготовления перекрестия, известный нам по многим другим экземплярам скифских мечей и кинжалов¹, прослеживается вполне четко. Рядом с мечом найден небольшой обломок железного ножа, ширина лезвия которого около 2 см (рис. 2, 40).

Возле ног погребенного обнаружен изготовленный из розоватого песчаника оселок. Он имеет вытянутую трапециевидную форму и отличается необычно большими размерами — длина 22,5, ши-

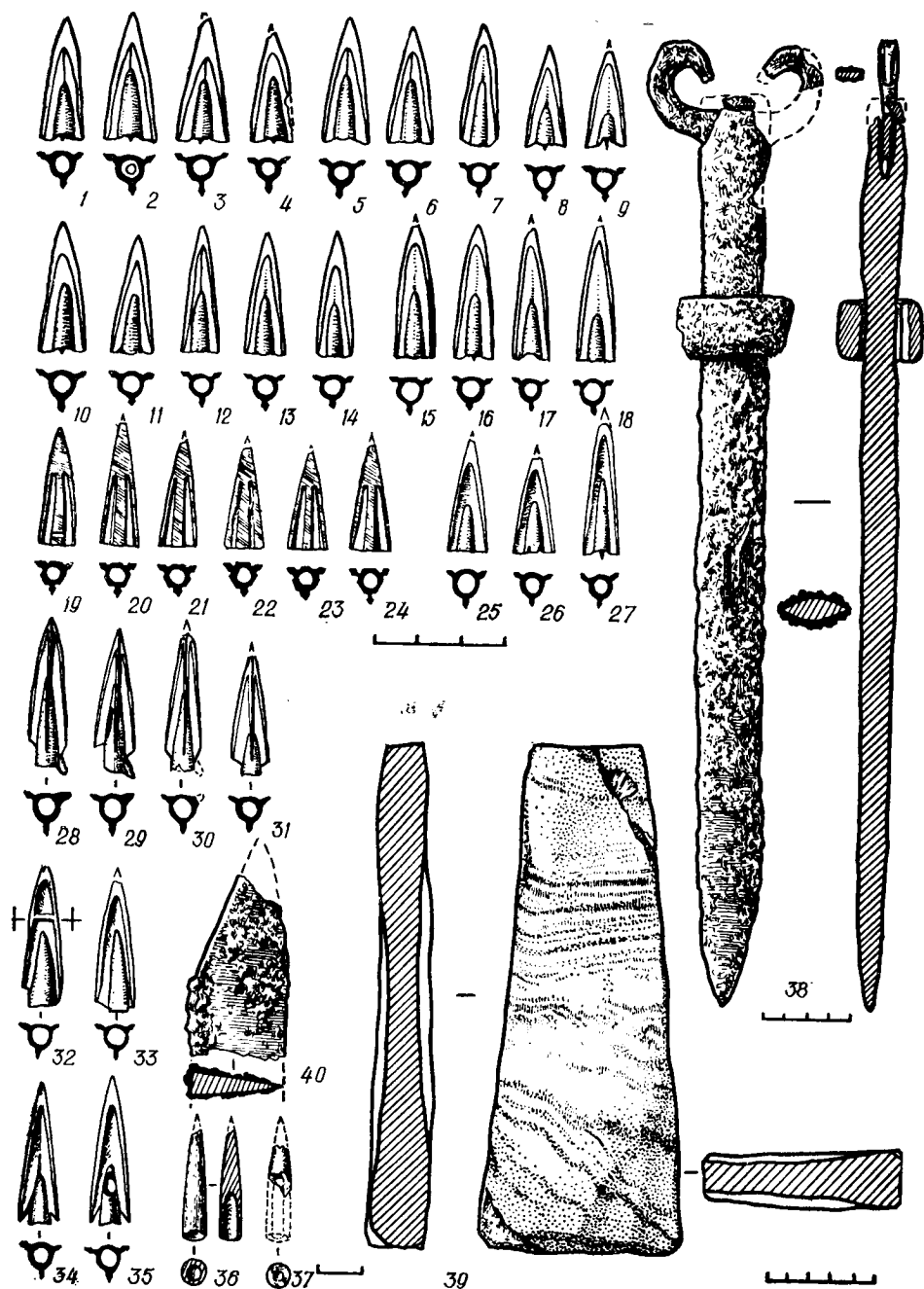

Рис. 2. Инвентарь погребения у с. Новокиевка:

1—37 — наконечники стрел; 38 — меч; 39 — оселок; 40 — обломок ножа.

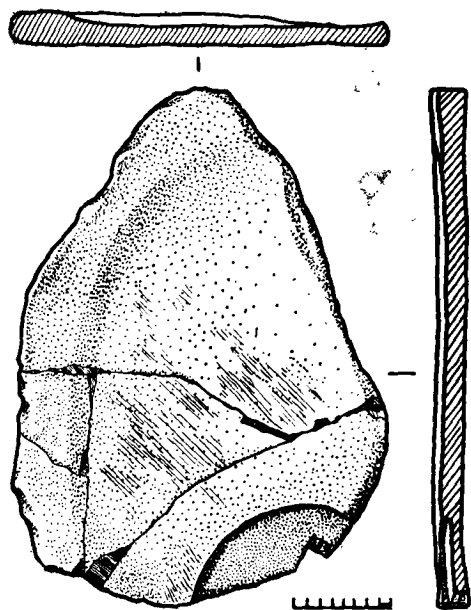

Рис. 3. Песчаниковая плита для растирания краски.

рина в верхней части 6,5, в нижней 10,5, толщина 2—3 см. Рабочие поверхности оселка заметно сточены (рис. 2, 39).

Справа от головы погребенного находилась краскотерка в виде плитки из желтого песчаника с неровными краями (рис. 3). Форма ее приближается к треугольнику, основание которого равно 26, длина сторон около 40, толщина 2—2,5 см. Верхняя поверхность ее сглажена, в центре различима вогнутость — результат сработанности. Рядом с плиткой найден небольшой комоч красной краски.

Особое внимание в составе комплекса привлекает железный меч с антенным завершием и сегментовидным перекрестьем. Кинжалы и мечи такого типа встречаются довольно редко. В сводке А. И. Мелюковой учтено всего лишь пять экземпляров из случайных находок в Среднем Поднепровье. Это мечи из сел Волковцы, Староселье, Гамарня и два меча из бывшего Роменского уез-

да (рис. 4, 1—3)². При этом А. И. Мелюкова отмечала, что данными для датировки мечей этого типа она не располагает³. Несколько позднее И. Фодор по ряду косвенных признаков отнес меч из с. Гамарня к V в. до н. э., а кинжал из с. Волковцы — ко второй половине IV в. до н. э.⁴

Ясность в вопрос о датировке мечей с антенным завершием и сегментовидным перекрестьем внесли материалы из погребения № 8 могильника у с. Золотое на Керченском полуострове. Обнаруженный здесь кинжал (рис. 4, 4) датируется вместе с найденными наконечниками стрел V в. до н. э.⁵

Вполне соответствуют этой дате и публикуемые нами материалы. Описанный выше колчаный набор относится, вне всякого сомнения, именно к V в. до н. э. Более того, значительная доля в составе набора массивных базисных наконечников, наиболее распространенных в конце VI — первой половине V в. до н. э.⁶, позволяет говорить о середине V в. до н. э. как о наиболее вероятной дате погребения у с. Новокиевка. Таким образом, время существования аканавов с антенным завершием и сегментовидным перекрестьем можно считать точно установленным V в. до н. э.

Касаясь вопроса о скифских мечах с сегментовидным перекрестьем, нельзя не упомянуть точку зрения Б. А. Шрамко, согласно которой такие мечи являются характерной особенностью материальной культуры Лесостепной Скифии⁷. Мы считаем ее неверной. И дело не только в сравнительно недавних находках этих мечей на Керченском п-ове и в публикуемом нами погребении у с. Новокиевка, которые подтверждают существование этого типа мечей и в среде степных скифов. Гораздо важнее то, что ареал распространения мечей с сегментовидным перекрестьем намного шире территории Скифии. Чтобы подтвердить это, достаточно привести данные об удаленных друг от друга на тысячи километров находках мечей с

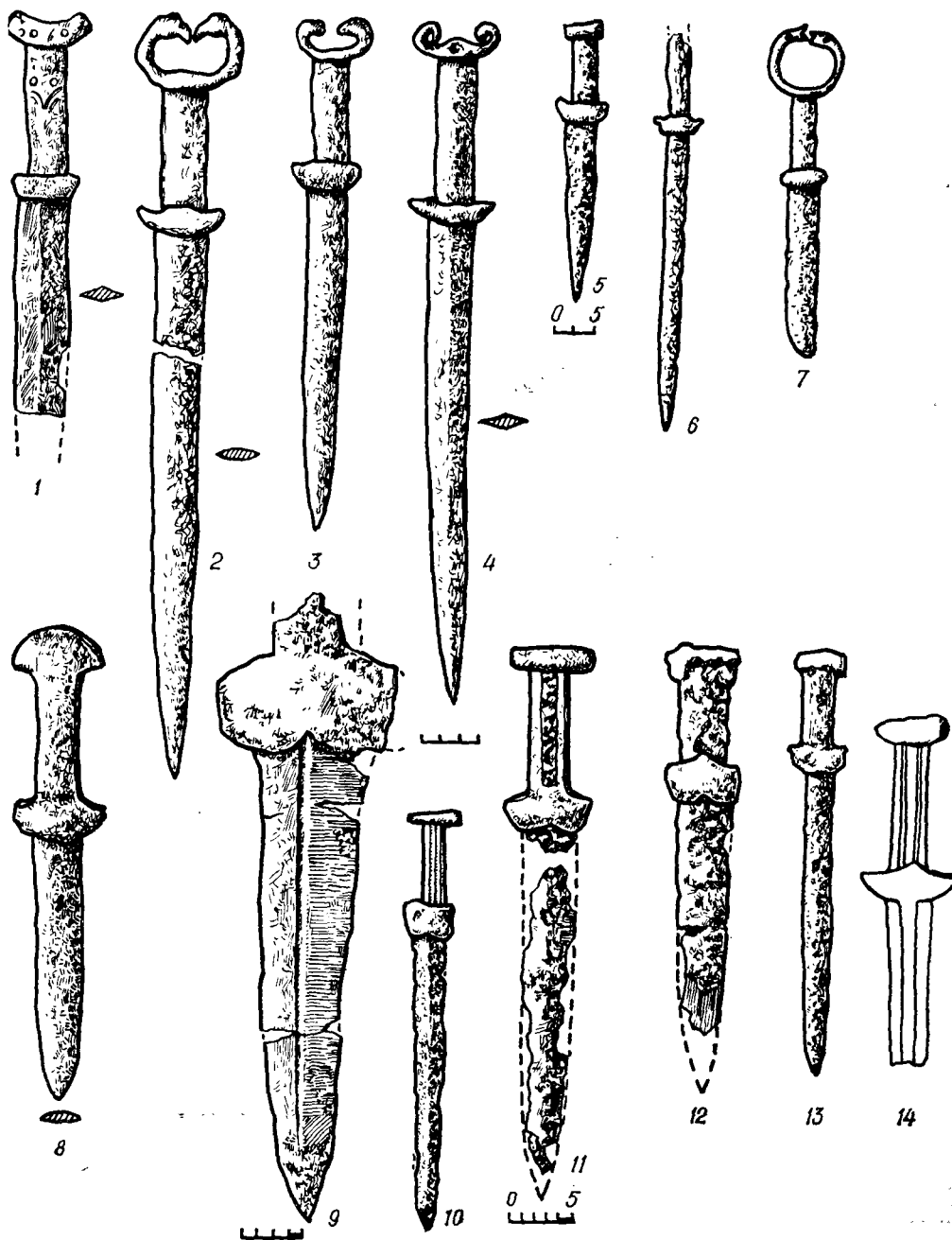

Рис. 4. Мечи и кинжалы с сегментовидным и бабочковидным перекрестьями.

1 — Волковцы; 2 — Гамарня; 3 — Роменский уезд; 4 — Керченский полуостров; 5 — Венгрия; 6 — Трансильвания; 7 — Гэичены; 8 — Тегермансу; 9 — Старшая Могила; 10 — Феридже; 11—13 — Тли; 14 — Исыньский клад.

сегментовидным перекрестьем в Средней Европе и сакских памятниках Средней Азии. Так, среди средневропейских материалов к числу интересных нас мечей относятся экземпляры из Венгрии, Трансильвании⁸, с. Гэичены в Румынии⁹ (рис. 4, 5—7). В Средней Азии к этому типу мечей относится меч из кургана 9А могильника Тегермансу I на Памире (рис. 4, 8)¹⁰, т. е. район распространения акинаков с сегментовидным перекрестьем совпадает с территорией распространения мечей скифского типа. И это не случайно.

На примере мечей с прямоугольным перекрестьем мы уже говорили о формировании на основе широко распространенных в скифское время бабочковидных, почковидных, сердцевидных и других перекрестий их упрощенных вариантов¹¹. К их числу мы относим и сегментовидные перекрестья. Действительно, в период скифской архаики, в VII—VI вв. до н. э., существовала достаточно многочисленная группа мечей, имеющих перекрестья с прямым верхним и округленным нижним краями (так называемые бабочковидные). Эти перекрестья отличаются от сегментовидных лишь наличием небольшого выреза в нижней части и в некоторых случаях невысокого выступа вверх. Они имеются на знаменитых мечах из Мельгуновского и Келермесского курганов¹². В Северном Причерноморье перекрестия близкой формы зафиксированы на коротком мече из Старшей Могины (рис. 4, 9) и на кинжале из кургана № 485 у с. Плавиницы¹³. Известны они и в Средней Европе — мечи из Феридже (рис. 4, 10), Куртеа де Арджеш и др.¹⁴ Мечи и кинжалы с такими перекрестьями широко представлены в памятниках Закавказья, например в Тлийском (рис. 4, 11, 12) и Самтаврском могильниках¹⁵. В Средней Азии к интересующему нас типу относится бронзовый меч из Иссыкского клада (рис. 4, 14)¹⁶ и кинжал из кургана № 26 могильника Уйгарак¹⁷.

Очевидно, именно на основе этих бабочковидных перекрестий с прямым верхним и округленным нижним краями и возникает тип сегментовидного перекрестья. Этот процесс достаточно хорошо прослеживается на материалах Тлийского могильника, где наряду с мечами, перекрестья которых имеют четко выраженную бабочковидную форму, встречаются мечи и с более аморфными, расплывчатыми перекрестьями (рис. 4, 13), занимающими промежуточное положение между бабочковидными и сегментовидными¹⁸. К числу таких перекрестий промежуточной формы следует отнести и перекрестье одного из мечей, найденных в Нижне-Чегемском могильнике на Северном Кавказе¹⁹.

В заключение кратко остановимся на общей характеристике инвентаря из кургана № 2 у с. Новокиевка. В первую очередь обращает внимание его необычный состав — в одном погребальном комплексе встречаются вроде бы несоместимые предметы: колчаный набор, меч, оселок и краскотерка с комком краски. По данным Е. П. Бунятян, одним из признаков чисто мужского погребения является наличие в нем оселка²⁰. Типично мужской принадлежностью у скифов был и меч. Как сообщила Е. П. Бунятян, всего лишь в одном женском захоронении встречен этот вид оружия ближнего боя. Вместе с тем комки краски в захоронении являются определенным свидетельством в пользу принадлежности захоронения женщине²¹, что подтверждает и найденная в погребении краскотерка. Таким образом, определить пол погребенного у с. Новокиевка чисто археологическим методом — по составу инвентаря, не представляется возможным. Не помогли в данном случае и антропологические исследования. По определению С. И. Крutz, обнаруженный в погребении череп принадлежал индивиду в возрасте 40—50 лет. Пол погребенного достоверно определить не удалось. Учи-

тывая возраст, можно все же предположить, что здесь был захоронен мужчина (по наблюдениям В. А. Ильинской, оружие в женских захоронениях встречается лишь при погребении молодых женщин)²².

Набор оружия и принадлежности для растирания краски (каменные плитки и ладьевидные блюда) встречены не только в кургане у с. Новокиевка. Подобное сочетание зафиксировано, например, в ряде курганов Лесостепного Поднепровья — № 38 у с. Гуляй-Город, № 524 у с. Жаботин, № 406 и 407 у с. Журовка и др.²³ Однако в этом случае мы имеем дело, как свидетельствуют находки двух скелетов в кургане № 38 у с. Гуляй-Город и № 407 у с. Журовка, с инвентарем парных (мужских и женских) захоронений. Поэтому для нас важнее индивидуальное, как и у с. Новокиевка, захоронение в кургане № 71 могильника Широкое II²⁴, где встречены типичные для женских захоронений бусы вместе с деталями конской узды — характерной особенностью мужских погребений²⁵. Необычный инвентарь захоронений у сел Новокиевка и Широкого невольно заставляет вспомнить рассказ Геродота о существовании у скифов особой группы энареев²⁶. По мнению многих исследователей, скифские энареи были представителями жреческой прослойки; для них было характерно изменение своей внешности, манер поведения, «превращение» в женщин²⁷. Возможно, последнее обстоятельство и объясняет присутствие в захоронении у с. Новокиевка краскотерки, а в кургане группы Широкого II — бус. Впрочем, для четких выводов данных еще явно недостаточно. Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо выявить и тщательно изучить все погребальные комплексы, инвентарь которых носит столь необычный характер.

¹ Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О. Техніка виготовлення скіфської насту-

пальної зброї із заліза й сталі.— Археологія, 1970, вип. 23, с. 41—50.

² Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, Д1-4, 1966, с. 55, табл. 20, рис. 3, 13.

³ Там же, с. 55.

⁴ Фодор И. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестием.— СА, 1969, № 3, с. 253.

⁵ Корпусова В. М., Орлов Р. С. Могильник VI—IV ст. до н. е. на Керченском п-овострове.— Археологія, 1978, вип. 28, с. 72—73, рис. 4, 15.

⁶ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 21.

⁷ Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии.— МИА, 1977, № 177, с. 95.

⁸ Фодор И. Указ. соч., рис. 1; 3, 5.

⁹ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979, рис. 33, 25.

¹⁰ Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира».— М., 1972, с. 117, табл. 40, 5.

¹¹ Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 58.

¹² Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 13, 19.

¹³ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— Киев, 1968, табл. I, 6; XLIX, 9.

¹⁴ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, рис. 33, 3, 9.

¹⁵ Тетов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ.— М., 1980, рис. 4, 7; 7, 3; 12, 2 и др.; Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— Вестник Государственного музея Грузии, 1957, т. XIX—A и XXI—B, рис. 12 (на груз. яз.).

¹⁶ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или.— Алма-Ата, 1963, рис. 85.

¹⁷ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— М., 1973, табл. VIII, 6.

¹⁸ Тетов Б. В. Указ. соч., рис. 2, 2; 5, 1; 14, I.

¹⁹ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время.— Грозный, 1972, рис. 28, 2.

²⁰ Буянтян Е. П. Рядовое население Степной Скифии IV—III вв. до н. э. (опыт применения формализованно-статистического анализа социальной структуры по данным могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981, с. 15.

²¹ Там же.

²² Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.—СА, 1966, № 3, с. 170.

²³ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.—Киев, 1975, с. 14, 20, 22—25.

²⁴ Черненко Е. В., Бунятян Е. П. Курганный группа Широкое П.—В кн.: Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 92.

²⁵ Бунятян Е. П. Указ. соч., с. 15.

²⁶ Геродот. История, I, 105; IV, 67 / Пер. Г. А. Страпановского. М., 1972, с. 45, 203.

²⁷ Halliday W. R. A Note on the $\theta\zeta\lambda\epsilon\alpha$ νοσος of the Scythians.—In: The Annual of the British School at Athens, N 27, session, 1910—1911. London, p. 95—102; Толстов С. П. Древний Хорезм.—М., 1948, с. 324—325; Рассудова Р. Я. Скифские эпареи — среднеазиатские ходжа.—В кн.: Тез. докл. всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979, с. 101.

С. А. Скорый

ДОСПЕХ СКИФСКОГО ТИПА В СРЕДНЕЙ ЕВРОПЕ

Доспех скифского типа в Средней Европе по сравнению с Северным Причерноморьем представлен крайне незначительно. Это в полной мере относится как к количественной, так и к видовой характеристике. Намного меньше его и по сравнению с наступательным вооружением скифского типа, известным в указанном регионе. Археологические свидетельства бытования панцирей и щитов. Есть основания говорить и об использовании шлемов скифского типа.

В настоящее время мы располагаем сведениями о 17 находках доспеха из 13 пунктов и серии произведений торевтики с его изображениями (рис. 1). Специальному изучению этот ограниченный круг памятников не подвергался, хотя есть упоминания как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Так, в своих работах А. Фуртвенглер, М. Соколовский, Э. Миниз касаются определения некоторых золотых предметов, найденных в Виташкове (Феттерсфельде), как принадлежностей доспеха — щита и панциря¹. Как нащитные бляхи интерпретировал «коленей» из Тапиосентмартона и Зельдхаломпусты Н. Феттих², его поддержал Г. Чайлд³.

Остатки пластинчатого доспеха, обнаруженные во Фракии, опубликованы и интерпретированы Цв. Дремсизовой⁴ и Л. Огненовой⁵. В последние годы довольно обстоятельно описаны виташ-

ковские находки⁶. Из специальных работ следует назвать небольшую статью А. Рита, посвященную скифским щитам с золотыми украшениями⁷. Но, безусловно, наибольшее внимание уделял находкам доспеха скифского типа в Средней Европе М. Пардуц. Им издана большая часть остатков панцирей, найденных на территории Венгрии, составлена сводка и дана краткая характеристика доспеха из Карпатского бассейна⁸.

Из отечественных исследователей вопрос о доспехе скифского типа в Средней Европе рассматривался в работах А. И. Мелюковой⁹, А. П. Мащевич¹⁰ и Е. В. Черненко¹¹. А. И. Мелюкова и Е. В. Черненко подчеркивают малочисленность этого вида оружия на западе, отмечают его большую близость с северопричерноморскими. В монографии Е. В. Черненко приведены краткие сведения о находках доспеха в указанном регионе, сделан ряд интересных наблюдений.

Панцири. I. Панцири с чешуйчатым набором.

На территории Средней Европы обнаружены остатки восьми панцирей из пяти пунктов (3 — из Венгрии, 3 — Чехословакии, 2 — Румынии). Помимо этого мы располагаем изображениями чешуйчатых панцирей скифского типа, известных во фракийских памятниках Болгарии и Румынии. Приведем перечень находок.

Рис. 1. Схема распространения доспеха скифского типа и произведений искусства с его изображениями на территории Средней Европы:

1. Артанд, область Хайду-Бихар, Восточная Венгрия. Случайная находка 1953 г. Остатки панциря (450 бронзовых и 240—250 железных пластинок) найдены в погребении конца VI — начала V в. до н. э.¹² (рис. 2, 1; 3).

2. Симерия (Пишки), район Хунедоара, Румыния. Случайные раскопки 1901 г. Бронзовая панцирная чешуйка найдена в погребении № 3 (первая по-

ловина — середина VI в. до н. э.)¹³ (рис. 2, 2).

3. Тарнабод, область Хевеш, Северная Венгрия. Раскопки 1966 г. Остатки панциря обнаружены в разрушенном погребении VI—V вв. до н. э. (могила № 1). Они представлены 123 целыми и 400 фрагментированными железными и 11 бронзовыми чешуйками¹⁴ (рис. 2, 3).

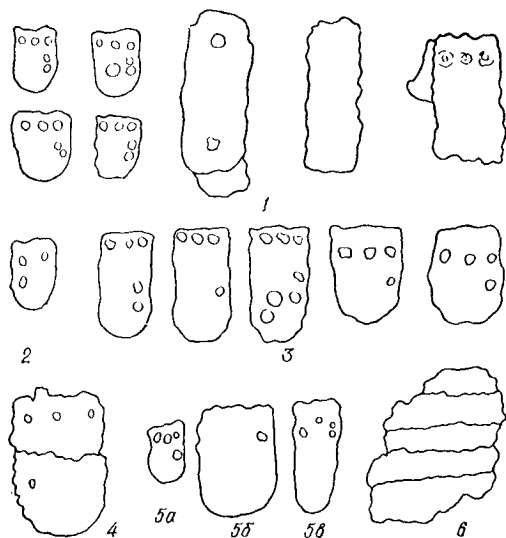

Рис. 2. Фрагменты чешуйчатых панцирей:
1 — Артауд; 2 — Симерия; 3 — Тарнабод; 4 — Тёрёксентмиклош-Шурьян; 5 (а-с) — Хотин; 6 — Гурбанешти.

4. Тёрёксентмиклош-Шурьян, Центральная Венгрия. Раскопки 60-х годов. Три панцирных пластинки (одна бронзовая, две железных) найдены в могиле № 90 (середина VI в. до н. э.¹⁵) (рис. 2, 4).

5. Хотин, район Комарно, Юго-Западная Словакия. Раскопки 50-х годов.

Две бронзовые панцирные чешуйки найдены в могиле № 86-А (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) (рис. 2, 5а).

Три железные панцирные чешуйки обнаружены в могиле № 124-А (вторая половина VI — первая половины V в. до н. э.). Одна из пластин сохранилась полностью, две другие фрагментированы (рис. 2, 5б).

Бронзовая панцирная чешуйка найдена в могиле № 179-А (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.)¹⁶ (рис. 2, 5в).

Из приведенных данных видно, что чешуйчатые панцири, найденные в Средней Европе, имели набор из железа и бронзы, и опровергают известное

мнение о том, что защитное вооружение подобного рода выполнено только из железа¹⁷. Как бронзовые, так и железные чешуйки в основном у всех образцов однотипны. Это пластинки с прямоугольным верхним краем и округлым нижним. Отличаются они размером и количеством отверстий для крепления на основе. Размеры артаудских пластин: бронзовые — длина 2,4—1,9, ширина 1,7—1,4 см; железные — соответственно 2,25—2,1 и 1,95—1,6 см. У тех и других одинаковое количество отверстий — пять (три сверху, два сбоку).

Чешуйки из Тёрёксентмиклош-Шурьяна имели столько же отверстий, но сами они больших размеров (размер железной чешуйки 3,9×2,6 см). Размеры тарнабодских чешуек: бронзовые — длина 2,7—2,6, ширина 1,5—1,2 см (они уже и длиннее артаудских), железные — соответственно 2,5—2 и 2,1—1,7 см. Причем, если железные чешуйки имеют по четыре отверстия (три сверху, одно сбоку), то бронзовые (целые): две пластинки — по четыре отверстия, остальные — по пять. Видимо, это объясняется использованием их в различных местах панцирного набора.

Близки по форме тарнабодским бронзовым пластинкам такие же пластинки из хотинского могильника: одна из них примерно таких же размеров (3×1,3—1,1 см), а вторая значительно меньше (длина 1,5—1,2, ширина 1 см). Отверстия на большей пластинке сделаны крайне небрежно. Железные чешуйки из названного пункта отличаются большими размерами (3×2,1 см). Сохранность их очень плохая, что не позволяет судить о количестве отверстий в чешуйках.

Бронзовая пластинка из Симерии по внешнему виду и размерам (1,77×1,12 см) напоминает одну из бронзовых чешуек, найденных в хотинском могильнике, но имеет меньше отверстий (три), чем и отличается от других известных экземпляров.

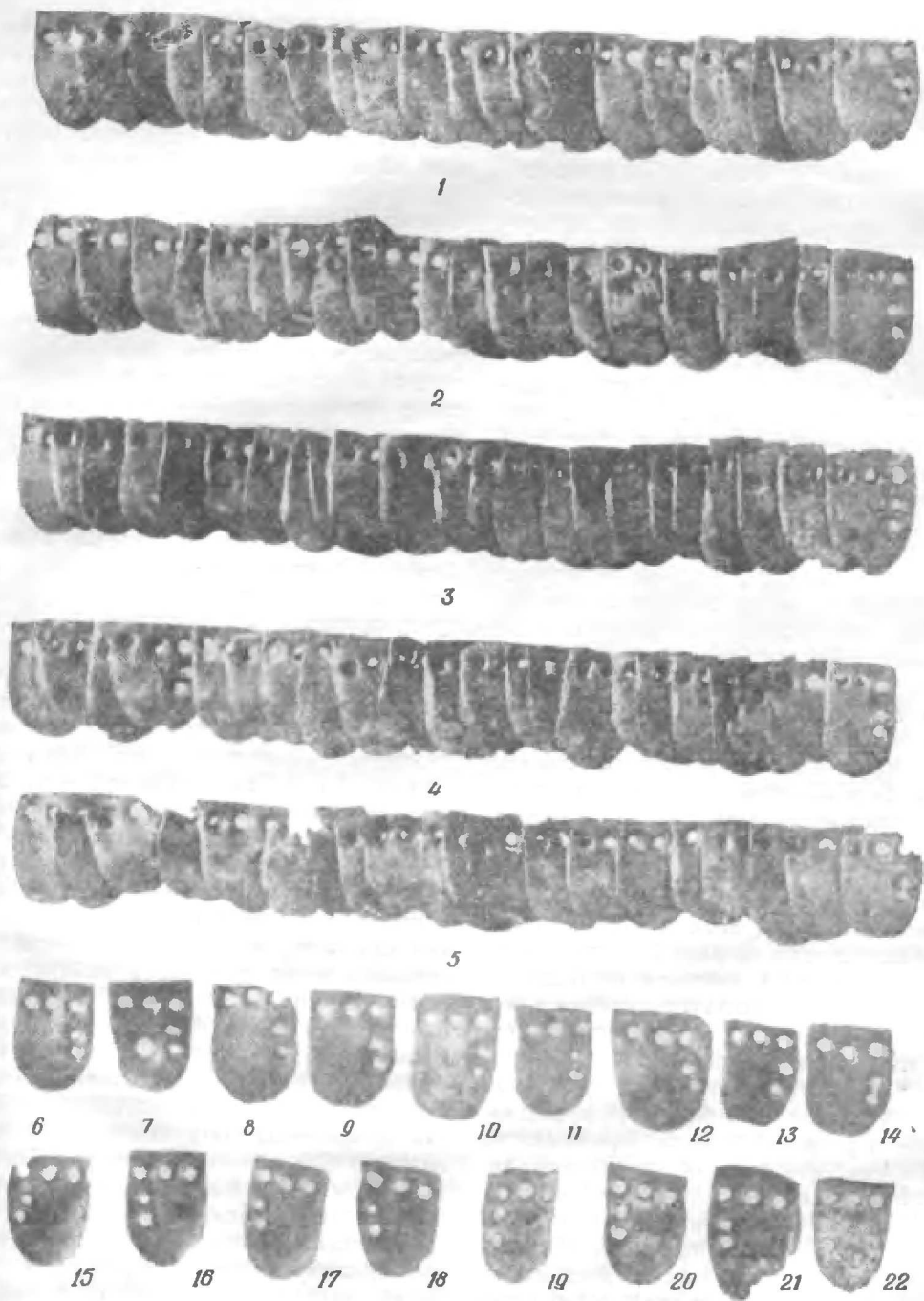

Рис. 3. Бронзовые чешуйки пауциря из Артанда.

Арта́ндский и тарпа́бодский панцири сближает наличие в наборе пластин, имеющих в центре дополнительные отверстия (в Арта́нде одна из пластин — одно отверстие, в Тарпа́бде также одна пластина — два). Е. В. Черненко полагает, что посредством таких отверстий к панцирю прикреплялись украшения¹⁸. Вероятно, он прав, так как наличие отверстий в центре пластин нельзя объяснить конструктивными особенностями панцирей.

В Арта́нде помимо небольших бронзовых и железных чешуек были найдены сравнительно большие железные пластины в виде вытянутого овала размером $3,1 \times 2,1$ см и прямоугольные (фрагментированы, ширина 1,96, 1,88, 1,64 см), которые М. Пардуц справедливо рассматривает как пластины нижней части панциря. Описывая арта́ндский доспех, он пришел к логичному выводу, что железные и бронзовые пластины составляли различные части панциря¹⁹. Подобного мнения придерживается и Е. В. Черненко²⁰.

Детали арта́ндского панциря свидетельствуют о левосторонней системе набора. Тарпа́бодский же доспех имел лево- и правосторонний набор, что является большой редкостью²¹.

Арта́ндский панцирь находился в бронзовом котле и, безусловно, сохранился полностью, хотя и утратил свою первоначальную форму. В пользу того, что погребение с доспехом не было ограблено, свидетельствует наличие в нем помимо бронзового гальштатского котла дорогостоящей пелопонесской гидрии²². Это обстоятельство позволяет получить хотя бы примерное представление о размерах набора. Принимая во внимание, что каждая панцирная чешуйка обычно перекрывалась соседними сбоку и сверху на $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ поверхности²³, можно определить, какая площадь пластинки приходилась на основу панциря, а зная количество пластинок, нетрудно вычислить площадь панцирного набора. Возьмем средние

размеры бронзовых и железных пластин $2,1 \times 1,5$ и $2,1 \times 1,8$ см. При условии, что пластины перекрывали друг друга на $\frac{1}{3}$ (минимальное перекрытие в панцирном наборе), получаем среднюю площадь бронзовой чешуйки, приходящейся на основу панциря, равной $1,4 \text{ см}^2$, железной — в среднем $1,68 \text{ см}^2$. Площадь набора из бронзовых пластин таким образом равна примерно 650 см^2 , железных — 420 см^2 . Следовательно, общая площадь панцирного набора составляла чуть больше 1000 см^2 . Эти данные подтверждают, что доспех имел набор только с одной стороны, видимо, спереди, в то время как спинная часть металлическими пластинками защищена не была. Судя по тому, что среди чешуек отсутствовали металлические детали, характерные для рукавов наборных панцирей, можно говорить о том, что арта́ндский доспех не имел рукавов, покрытых металлом. М. Пардуц считал, что большие пластины являлись деталями низа панциря. Аналогичные пластины зафиксированы на этом участке доспеха среди находок в Северном Причерноморье²⁴. Примечательно, что две из арта́ндских пластин сохранились скрепленными с маленькими железными чешуйками набора²⁵. Если принять во внимание этот факт, а также вывод М. Пардуца и Е. В. Черненко о том, что железные и бронзовые пластинки арта́ндского панциря составляли отдельные части набора, логично предположить, что железные пластинки образовывали нижнюю часть доспеха, а бронзовые — верхнюю. На основании этого можно считать, что арта́ндский панцирь представлял собой так называемый нагрудник. Такой тип панциря был известен у скифов Северного Причерноморья, однако не получил широкого распространения²⁶.

Остатками чешуйчатого панциря, очевидно, следует считать фрагменты доспеха, найденного в 1933 г. в разрушенном погребении IV—III вв. до н. э. у с. Гурбанешти Бухарестской обл.

Рис. 4. Изображение воина на пластине из Летницы.

(рис. 2, 6). Д. В. Росетти не определяя, какому именно доспеху принадлежат обнаруженные фрагменты, описав их как «куски доспеха в виде железных пластинок»²⁷. Позже Е. В. Черненко интерпретировал их как остатки панциря²⁸, а А. И. Мелюкова считает, что фрагменты из Гурбэнешт могут быть и остатками щита²⁹. Однако мы полагаем, что скорее прав Е. В. Черненко, поскольку пластинчатые наборные щиты имели, как правило, специфическое крепление пластин с помощью металлических скоб-колец, чего мы не видим на гурбэнештской находке.

Важным источником для изучения пластинчатого доспеха скифского типа, бытовавшего в Средней Европе, в частности на территории Фракии, являются

его изображения на ряде предметов торевтики, найденных в памятниках Румынии и Болгарии. Несмотря на определенную условность изображений, они дают общее представление о внешнем виде этого вооружения. Так, на ряде серебряных пластин (возможно, украшений конского убора), обнаруженных в составеклада середины IV в. до н. э. у с. Летница в Болгарии, показаны конные воины, одетые в прямые чешуйчатые панцири с коротким рукавом³⁰ (рис. 4). Подобный тип панциря изображен и на воинах, представленных на шлеме из Коцофенешти в Румынии (IV в. до н. э.) (рис. 5, 1)³¹. Заметим, что коцофенештские изображения более реалистичны и дают ряд деталей, трудно уловимых на пластинках из Летни-

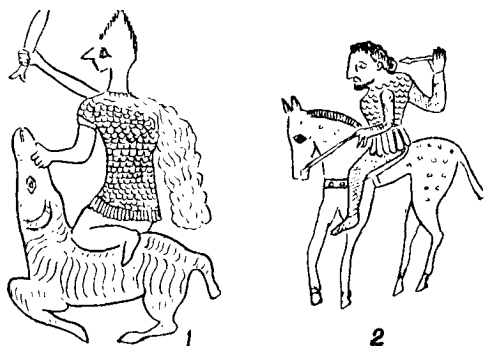

Рис. 5. Изображение воинов в чешуйчатых панцирях:

1 — Кочофенешти; 2 — Аджигоиол.

цы. Так, очень четко просматривается отделка нижней части панциря прямыми продолговатыми пластинами (подол панциря). Изображения на шлеме из Аджигоиола (Румыния, IV в. до н. э.)³² дают несколько иной тип чешуйчатого доспеха — своеобразную безрукавку с металлическим набором, украшенную внизу фестончатой юбкой-птериксом (рис. 5, 2).

II. Кожаные панцири, усиленные металлическими пластинами.

В пользу возможного наличия на территории Средней Европы панцирей

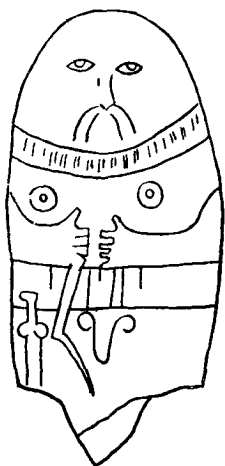

Рис. 6. Стела из Сибюары.

данного типа свидетельствует случайная находка каменного изваяния из Сибюар (Румыния, Добруджа, VI—V вв. до н. э.)³³ (рис. 6). Помимо различных воинских аксессуаров у него в области груди изображены два concentрических круга, которые В. Канарак интерпретировал как женские грудные железы³⁴. Мы считаем, что это не так. На территории Северного Причерноморья известны скифские изваяния с подобными изображениями (Ольховчик, Терновка), которые в советской археологической литературе рассматриваются как металлические пластины, прикрепленные к кожаному панцирю. Впервые эту точку зрения высказал А. К. Тахтай³⁵. Ее поддержал и развил Е. В. Черненко, указавший на археологическое подтверждение бытования этого типа панциря в Скифии (копические бляшки из кургана № 493 у с. Ильинцы, панцирь из мавзолея Неаполя Скифского)³⁶. М. В. Горелик выполнил графическую реконструкцию кожаного доспеха, изображенного на изваянии из с. Ольховчик³⁷. Аналогичный вид имел и доспех, показанный на сибюарской стеле, т. е. представлял собой кожаную куртку, усиленную в нагрудной части металлическими сферо-коническими пластинами.

По всей видимости, к панцирю относится и золотая штампованная бляха, случайно обнаруженная в 1882 г. в составе комплекса вещей скифского типа в Виташково (рубеж VI—V вв. до н. э.)³⁸ (рис. 7). Бляха размером 170 × 170 мм, вес 282,5 г представляет собой комбинацию из пяти кругов: четырех больших одного размера, тесно соприкасающихся друг с другом, и пятого маленького — в середине между ними. В центре каждого круга — рельефно выделенная малая окружность, украшенная по контуру орнаментом в виде насечки. Аналогичным образом оформлены и большие круги. Внутри малых окружностей расположились небольшие конические колпачки, крепящиеся к

бляхе посредством отверстия. Эти круги с колпачками весьма удачно называют имитацией щитов с умбонами³⁹. На больших щитах изображены в рельефе сцены из жизни животных. Каждый из щитов имеет по отверстию, с помощью которого крепится бляха. Нижние щиты бляхи повреждены: два равных сквозных отверстия разных размеров.

А. Фуртвенглер, опубликовавший виташковский комплекс, определил эту бляху как принадлежность конского убора (своеобразный фалар). Однако уже Э. Миннз высказался в пользу иного назначения предмета, считая, что это, скорее всего, нагрудная бляха⁴⁰. Не поддержал А. Фуртвенглера и М. Эберт, не дав, однако, точного функционального определения виташковской находки⁴¹. Недавно вновь было предложено рассматривать данную бляху как нагрудное украшение металлического или кожного панциря. Отмечают, что отверстия по краям виташковского изделия свидетельствуют в пользу его крепления на жесткой основе, и в этом плане сравнение виташковской бляхи с круглой панцирной бронзовой бляхой с лицом Медузы из IV Семибратнего кургана, имеющей такие же отверстия по краям для крепления на панцире, правомерно и удачно⁴². Определение виташковской бляхи как принадлежности панциря представляется нам верным, хотя мы и не имеем точных данных об использовании именно таких блях, а точнее — комбинаций блях на панцирях скифского типа. Однако подчеркнем, что, поскольку круглые бляхи входили в конструкцию как металлических, так и кожаных панцирей⁴³, комбинация из пяти таких блях на панцире была вполне возможна. Не удивляет и металл, из которого изготовлена виташковская бляха: хорошо известно, что панцири скифского типа украшались золотом⁴⁴. В связи с этим уместно вспомнить слова Э. Миннза о виташковской бляхе: «...такой предмет

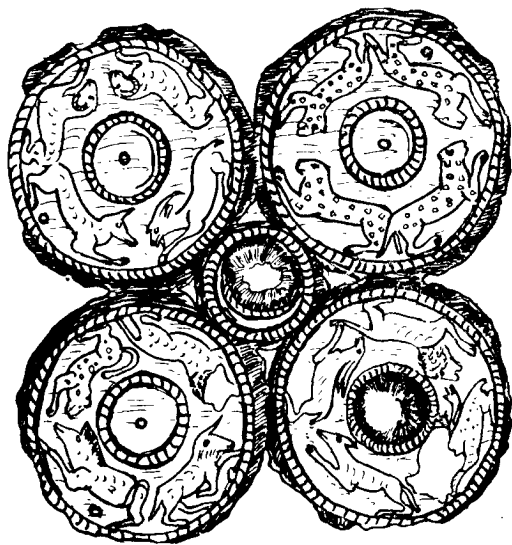

Рис. 7. Бляха из Виташково.

вполне соответствовал вкусам людей, которые покрывали себя золотыми пластинами различных размеров»⁴⁵.

К сожалению, мы не знаем, из какого материала был изготовлен сам виташковский панцирь. Решение этого вопроса затрудняют невыясненные условия находки и в связи с этим разнообразие точек зрения⁴⁶. Мы склонны полагать, что бляха была принадлежностью кожного панциря. Действительно, из истории доспеха известна традиция украшать (и одновременно усиливать) кожаные панцири металлическими круглыми бляхами⁴⁷. Заметим также, что по нескольким круглым металлическим бляхам, рассматриваемых как пластины кожного панциря, засвидетельствовано в погребениях скифского времени в Северном Причерноморье⁴⁸.

Щиты. В настоящее время на территории Средней Европы известны остатки восьми щитов скифского типа. Из них три (два — из Венгрии, один — из Польши) представлены нащитными бляхами, выполненными в виде оленя и рыбы. Остальные были найдены во фракийских памятниках Болгарии и

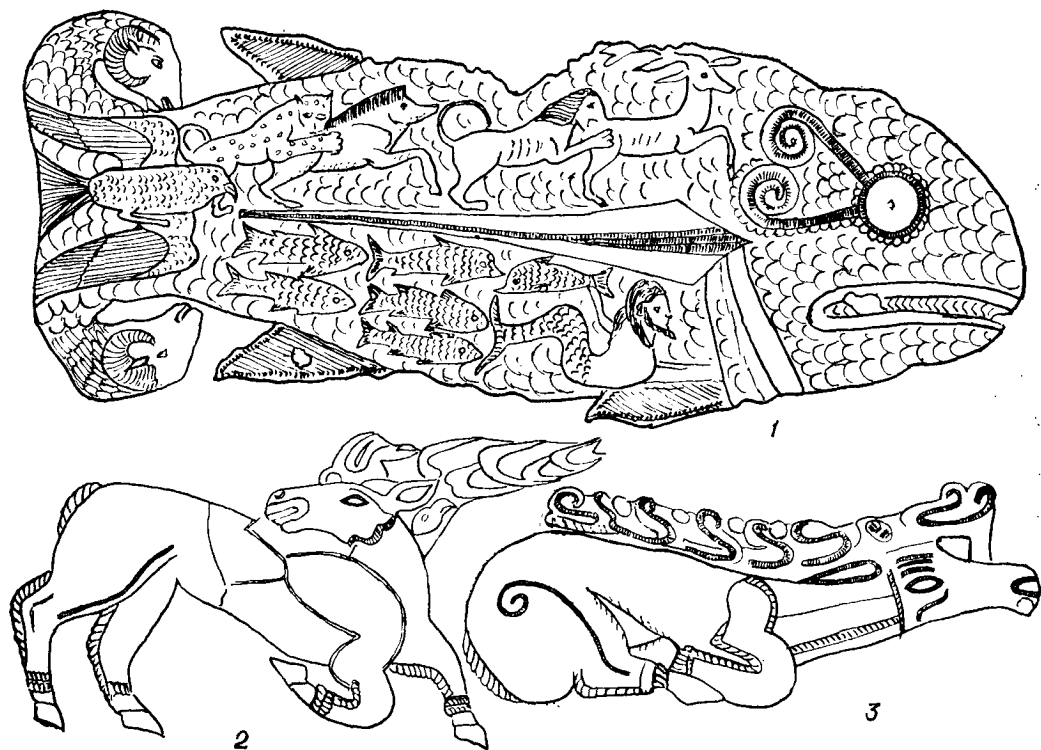

Рис. 8. Нащитные бляхи:
1 — Виташково; 2 — Зельдхаломпуста; 3 — Тапиосентмартон.

имели металлический пластинчатый набор.

1. Щиты, украшенные бляхами.

1. Виташково (Западная Польша). Золотая штампованная бляха размером 41×15 см, вес 608,5 г, выполнена в виде рыбы⁴⁹ (рис. 8, 1). Тело рыбы дополнительно украшено довольно реалистичными изображениями животных, рыб, птиц, сценами борьбы в зверином стиле. Хвост рыбы стилизован в виде бараньих голов. С обратной стороны бляха имела семь петель, сделанных из круглой миллиметровой золотой проволоки (сохранилось четыре петли). Первоначальное расположение петель следующее: три — сверху, три — снизу (в плавниках), одна — на голове.

Вопрос о функциональном назначе-

нии этого украшения длительное время дискутировался в археологической литературе. А. Фуртвенглер первым высказал мысль, что данная бляха — нащитное украшение. При этом автор ориентировался на известную нащитную бляху из Куль-Обы, имеющую подобную систему крепления⁵⁰. Его поддержал М. Соколовский⁵¹. Позже аналогичное мнение высказал Э. Минцз, привлекая в качестве аналогии нащитное украшение из Костромского кургана⁵². Однако Н. И. Веселовский считал, что находка из Феттерсфельде — украшение копского головного убора, подчеркивая, что ее размеры соответствуют размерам налобника из кургана Большая Цимбалка⁵³. Несмотря на столь шаткий аргумент, его мнение поддерживали М. И. Ростовцев и М. Эберт⁵⁴.

А. Рит также определял принадлежность виташковской «рыбы» к кругу указанных памятников⁵⁵. Наиболее убедительный аргумент в пользу нащитного использования виташковской бляхи привел З. Буковский. Он сравнивает ее с нащитным бронзовым украшением в виде рыбы, найденным с остатками щита с полосчатым металлическим покрытием из кургана у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине⁵⁶. Особого внимания заслуживает его заключение, что «рыба» содержит следы ржавчины с обратной стороны*, говорящие о креплении ее на жесткой металлической основе и, соответственно, свидетельствующие против ее использования в конском уборе. Таким образом, щит, на котором крепилась эта бляха, имел металлическое покрытие. В этом он сближается со щитами из кургана у ст-цы Костромской и Келермесского кургана. К сожалению, мы не знаем покрытия виташковского щита: была ли это сплошная пластина, как у костромского щита, или чешуйчатый набор, как у келермесского.

2. Зельдхаломпуста (Центральная Венгрия). Золотая штампованная бляха в виде оленя (длина 38 см, вес 409 г), опустившегося на правую переднюю ногу, с повернутой вправо головой, найдена в погребении V в. до н. э.⁵⁷ (рис. 8, 2). С обратной стороны — одиннадцать петель различных размеров, сделанных из прямоугольной в сечении проволоки. Петли равномерно расположены по краям бляхи.

3. Тапиосентмартон (Центральная Венгрия). Золотая штампованная бляха в виде лежащего оленя с поджатыми ногами (длина 22 см, вес 99,81 г) обнаружена в погребении VI в. до н. э.⁵⁸ (рис. 8, 3). С обратной стороны бляха имеет шесть петель (одна в поздрах, три на рогах, две на ногах), сделанных из прямоугольной в сечении проволоки.

* О наличии следов ржавчины на обратной стороне бляхи из Виташково сообщали нам кроме того Р. Ролле (ФРГ).

Н. Феттих, опубликовавший находки, совершенно правомерно обратился к южнорусским аналогиям — нащитным бляхам в виде оленей из Костромского кургана и Куль-Обы. Впрочем, он допускал и возможность использования блях для украшения горитов, но больше склонялся к тому, что это — эмблемы щитов⁵⁹. Впоследствии их трактовка как нащитных блях была общепризнана⁶⁰.

Отсутствие в погребениях в Тапиосентмартоне и Зельдхаломпуста рядом с бляхами каких-либо следов металла позволяет предположить, что они крепились к деревянным щитам. Это весьма интересно, поскольку нащитные бляхи из Келермесского и Костромского курганов были украшениями щитов с металлическим покрытием. А. Рит сообщает о том, что электролитические бляшки из зельдхаломпустского погребения служили дополнительным украшением щита⁶¹. Вряд ли это так. Скорее, они являлись украшением костюма.

Несколько слов о форме данных щитов. В свое время А. Фуртвенглер полагал, что феттерсфельдская «рыба», как и кульобский «олень», прикреплялась к щитам, по форме близким изображенным на кульобской вазе (т. е. продолговатой формы с округлыми углами). Однако находка металлического щита с бляхой-оленьем из кургана у ст-цы Костромской позволила Э. Миннзу усомниться в правильности мнения А. Фуртвенглера. Он предположил, что щит из Феттерсфельда по аналогии с костромским щитом имел круглую форму⁶². Очевидно, что вполне верное предположение в равной степени относится и к изделиям из Тапиосентмартона и Зельдхаломпуста, весьма близким как типологически, так и хронологически бляхе костромского щита.

II. Щиты с полосчатым металлическим покрытием.

Данный вид доспеха имел деревянную основу, покрытую железными пластинами.

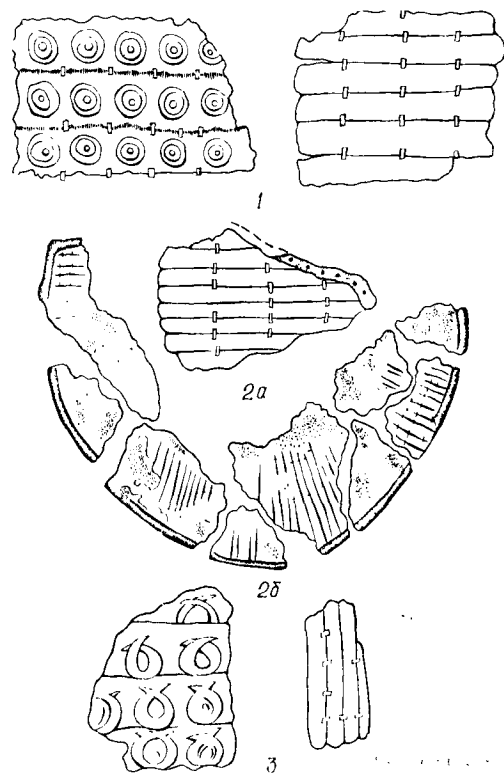

Рис. 9. Фрагменты пластинчатых щитов:
1 — Браничево; 2 (а, б) — Кьолмен; 3 — Янково.

1. Браничево (Восточная Болгария). Раскопки 50-х годов. Обломки щита (369 фрагментов) найдены в богатом фракийском погребении конца IV — начала III в. до н. э. кургана № 10⁶³ (рис. 9, 1).

2. Кьолмен (Шуменский округ, Восточная Болгария). Раскопки 1964—1965 гг.

Обломки щита (238 фрагментов) обнаружены в довольно богатом фракийском погребении № 1 кургана № 1 второй половины IV — начала III в. до н. э.⁶⁴ (рис. 9, 2а).

Фрагментированный щит (сохранившиеся размеры 0,3×0,19 м) найден в богатом фракийском погребении кургана № 4 второй половины IV — начала III в. до н. э.⁶⁵ (рис. 9, 2б).

3. Розово (Рахманлий, Южная Болгария). Обломки доспеха (позже утерянные), очень близкие находкам из Браничево и Янково⁶⁶, обнаружены в богатом фракийском погребении IV в. до н. э.

4. Янково (Шуменский округ, Восточная Болгария). Раскопки 1923 г. Обломки щита найдены в ограбленном фракийском кургане № 3 второй половины IV в. до н. э.⁶⁷ (рис. 9, 3).

Фрагментарность доспехов не позволяет установить длину пластин. Максимальная длина сохранившихся пластин из Браничево равна 12 см⁶⁸. Ширина пластин набора варьирует. Так, ширина пластин из кургана № 4 у с. Кьолмен равна 0,3—0,8, из кургана № 1 (там же) — 1, из кургана в Браничево — 0,8—1; 2,3—2,5, Янково — 1,4 см. Пластины располагались параллельно, перекрывая друг друга на 2—3 мм. Крепились между собой бронзовыми скобками из проволоки диаметром до 3 мм, образующими почти параллельные ряды на расстоянии 1—3 см. Части щитов из Браничево и Янково отличаются от других наличием на пластинах набора украшения в виде рельефных кругов, причем, если на доспехе из Браничево они выполнены в технике чеканки, то на щите из Янково орнамент образован прикреплением отдельных бронзовых колец к пластинам.

Цв. Дремсизова, оцеликовавшая большую часть находок пластинчатого доспеха с территории Болгарии, интерпретировала их как остатки набора комбинированных панцирей (Браничево, Янково) или специальных пластинчатых нагрудников (Кьолмен), по форме близких нагрудникам-пекторалиям из Мезека и Вербице⁶⁹.

Л. Огненнова в статье, посвященной фракийским панцирям V — III вв. до н. э., также рассматривает остатки доспехов из Браничево, Янково и Розово как части наборных панцирей. Более того, она полагает, что эти доспехи были того же типа, что и доспех из кур-

гана Големата Могила (Дуванлий), который она реконструировала как кожаный панцирь греческого типа с оплечьями, усиленный дополнительно поясом-повязкой с металлическим набором, защищавшим часть живота и грудной клетки⁷⁰.

Однако уже в середине 60-х годов Е. В. Черненко высказал предположение, что фрагменты пластинчатых доспехов, найденные на территории Болгарии (в частности из Браничево), представляют собой не остатки панцирей, а части металлического покрытия щитов⁷¹. Несколько позже А. П. Манцевич также выразила сомнение относительно интерпретации указанных находок как панцирей и твердо определила сходство болгарских панцирей и щитов с металлическим покрытием, бытовавших в скифское время в Северном Причерноморье⁷².

Цв. Дремсизова, пытаясь соотнести болгарские находки с панцирями, а не со щитами, прежде всего отмечает, что щиты, известные на территории северо-причерноморской Скифии, имели металлические пластины набора более солидных размеров⁷³. Но это не совсем так. Во-первых, наряду со щитами, ширина полос у которых действительно больше, чем у болгарских экземпляров, и колеблется от 2 до 4 см⁷⁴, в Скифии известны щиты с пластинами шириной от 1 до 2,5 см (например, щит из кургана у г. Орджоникидзе), что вполне соответствует ширине пластин на доспехах из Янково, Браничево, Кьолмен (курган № 1 погребение № 1). Во-вторых, это различие вообще не может быть определяющим: принцип устройства скифских щитов с полосчатым покрытием и экземпляров, найденных в Болгарии, один и тот же.

Далее, доказывая, что фрагменты доспехов из погребения № 1 кургана № 1 у с. Кьолмен представляют собой остатки панциря-нагрудника, Цв. Дремсизова отмечает, что якобы «полностью схожие железные пластины происходят

из кургана у с. Поповка» (кургана № 3.— С. С.) и что А. И. Мелюкова допускает их принадлежность нагруднику⁷⁵. Пластины действительно похожи. Что же касается предположения А. И. Мелюковой о назначении пластин из Поповки, на которых акцентирует внимание Цв. Дремсизова, то следует подчеркнуть, что это лишь одно из ее предположений относительно доспеха. Второе предположение заключает в себе вероятность принадлежности этих пластин полукруглому щиту⁷⁶.

Е. В. Черненко отнес пластины из кургана № 3 у с. Поповка к щиту, справедливо отметив, что в панцирных наборах пластины подобной формы не применялись⁷⁷. Кстати, пластинки из Поповки костяные⁷⁸, а не железные, как считает болгарская исследовательница. Наконец, Цв. Дремсизова полагает, что остатки панциря, подобные доспеху из кургана № 1 у с. Кьолмен, обнаружены в некрополе Нимфея⁷⁹. Это ошибочное мнение. Доспех из гробницы № 19 кургана № 24 (раскопки 1876 г.), на который она ссылается, имеет совершенно иную систему набора, и крепление пластин в нем осуществлено не с помощью проволочных колец-скобок, как на болгарских экземплярах, а обычным способом, характерным для всех панцирей скифского времени.

Второй доспех из кургана № 4 у с. Кьолмен Цв. Дремсизова считает остатками луновидного нагрудника типа Мезек, Вербице, но с пластинчатым набором. Однако опубликованные части доспеха не дают оснований для такого вывода⁸⁰. На наш взгляд, они скорее напоминают остатки полукруглого щита-пельты, такого, какой изображен в руках у одного из пеших скифов на гробне из кургана Солоха⁸¹. Заметим, что А. И. Мелюкова, подтвердив правильность интерпретации А. П. Манцевич болгарских находок как щитов (в частности, экземпляров из Браничево и Янково), допускает, что в погребении у

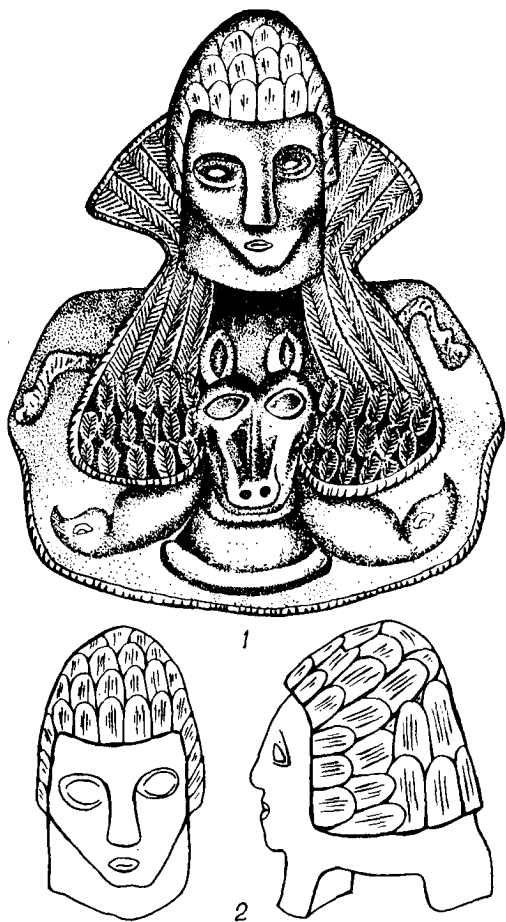

Рис. 10. Конский наносник из Швейцар: 1 — общий вид; 2 — изображение чешуйчатого шлема.

с. Кьолмен (имеется в виду погребение № 1 кургана № 1. — С. С.) были найдены остатки чешуйчатого панциря⁸². При этом она ссылается на сообщение Т. Тотева, отмечавшего, что в погребении открыто много панцирных пластинок⁸³. Однако судя по полной публикации материалов этого погребения, остатки панцирных пластинок совершенно идентичны фрагментам доспеха из Браничево и Янково, т. е. являются остатками щита. Соответствие кьолменского доспеха «по материалу и изготов-

лению» экземплярам из Браничево в Янково отмечает и Цв. Дремсизова⁸⁴.

Вывод Л. Огненовой об единичности доспехов из кургана Големата Могила и Браничево, Янково, Розово⁸⁵ в свете современных данных, безусловно, ошибочен. Вспомним, что реконструированный ею доспех из Голематой Могила (с привлечением изображений на краснофигурных античных вазах) представляет собой кожаный панцирь с оплечьями и фестоночатою юбкой-птериксом, усиленный дополнительным наборным поясом-повязкой⁸⁶. В пользу того, что металлический набор был разъемной частью панциря — поясом, говорит тот факт, что он был найден отдельно от остатков кожаного панциря (точнее, его аппликаций), а также его размеры — $0,64 \times 0,18$ м⁸⁷. Понятно, что между этим доспехом и остатками щитов из вышеназванных пунктов мало общего.

Шлемы. В памятниках скифского типа Средней Европы отсутствуют характерные скифские шлемы так называемого кубанского типа. В то же время некоторые данные позволяют допустить, что за пределами Скифии, в частности во Фракии, бытовали чешуйчатые шлемы, несомненно, скифского происхождения. На это указывает изображение чешуйчатого плеча на скульптурной голове человека в центральной части конского наносника из Швейцар⁸⁸ (Северная Болгария, V в. до н. э.) (рис. 10). Правда, болгарские исследователи рассматривают это изображение не как шлем, а как особого вида прическу. Например, И. Венедиков и Т. Герасимов полагают, что это волосы, заплетенные в косички⁸⁹. Однако для такого вывода нет никаких оснований: известные изображения причесок фракийцев как по типам, так и приемам моделировки волос, не дают каких-либо аналогий швейцарскому изображению⁹⁰. Безусловно, перед нами изображение шлема.

Судя по изображению, шлем имел несколько вытянутую котловидную фор-

му. Спереди находился высокий вырез для лица со слегка изогнутым начельем, сочленяющимся по краям под тупым углом с прямоугольными боковыми частями, полностью закрывавшими уши и плавно переходящими по горизонтали в заднюю часть. Шлем набран из довольно крупных пластин с двумя округленными углами. Пластины перекрывают друг друга как в панцирном наборе.

Это изображение шлема имеет значительное сходство с чешуйчатым шлемом из скифского погребения V в. до н. э. у с. Новая Розаповка Николаевской обл.⁹¹ Правда, набор последнего состоит из более мелких пластин, но форма доспеха, оформление передней части такие же.

Видимо, подобный внешний вид имел и шлем из погребения конца VI — V в. до н. э. у с. Александровка на Днепропетровщине. Он также набран из довольно крупных пластин со срезанными углами⁹².

Изображение чешуйчатого шлема из Свищар, на наш взгляд, имеет важное значение, поскольку является основой для реконструкции подобных шлемов.

Боевые металлические пояса. До настоящего времени находки боевых металлических поясов скифского типа на территории Средней Европы не зафиксированы. Единственный экземпляр этого вида доспеха, найденный за пределами Скифии во фракийском кургане Големата Могила, несомненно, является защитным поясом-повязкой греческого типа, о чем писалось выше.

В силу этого считаем возможным привести краткое описание изображения боевого пояса на скифском изваянии из Сибиоары (Добруджа). Пояс довольно широкий, набранный из прямоугольных пластин. К нему подвешены основные воинские аксессуары: меч, боевой топор, горит с луком. Изображение пояса на изваянии аналогично ряду изображений этого вида доспеха

на образцах скифской скульптуры и торевтики Северного Причерноморья⁹³. Следует отметить, что В. Канарак не акцентировал внимание на этой детали сибиоарского памятника⁹⁴. И только П. Н. Шульц, неоднократно обращавшийся к этому изваянию, дал верное толкование пояса как наборного пластинчатого. Им же опубликована фотография изваяния, на которой пластины набора пояса просматриваются довольно четко⁹⁵.

Касаясь хронологии рассматриваемого доспеха на территории Средней Европы, можно отметить следующее. Большинство находок датируется сравнительно четко и правильность их датировки не вызывает возражений. Вместе с тем есть возможность уточнить датировку некоторых находок.

Н. Феттих, опубликовавший нащитную бляху из Тапиосентмартона, датирует ее концом V в. до н. э.⁹⁶ Не столь давно М. Пардуц, принимая во внимание известную близость указанной бляхи с костромским «оленом», а также датировку последнего советскими специалистами довольно узким хронологическим отрезком — 590—570 гг. до н. э.⁹⁷ (в любом случае, первой половиной VI в. до н. э.⁹⁸), предложил удревинить дату «оленя» из Тапиосентмартона⁹⁹. Полагаем, что это предложение заслуживает внимания. Отметим, что в пользу ранней даты бляхи свидетельствует не только чисто внешнее сходство двух изделий, но также обнаруженная рядом с тапиосентмартонским «оленом» электровая серьга-заушница с конической головкой явно архаического облика¹⁰⁰. Аналогичные серьги-заушницы известны на территории скифской Лесостепи в памятниках не позже VI в. до н. э. (Сеньковка, Долинское, Глеваха¹⁰¹ и др.).

Бляха из Зельдхаломпусты, по мнению Н. Феттиха, менее древняя, чем из Тапиосентмартона¹⁰². Считаем, что автор прав в определении относительной хронологии этих двух изделий. Что же

касается абсолютной даты бляхи из Зельдхаломпусты, то, на наш взгляд, наиболее приемлемая дата для нее — V в. до н. э. Мнение это основывается на времени матрицы из Гарчиново (Болгария) с изображением оленя в совершенно идентичной позе (пока единственный известный аналог зельдхаломпустскому «олению», обычно приводимый в специальной литературе¹⁰³), определенном К. Шефольдом первой четвертью V в. до н. э.¹⁰⁴ Аналогичного мнения о датировке гарчиновской матрицы придерживается А. И. Мелюкова¹⁰⁵. Вместе с тем думаем, что матрица из Гарчиново имеет более архаический облик, чем зельдхаломпустская бляха. В пользу относительно поздней даты бляхи из Зельдхаломпусты (по сравнению с тапиосентмартопской находкой) косвенно свидетельствует обнаруженная в комплексе с бляхой гривна, украшенная фигурками лежащих львов¹⁰⁶, ближайшими аналогами которой являются гривны из Чертомлыка и Толстой Могилы¹⁰⁷. Несмотря на определенные отличия между зельдхаломпустской находкой и названными украшениями, близость их несомненна.

Нет единого мнения и по поводу времени артадского панциря. А. И. Мелюкова в свое время датировала артадское погребение началом VI в. до н. э.¹⁰⁸, Е. В. Черненко относил его к середине VI в. до н. э.¹⁰⁹, А. Л. Монгайт — к первой половине VI в. до н. э.¹¹⁰ Наконец, недавно З. Буковский, цитируя ссылку на М. Пардуца, определил время артадского погребения 550—530 гг. до н. э.¹¹¹ Однако, на наш взгляд, предложенные датировки не достаточно убедительны. Действительно, сам панцирь не является датирующим материалом (во всяком случае с такой степенью точности). Находки же как из погребения с доспехом, так и в целом из остальных могил этого небольшого некрополя не дают оснований для столь точной абсолютной хронологии. Время производства пелопонесской гид-

рии, обнаруженной в погребении, первая четверть VI в. до н. э.¹¹², а бытовали аналогичные сосуды до первой половины V в. до н. э.¹¹³ Действительно, время производства артадской гидрии не может служить основой датировки погребения, в том числе панциря: неизвестно, когда сосуд попал в Среднюю Европу. Более точную основу для датировки дает котел гальштатского типа, характерный, по мнению М. Пардуца, для финальной ступени гальштата, т. е. для времени не ранее второй половины VI в. до н. э.¹¹⁴ В одной из последних работ он предложил датировать артадский панцирь концом VI — началом V в. до н. э.¹¹⁵ Полагаем, что это наиболее приемлемая дата. Заметим, что ей не противоречат другие предметы из артадского некрополя, например удила «векерзугского» типа, появление которых в Средней Европе (вторая половина VI в. до н. э.) надежно засвидетельствовано чернофигурной аттической керамикой¹¹⁶.

Остатки доспеха в Тарнободне не могут быть датированы с большой точностью из-за отсутствия в погребении четко датируемых вещей. М. Пардуц предлагал считать этот доспех синхронным артадскому панцирю¹¹⁷. Это допустимо, хотя хронологические рамки доспеха могут быть определены шире — VI—V вв. до н. э.

Погребение в Симерии (Пишки), содержащее панцирную пластинку, примыкает к группе погребений, которые В. Васильев датирует первой половиной — серединой VI в. до н. э.¹¹⁸ Возможно, что это определение времени можно отнести и к могиле № 3, поскольку лепная призматическая кружка с расширяющимся кверху корпусом, прямым венцом и высокой петельчатой ручкой, найденная в могиле, весьма похожа на сосуды из погребения № 9 могильника Кристешти, надежно датированного по вооружению и предметам конского убора первой половиной — серединой VI в. до н. э.¹¹⁹, и на отдель-

ные погребения могильника в Теюше, относящиеся к первой половине VI в. до н. э.¹²⁰

Наконец, рассмотрим датировку панцирных чешуек из могильника в Хотине. М. Душек, исследовавший этот памятник, датировал его (а следовательно, и погребения с панцирными чешуйками) первоначально второй четвертью IV — началом III в. до н. э.¹²¹, позже — IV в. до н. э.¹²² Необоснованность этой датировки (омоложение памятника) справедливо отметил З. Буковский, подчеркнув, что круг находок скифского типа в могильнике (наконечники стрел, боевые топоры, крестовидные бляхи), недостаточно уточненный М. Душеком, позволяет датировать могильник V в. до н. э.¹²³ Наиболее ранние находки в могильнике, по мнению автора, относятся к середине второй половины V в. до н. э. Однако следует заметить, что вещи скифского типа и прежде всего наконечники стрел (бронзовые башкевидные) свидетельствуют о еще более ранней дате погребений, их содержащих: второй половине VI — начале V в. до н. э.¹²⁴ Кстати, на омоложение М. Душеком хотинского могильника обратила внимание В. Г. Петренко.¹²⁵

На фоне довольно большого количества наступательного оружия, в первую очередь мечей и боевых топоров, столь незначительное количество доспеха в так называемых скифских группах Средней Европы труднообъяснимо. Любопытно, что доспех скифского типа совсем не представлен в Трансильвании, где были все основания обнаружить присутствие собственно скифского населения.¹²⁶ Не найден доспех скифского типа и на территории так называемой скифской группы Югославии (среднее течение Дравы и Саввы).¹²⁷

Примечательно, что население так называемых скифских групп Средней Европы практически не использовало и доспех местного типа, бытовавший в окружающей гальштатской среде.¹²⁸

(панцири-кирасы, панцири, усиленные металлом, конические шлемы, шлемы с двумя гребнями, щиты с металлическими умбоами и др.), а также греческий доспех.¹²⁹ Некоторым исключением является могильник в Артанде, где были найдены остатки четырех щитов с металлическими умбоами (один бронзовый, три железных, безусловно, местного производства).¹³⁰ Однако эти находки единичны, и прав М. Пардуц, когда говорит: «среди... местных находок скифского периода щиты с умбоами, сделанными из бронзы, так же как и из железа, являются уникальными».¹³¹ В этой связи мнение З. Буковского о том, что остатки немногих щитов в памятниках скифского типа Карпатского бассейна часто имеют металлические умбоны, ошибочно.¹³² Находки четырех экземпляров из одного артандского могильника не дают основания для такого вывода.

Незначительное использование металлического доспеха населением так называемых скифских групп не случайно. Бряд ли приходится сомневаться в том, что существовали технические условия для производства этого оружия: массовое изготовление наступательного вооружения скифского типа служит тому доказательством. Вероятно, уровень военной организации местного населения не стимулировал у пришлых групп развития металлического оборонительного вооружения, как и использования импортного металлического доспеха. На территории так называемых скифских групп Средней Европы не сложился дифференцированный контингент тяжеловооруженного воинства, подобный бытовавшему в Скифии уже в VI в. до н. э.¹³³ Металлический доспех как скифского типа, так и местный, несомненно, использовался только знатью. Так, в Артанде погребения с металлическим доспехом содержали немалое количество дорогих изделий. Очевидно, богатым было и ограбленное погребение в Тарнабодe.

Рассмотрим вопросы, связанные с производством защитного вооружения скифского типа из Средней Европы. М. Пардуц, публикуя материалы из Артанда и Тарнабода, высказал мысль о том, что панцири из этих погребений являются продукцией южнорусских мастерских¹³⁴. В пользу того, что остатки чешуйчатых панцирей из Карпатского района — это импортные изделия, произведенные в Скифии, свидетельствуют совершенно идентичная северопричерноморским форма пластин средневропейских панцирей, дополнительные отверстия на некоторых пластинках (Артанд, Тарнабод) для крепления украшений, имеющиеся и на скифских панцирях Северного Причерноморья. Даже небрежность, с которой сделаны отдельные пластины, найденные в Средней Европе, что, по мнению М. Пардуца, якобы говорит об их местном изготовлении при ремонте панцирей¹³⁵, на самом деле является особенностью некоторых панцирей из Северного Причерноморья¹³⁶. Вероятно, в Северном Причерноморье производились и панцири с коротким рукавом, аналогичные изображенным на предметах торевтики IV в. до н. э. из Фракии. Такие панцири в целом известны на территории Скифии¹³⁷. К ним можно отнести и реконструированный доспех из кургана близ г. Орджоникидзе на Украине (IV в. до н. э.)¹³⁸.

Цв. Дремсизова полагала, что доспех, обнаруженный в Болгарии (Браничево, Кьолмен, Розово, Янково), является фракийской продукцией¹³⁹. Конечно, можно допустить местное изготовление по скифским образцам пластинчатых щитов из указанных пунктов, и концентрический орнамент на экземплярах из Браничево и Янково, не встреченный на скифских щитах, будто бы подтверждает это. Однако следует помнить, что скифские пластинчатые щиты IV в. до н. э. известны пока по довольно ограниченному кругу находок и поэтому орнамент в виде кругов на бол-

гарских находках не может служить критерием их фракийского изготовления. В пользу местного западнопричерноморского производства, скорее, свидетельствуют панцири-безрукавки с фестончатой юбкой-птериксом. Такие панцири не характерны для скифов и, видимо, производились фракийцами.

Подчеркнем, что остатки щитов, как и предметы торевтики с изображениями панцирей и чешуйчатого шлема, относятся к IV в. до н. э. — времени, когда скифо-фракийские связи особенно усиливаются¹⁴⁰.

Кратко остановимся на вопросе о происхождении блях из Зельдхаломпусты, Тапиосентмартона и Виташково. Своеобразие бляхи из Зельдхаломпусты отмечалось рядом исследователей. Еще Н. Феттих подчеркивал, что она имеет ряд черт, не характерных для скифского искусства¹⁴¹. А. И. Мелюкова, отмечавшая сходство зельдхаломпустского «олена» с изделиями скифского звериного стиля, также подчеркивала оригинальность трактовки ряда деталей этого изображения¹⁴². Безусловная близость бляхи из Зельдхаломпусты и оленя, изображенного на пластине из Гарчиново, позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что зельдхаломпустская бляха изготовлена в Западном Причерноморье. Очевидно, подобным же образом обстоит дело с бляхой из Тапиосентмартона. Несмотря на общие черты, сближающие эту находку с изображениями галонирующих или лежащих оленей, известных на территории Евразии, тапиосентмартовский «олень» все же имеет явно не «импортный» облик. Это, в частности, выразилось в весьма насыщенном украшении тела животного орнаментом в виде капта-веревочки, оформлении подобным орнаментом глаз, губ, ног, в изображении глаза линзовидной формой.

Бляху из Тапиосентмартона сближает с зельдхаломпустской совершенно одинаковое изображение глаза¹⁴³, оформление каптом-веревочкой уха,

хвоста, ног¹⁴⁴. Помимо этого, их сближает и техника, в которой они изготовлены. В отличие от северопричерноморских литых нащитных блях (костромская, келермесская, кульобская)¹⁴⁵, среднеевропейские — штампованные¹⁴⁶. Вероятно, права А. И. Мелюкова в том, что они (равно как и матрицы из Гарчиново) относятся к единой художественной школе¹⁴⁷. Очевидно, в них можно видеть изделия, выполненные как подражания скифским вещам, но в иных художественных традициях.

Говоря о месте изготовления виташковских блях, следует подчеркнуть, что они, как и ножны меча, принадлежат к одному и тому же кругу предметов¹⁴⁸, безусловно, изготовленных в одном центре. Об этом свидетельствует совершенно идентичная манера исполнения животных, украшающих указанные изделия. Поэтому то, что говорилось о производстве ножен меча — наиболее эффектного предмета комплекса — правомерно распространить на принадлежность доспеха.

По поводу места производства виташковских изделий, в частности ножен, есть две основные точки зрения. Согласно одной (А. Фуртвенглер, В. Гинтерс, Н. Феттих, А. А. Иессен, Н. А. Онайко, З. Буковский и др.), ножны были изготовлены в Северном Причерноморье. Причем, А. Фуртвенглер, В. Гинтерс, Н. Феттих, А. А. Иессен предпологали, что место их производства — западная часть Северного Причерноморья, вероятнее всего, Ольвия¹⁴⁹. Н. А. Онайко и З. Буковский полагают, что ножны сделаны на Боспоре¹⁵⁰. Согласно другой точки зрения, предложенной А. П. Манцевич и А. И. Мелюковой, местом их изготовления является Западное Причерноморье. Если А. П. Манцевич видит таким центром Трансильванию¹⁵¹, то А. И. Мелюкова — один из городов Западного Причерноморья¹⁵². А. И. Мелюкова справедливо поставила под сомнение правильность вывода о северо-

причерноморском, в частности ольвийском производстве указанного изделия, подчеркнув, что в Северном Причерноморье не известны предметы с подобной орнаментацией¹⁵³. Недавно З. Буковский вновь предпринял попытку обосновать северопричерноморское изготовление виташковского комплекса, ориентируясь на предположение Н. А. Онайко о том, что виташковские предметы могли быть сделаны на Боспоре, и отмеченную ею близость в орнаментике виташковских изделий и кульобского олея¹⁵⁴. Однако их сравнение говорит об ошибочности этого мнения. Полагаем, что предпочтения заслуживает тезис о производстве виташковских находок в Западном Причерноморье. Не решая вопрос о конкретном месте изготовления виташковских изделий, отметим большое сходство в декоре тел животных, изображенных на них и ряде предметов фракийской торевтики. Например, подобным орнаментом украшена птица, изображенная на вазе, найденной у Железных Ворот¹⁵⁵, тело лошади, представленной на племе из Аджигола¹⁵⁶, и др. Волюты, близкие изображенным на теле рыбы из Виташково, известны на киемидах из Аджигола¹⁵⁷. Следует подчеркнуть, что обе виташковские бляхи выполнены в технике штамповки, что сближает их с изделиями из Таниосентмартона и Зельдхаломпусты.

В заключение отметим, что столь значительное количество доспеха на территории Средней Европы и так называемых скифских групп отнюдь не означает, что это население не использовало средств личной защиты. По всей видимости, здесь, как и на всем протяжении обширного пояса евразийских степей в скифскую эпоху, основная масса воинов использовала доспех, изготовленный из кожи и дерева.

¹ Furtwängler A. Der Goldfund von Vetterfelde. 43. Berliner Winckelmannsprogramm. Berlin, 1883, S. 19; Furtwängler A. Der

- Goldfund von Vetersfelde.— Kleine Schriften. Munich, 1912, t. 1, S. 472, 484; *Sokolowski M.* Dwa złote skarby (w Vetersfelde i Michałowie). Kraków, 1884, s. 7; *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 236.
- ² *Fettich N. A.* Tápiószentmártoni aranyszarvas. Der Goldhirsch von Tápiószentmárton.— AE, 1927, XLI, 1—II tab., S., 315; *Fettich N. A.* Zöldhalompusztai szkita lelet. La trouvaille scythe de Zöldhalompusztai.— AN, 1928, III, 1—IV, VIII tab.; *Fettich N. A.* Garcsinovái szkita lelet. Der Skythische Fund von Gartschinowo.— AN, 1934, 15, 5/6, tab., 30—31.
- ³ *Childe V. G.* The Danube in prehistory.— Oxford, 1929, p. 397.
- ⁴ *Дремсизова Цв.* Надгробия могили при село Янково.— ИИИ, 1955, 19, с. 75, обр. 19, 7; *Дремсизова Цв.* Надгробия могила при с. Браничево.— В кн.: Исследования в чест на акад. Д. Девев. София, 1958, с. 447, обр. 3; *Дремсизова-Нелчинова Цв.* Тракийски могили погребения край с. Кьолмен Шуменски окръг.— ИИИ, 1970, 32, с. 209, обр. 3, 3, с. 214, обр. 8.
- ⁵ *Озиева Л.* Ризници на траки от V—III в. пр. н. е.— Археология, 1959, год. 1, кн. 1/2, с. 30—37.
- ⁶ *Bukowski Z.* The Scythian influence in the area of Lusatian culture.— Wrocław etc., 1977, p. 139—142.
- ⁷ *Rieth A.* Skythische Schildzeichen.— PZ, 1971, 46, H. 1, S. 111—115.
- ⁸ *Párducz M.* Graves from the Scythian age at Artánd (county Hajdu—Bihar).— AArch ASH, 1965, 17, p. 145, 194—199, tab. XI—XIII; *Párducz M.* Szkitakorunk etnikumának és kronológiai helyzetének kérdése.— Antik Tanulmányok, 1968, 15, 138—148; *Párducz M.* Szkitakori leletek Heves megyében.— Az Egri Múzeum Évkönyve, 1969, 36, 38—40, III—IV tab.; *Párducz M.* Die Fragen der ethnischen Verhältnisse der Skythenzeit und der skythischkeltischen Berührungen in Ungarn.— AR, 1971, 23, S. 587; *Párducz M.* Die charakteristischen skythischen Funde aus dem Karpatenbecken und die damit verbundenen ethnischen Fragen.— Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa 25—29 September 1970, Smolenice, ČSSR. Bratislava, 1974, S. 318, Karte 3; *Párducz M.* Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken.— AArch ASH, 1973, 25, S. 34, Karte 3.
- ⁹ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, Д1-4, 1964, с. 73; *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М., 1979, с. 203—209.
- ¹⁰ *Манцевич А. П.* Золотой венец из кургана на р. Калитве.— ИИИ, 1959, 23, с. 74, 78; *Манцевич А. П.* О цитах скифской эпохи.— СА, 1969, № 1, с. 28.
- ¹¹ *Черненко Е. В.* Скифский доспех.— Киев, 1968, с. 37, 144—146.
- ¹² *Párducz M.* Graves..., p. 144—145, 194, tab. XI—XIII.
- ¹³ *Roska M.* Sépultures scythiques de Piski.— Dolgozatok, IV, Kolozsvár (Cluj), 1913, p. 237, fig. 6/4. М. Рошка ошибся, определяя панцирную пластинку как обломанный конец бронзового браслета. Верное толкование находки дал М. Пардуч (*Párducz M.* Szkitakori..., p. 39).
- ¹⁴ *Párducz M.* Szkitakori..., 36, 38—40, III—IV.
- ¹⁵ *Ibid.*, 138—148.
- ¹⁶ *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chótin.— Bratislava, 1966, S. 80, 149, Taf. XLIII, 22, S. 53, 116, Taf. X, 10, S. 59, 126, Taf. XX, 6.
- ¹⁷ *Bukowski Z.* The Scythian..., p. 239.
- ¹⁸ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 36—37.
- ¹⁹ *Párducz M.* Graves..., p. 145.
- ²⁰ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 145.
- ²¹ Там же, с. 31—32.
- ²² *Párducz M.* Op. cit., p. 144, tab. I—III.
- ²³ *Черненко Е. В.* Панцири скифского часу.— Археология, 1965, вып. 18, с. 102.
- ²⁴ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 32, рис. 13, 1, 3, 4.
- ²⁵ *Párducz M.* Graves..., tab. XII, 4, 12; XIII, 4, 15.
- ²⁶ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 40.
- ²⁷ *Rosetti D. V.* Movilele funerare de la Gurbănești.— MCA, 1959, 6, p. 796, fig. 5, 12.
- ²⁸ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 146.
- ²⁹ *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир, с. 137.
- ³⁰ *Berciu D.* Arta traco-getică.— București, 1969, p. 101, fig. 68, p. 107, fig. 69—70; *Berciu D.* Contribution à l'étude de l'art thraco-gete. București, 1974, p. 122, fig. 50, p. 113, fig. 51. *Венедиков П., Герасимов Т.* Тракийското изкуство. София, 1973, ил. 285—286; История на България. София, 1979, т. 1, с. 235.
- ³¹ *Berciu D.* Contribution..., p. 87, 88, fig. 42, 43; *Berciu D.* Arta..., p. 8, fig. 57, 58.
- ³² *Berciu D.* Contribution..., p. 48, fig. 6, p. 50, fig. 7; *Berciu D.* Arta..., p. 42, fig. 10, p. 43, fig. 11.
- ³³ *Canarache V.* Considerații asupra unei statui inedite din timpul orânduirii comunei primitive în Dobrogea.— SCIV, 1953, t. 4, Nr. 3—4, p. 714, 719, pl. II, IV.
- ³⁴ *Canarache V.* Considerații..., p. 715.
- ³⁵ *Taxtay O. K.* Скифська статуя з с. Ольховчик Донецької області.— Археологія, 1964, 17, с. 206.
- ³⁶ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 17—18, 24, рис. 8, 17.

- 37 Горелик М. В. Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 268, рис. 3, 1; 4, 4, 5.
- 38 Furthwängler A. Der Goldfund..., Abb. 2, 1.
- 39 Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 135.
- 40 Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 73, 236.
- 41 Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte, 1929, t. 14, S. 158.
- 42 Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 142, 142—143, 198.
- 43 Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 17—18.
- 44 Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 71—72; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 35—36.
- 45 Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 236.
- 46 Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 199.
- 47 Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 124—126.
- 48 Там же, с. 24, рис. 8, 17.
- 49 Furthwängler A. Der Goldfund..., Abb. 1, 1.
- 50 Ibid., S. 472, 484.
- 51 Sokolowski M. Dwa złote skarby..., s. 72.
- 52 Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 73, 484, 236.
- 53 Веселовский Н. И. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве.— ИАК, 1913, 47, с. 103.
- 54 Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia.— Oxford, 1922, p. 52; Ebert M. Reallexikon..., S. 158.
- 55 Rieth A. Skythische..., S. 115.
- 56 Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 141. Следует указать, что З. Буковский паряду с обоснованным сравнением пащитных блях-рыб из Виташково и Орджоникидзе пришел к крайне неверному выводу о том, что известный конский пащитник из Большой Цимбалки следует рассматривать как пащитную бляху (Bukowski Z. The Scythian..., p. 141). Условия пащитения данного пащитника в кургане Большая Цимбалка (ОАК за 1868 г. СПб., 1870, с. XV), а также совершенно идентичного экземпляра из Толстой Могила (Мозолевский Б. М. Товста Могила. К., 1979, с. 31, рис. 17, с. 32, 38—39, рис. 23, с. 184) не оставляют сомнения в том, что они являются принадлежностью конского убора — пащитниками.
- 57 Fettich N. A Tápiószentmartoni..., táb. I—II, 135—145.
- 58 Ibid., táb. I—V, 11—13.
- 59 Fettich N. Der skythische Fund von Gartchinovo, S. 30—31.
- 60 Childe V. G. The Danube in prehistory, p. 397; Манцевич А. П. Золотой венец..., с. 70—71; Rieth A. Skythische..., S. 112; Bukowski Z. The Scythian..., p. 239.
- 61 Rieth A. Skythische..., S. 112.
- 62 Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 73.
- 63 Дремсизова Цв. Надгробная могила при с. Брашичево, с. 447, обр. 3а—б.
- 64 Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски могилини погребения край с Кьолмен..., с. 209, обр. 3, 3.
- 65 Ibid., стр. 213, обр. 8, табл. II, 1.
- 66 Огненова Л. Ризници на траки, с. 36.
- 67 Дремсизова Цв. Надгробни могили при село Янково, стр. 75, 82, обр. 19.
- 68 Ibid., стр. 449.
- 69 Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски могилини..., стр. 218—219.
- 70 Огненова Л. Ризници на траки..., стр. 35—36.
- 71 Черненко Е. В. Происхождение пластинчатого панцирного доспеха.— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. Одесса, 1963, с. 133.
- 72 Манцевич А. П. О щитах скифской эпохи, с. 28. Следует отметить, что А. П. Манцевич, верно установив принадлежность пластин из Янково щиту, а не панцирю, впоследствии в одной из работ совершенно необоснованно отнесла их к пащитнику (Манцевич А. П. К вопросу об изображении варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья.— Studia Thracica I. Фрако-скифские связи. София, 1975, с. 123).
- 73 Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски могилини погребения..., стр. 218.
- 74 Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 106; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 170—172, 175, 177, рис. 49, 14; 50, 1, 2; 51, 4; Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.).— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 146, рис. 83, 10.
- 75 Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски могилини..., с. 218.
- 76 Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 72.
- 77 Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 110.
- 78 Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 72; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 110.
- 79 Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски могилини..., с. 218.
- 80 Ibid., стр. 214, обр. 8; табл. II, 1.
- 81 Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 4, 2.
- 82 Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 205—206.

- ⁸³ Тотев Т. Каменна тракийска гробница при с. Кьолмен.— Археология, 1965, год. 7, кн. 4, с. 9—11.
- ⁸⁴ Дремсизова-Нелчинова Цв. Тракийски..., с. 218.
- ⁸⁵ Огненова Л. Ризници на траки..., с. 36.
- ⁸⁶ Ibid., с. 36, обр. 17.
- ⁸⁷ Филов Б. Повооткрити тракийски гробници от Дуванлий.— ИАН, 1932—1933, 7, стр. 225, 247, обр. 7.
- ⁸⁸ Миков В. Надгробните могили в България.— В кн.: Археологически открития в България, София, 1957, с. 240; Berciu D. Contribution..., p. 176, fig. 75. И. Венедиков и Т. Герасимов датируют наносник из Свицар V в. до н. э. (Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство, с. 380). Вероятно, это заниженная дата, т. к. ближайший аналог свицарской находке — наносник из Хоминой Могила — надежно датируется по клейму концом IV в. до н. э. (Мозолевский Б. Н. Фракийская узда из Хоминой Могила.— Studia Thracica I, с. 176—178).
- ⁸⁹ Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство, с. 114, 380.
- ⁹⁰ Ibid., № 133—134, 231—232, 285, 287—289, 290; Berciu D. Arta..., p. 44, fig. 12, p. 47, fig. 15, p. 110, fig. 79, p. 157, fig. 110.
- ⁹¹ Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина па р. Ингул.— СА, 1970, № 3, с. 211, рис. 4.
- ⁹² Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы урхоа «Самарский».— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978, с. 12, 14. См. полную публикацию доспеха: Ковалева И. Ф., Мухомад С. Е. Скифское погребение конца IV — начала V в. до н. э. у с. Александровка.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев, 1982, с. 91—102.
- ⁹³ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 5, 1—2, 6; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 64, рис. 34.
- ⁹⁴ Saparache V. Considerații..., p. 715.
- ⁹⁵ Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 228, рис. 3, 229. Шульц П. Н. Скифские изваяния.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 218.
- ⁹⁶ Fettich N. A. Zöldhalompusztai..., S. 36; Fettich N. Der skythische Fund von Gartchinowo, S. 35—36.
- ⁹⁷ Нессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, № 18, с. 101.
- ⁹⁸ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград, 1966, с. 27—28.
- ⁹⁹ Párducz M. Graves..., p. 226.
- ¹⁰⁰ Fettich N. A. Tápiószentmártoni..., I táb.
- ¹⁰¹ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев, 1975, с. 149—150; Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—V вв. до н. э.— САИ, Д4-5, 1978, с. 24.
- ¹⁰² Fettich N. A. Zöldhalompusztai..., S. 33.
- ¹⁰³ Fettich N. Der skythische Fund von Gartchinowo; Членова Н. В. Скифский олень.— МИА, 1962, № 115, с. 183; Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 111.
- ¹⁰⁴ Scheffold K. Der skythische Tierstil in Südrussland.— ESA, 1936, 12, S. 40.
- ¹⁰⁵ Мелюкова А. И. К вопросу..., с. 110.
- ¹⁰⁶ Fettich N. A. Zöldhalompusztai..., táb. V.
- ¹⁰⁷ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов..., рис. 92; Мозолевский Б. Н. Товста Могила, с. 138, рис. 119—121.
- ¹⁰⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 73.
- ¹⁰⁹ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 145.
- ¹¹⁰ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века.— М., 1974, с. 210.
- ¹¹¹ Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 200.
- ¹¹² Párducz M. Graves..., p. 217.
- ¹¹³ Ibid., p. 218.
- ¹¹⁴ Ibid., p. 222—223.
- ¹¹⁵ Párducz M. Szkitakori..., p. 40.
- ¹¹⁶ Berciu D. Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien.— PZ, 1963, XLI, S. 190—194. Ср.: Vulpe A. Necropola hallstatiană de la Ferigile. București, 1967, p. 67—68.
- ¹¹⁷ Párducz M. Szkitakori..., p. 40.
- ¹¹⁸ Vasiliev V. Sciții agatîrși pe teritoriul României. Cluj — Napoca, 1980, p. 131.
- ¹¹⁹ Vasiliev V. Sciții agatîrși pe teritoriul României, p. 131.
- ¹²⁰ Crișan I. H. Săpături și sondaje în valea mijlocie a mureșului.— AMN, 1965, 2, p. 59—62, fig. 12; Crișan I. H. Siebenbürgen in der jüngeren Hallstattzeit (VI—IV jh. v. u. z.) — Symposium..., S. 103, Abb. 2.
- ¹²¹ Dušek M. Thrakisches Gräberfeld..., S. 36.
- ¹²² Dušek M. Slovensko v mladšej dobe halštatskej.— SA, 1971, 19, s. 444.
- ¹²³ Bukowski Z. The Scythian influence..., p. 250.
- ¹²⁴ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 21. В 1978 г. мы осмотрели ряд находок из хотинского могильника, в том числе наконечники стрел, хранящиеся в музее Института археологии Словакии в г. Нитра.
- ¹²⁵ Петренко В. Г. Украшения Скифии, с. 26.
- ¹²⁶ Vasiliev V. Sciții agatîrși... / Ред.: С. А. Ско-

- рий. Валентин Васильев. Скифы-агафирсы на территории Румынии. Клуж — Напока, 1980.— Археология, 1983, вып. 43, с. 96—99.
- ¹²⁷ *Párducz M.* Western relations of the Scythian age culture of the Great Hungarian Plain.— *A Ant ASH*, 1965, 13, p. 273; *Bukowski Z.* The Scythian influence..., p. 249.
- ¹²⁸ *Hallstatt a Býči Skála.* Brno — Bratislava — Praha, 1969, tab. 22; *Die Hallstattkultur. Frühform europäischer Einheit.* Steyr, 1980, Tab. 4, 9, 10, 25, 35, 40, 45.
- ¹²⁹ *Fiala F.* Prähistorische Wohnstätten in Sobunar bei Sarajevo.— *WMBN*, t. 6, S. 85, 117, 151. Безусловно, права А. Можолыч, поставившая под сомнение правильность вывода К. Хоредта (*Horedt K.* Zur Enddatierung der Bronzezeit in Siebenbürgen.— *Dacia*, 1948, 11/12, S. 715) о том, что доспех греческого происхождения (в частности, шлемы) поступал в Венгрию посредством скифов (*Mozsolics A.* Neuere hallstattzeitliche Helmfunde aus Ungarn.— *A Arch ASH*, 1954, 5, 1—2, S. 54).
- ¹³⁰ *Párducz M.* Graves..., p. 199—202, tab. XIV, XXI.
- ¹³¹ *Ibid.*, p. 199.
- ¹³² *Bukowski Z.* The Scythian influence..., p. 239.
- ¹³³ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 82; *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 187.
- ¹³⁴ *Párducz M.* Szkitakori..., p. 40.
- ¹³⁵ *Ibid.*
- ¹³⁶ *Черненко Е. В.* Папирия скифского часу, с. 85.
- ¹³⁷ *Мелюкова А. И.* Вооружение..., с. 71; *Черненко Е. В.* Скифский..., с. 50, 51, рис. 27.
- ¹³⁸ *Горелик М. В.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе.— В кн.: *Скифы и сарматы*, с. 146—147, рис. 1.
- ¹³⁹ *Дремсизова Цв.* Надгробии могилы..., с. 442.
- ¹⁴⁰ *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях..., с. 106; *Мозолевский В. Н.* Фракийская узда..., с. 178.
- ¹⁴¹ *Fettich N. A* Zöldhalompusztai..., S. 33.
- ¹⁴² *Мелюкова А. И.* К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы.— *СА*, 1955, № 22, с. 248.
- ¹⁴³ У большинства изображений животных в скифском зверином стиле глаза переданы кружочками (*Артамонов М. И.* Сокровища...). Так же переданы глаза на изображениях оленей из Евразии в целом (*Членова Н. Л.* Скифский олень, табл. I—V).
- ¹⁴⁴ Веревоочный орнамент, украшающий изображения оленей из Венгрии, как одна из особенностей этих паходок, отмечен Н. Л. Членовой и А. И. Мелюковой (*Членова Н. Л.* Скифский олень, с. 183; *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях..., с. 111). Этот орнамент сравнительно редко встречается на изделиях скифского звериного стиля.
- ¹⁴⁵ *Minns E. H.* Op. cit., p. 222, 226.
- ¹⁴⁶ *Rieth A.* Op. cit., S. 113.
- ¹⁴⁷ *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях..., с. 111.
- ¹⁴⁸ *Bukowski Z.* Op. cit., p. 152.
- ¹⁴⁹ *Fürtwangler A.* Op. cit., S. 51—52; *Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, S. 18; *Fittich N.* Der skythische, S. 54—56; *Иссцен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.— М., 1947, с. 84.
- ¹⁵⁰ *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— *САИ*, Д1-27, 1966, с. 21; *Bukowski Z.* Op. cit., p. 152.
- ¹⁵¹ *Манцевич А. П.* Золотой венец..., с. 71.
- ¹⁵² *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 62—63.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ *Онайко Н. А.* Античный импорт..., с. 21.
- ¹⁵⁵ *Berciu D.* Arta traco-getică, p. 9, fig. 66.
- ¹⁵⁶ *Berciu D.* Contribution..., p. 48, fig. 6.
- ¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 54, fig. 9.

С. В. Полин

ЗАХОРОНЕНИЕ СКИФСКОГО ВОИНА- ДРУЖИННИКА У с. КРАСНЫЙ ПОДОЛ НА ХЕРСОНЩИНЕ

В 1974 г. Херсонская экспедиция ИА АН УССР проводила раскопки курганных могильников в курганном окружении Черной долины, удаленной от Днепра на 20 км, у с. Красный Подол Каховского р-на Херсонской обл.

Черная долина представляет собой большой степной под площадью 10×

×15 км, вплоть до недавнего времени служивший источником воды и корма для скота. Лишь несколько десятилетий назад в результате интенсивной распашки окружающих степей началось ее высыхание. О значении Черной долины в прошлом сохранилось несколько исторических свидетельств¹.

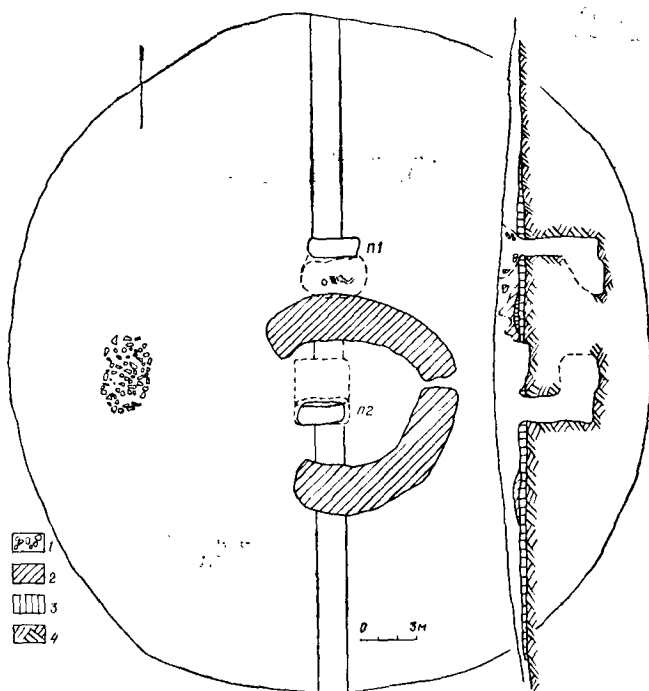

Рис. 1. Общий вид и профиль кургана № 2. Условные обозначения:
1 — остатки тризны; 2 — материковый выкид из погребения; 3 — погребенный чернозем; 4 — материк.

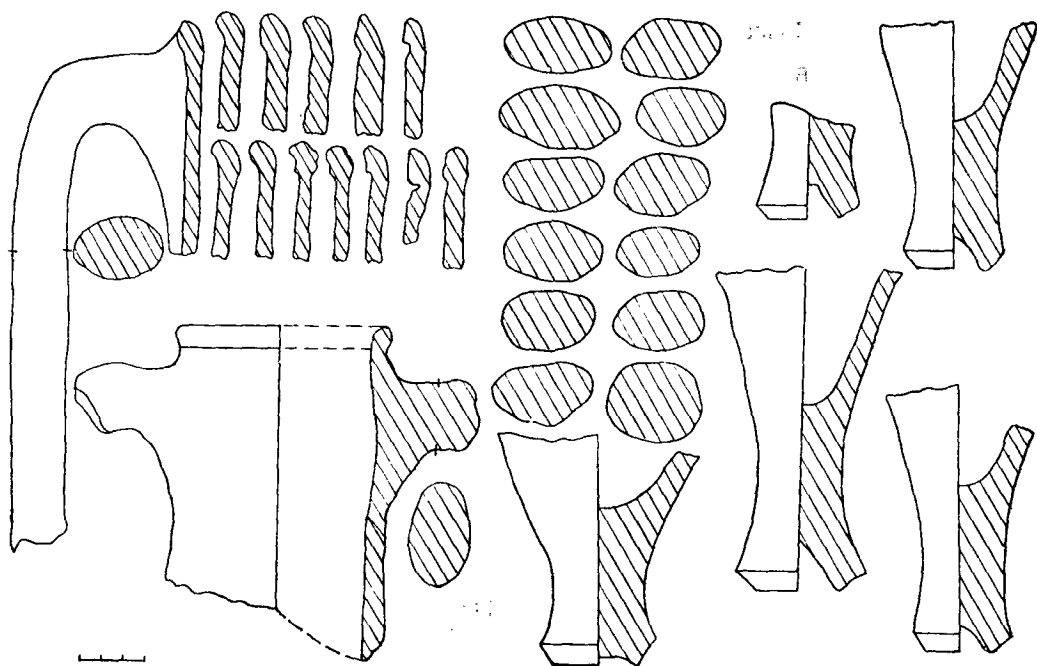

Рис. 2. Фрагменты амфор из тризны.

Наша публикация посвящена кургану № 2, исследованному в кургanhой группе I в 3 км к юго-западу от с. Красный Подол. Группа I насчитывала три кургана высотой 1,25—1,9 м, располагавшихся цепью с севера на юг на расстоянии 150—200 м. Два кургана были сооружены в срубное время. Один из них относился к разряду так называемых длинных курганов. Все курганы подвергались распахке.

Курган № 2* высотой 1,25 и диаметром около 35 м занимал центральное положение в группе. В нем находились два скифских захоронения. Курган был насыпан в один прием над основным мужским погребением № 1. Женское погребение № 2 впущено в готовую насыпь без каких-либо досыпок. Между входными ямами захоронений находилась овальная в плане яма размерами 3,2×2,3 м, выкопанная с уровня древнего горизонта; углублена в материк на 0,2 м. Происхождение ее выяснить не удалось. В западной части кургана на уровне древнего горизонта обнаружены остатки тризны в виде скопления фрагментов амфор и костей животных, связанной с основным погребением № 1. Площадь скопления 4×3 м (рис. 1). Здесь собраны фрагменты 14 амфор, в основном гераклейского производства, и отдельные фрагменты хиосской колпачковой амфоры (рис. 2). Четыре гераклейские амфоры имели на горловинах энглафические клейма (рис. 3):

Клеймо № 1. Εὐδαίμων[ος] ἑΠὶ Παισάνια

Клеймо № 2. Δαμοφῶν Овальное.

Ретроградно. hvo

Клеймо № 3. [Hρα]κλέδα

Клеймо № 4. χίρο[v]

Погребение № 1 (основное, мужское) находилось в центре кургана (рис. 4—6). Совершено в яме с подбоем. Пря-

Рис. 3. Амфорные клейма из тризны.

моугольная входная яма размерами 2,6×1,3 м ориентирована по линии восток — запад. Торцевые стенки ямы подбиваются ко дну. Дно ямы — на глубине 5,2 м от уровня древнего горизонта. Входную яму погребения полукольцом диаметром около 10 м окружал вал материкового выкида шириной 1,8—2, мощностью 0,3—0,8 м. Полукольцо имело разрывы: на западе — шириной 6 м и на востоке — 0,3 м. Погребение было ограблено в древности с вершины кургана через вертикальную воронку, попавшую во входную яму. В затечном черноземном заполнении входной ямы найдены антропоморфная стела (1), вероятно, ранее стоявшая на вершине кургана, плита-постамент (2), кости человека, животных, наконечник стрелы (3), обломки ножа (4).

Вход в камеру, находившийся в северной стенке (высота свода 1 м), за-

* Начальник экспедиции А. И. Кубышев, руководитель раскопок кургана А. В. Спмоненко.

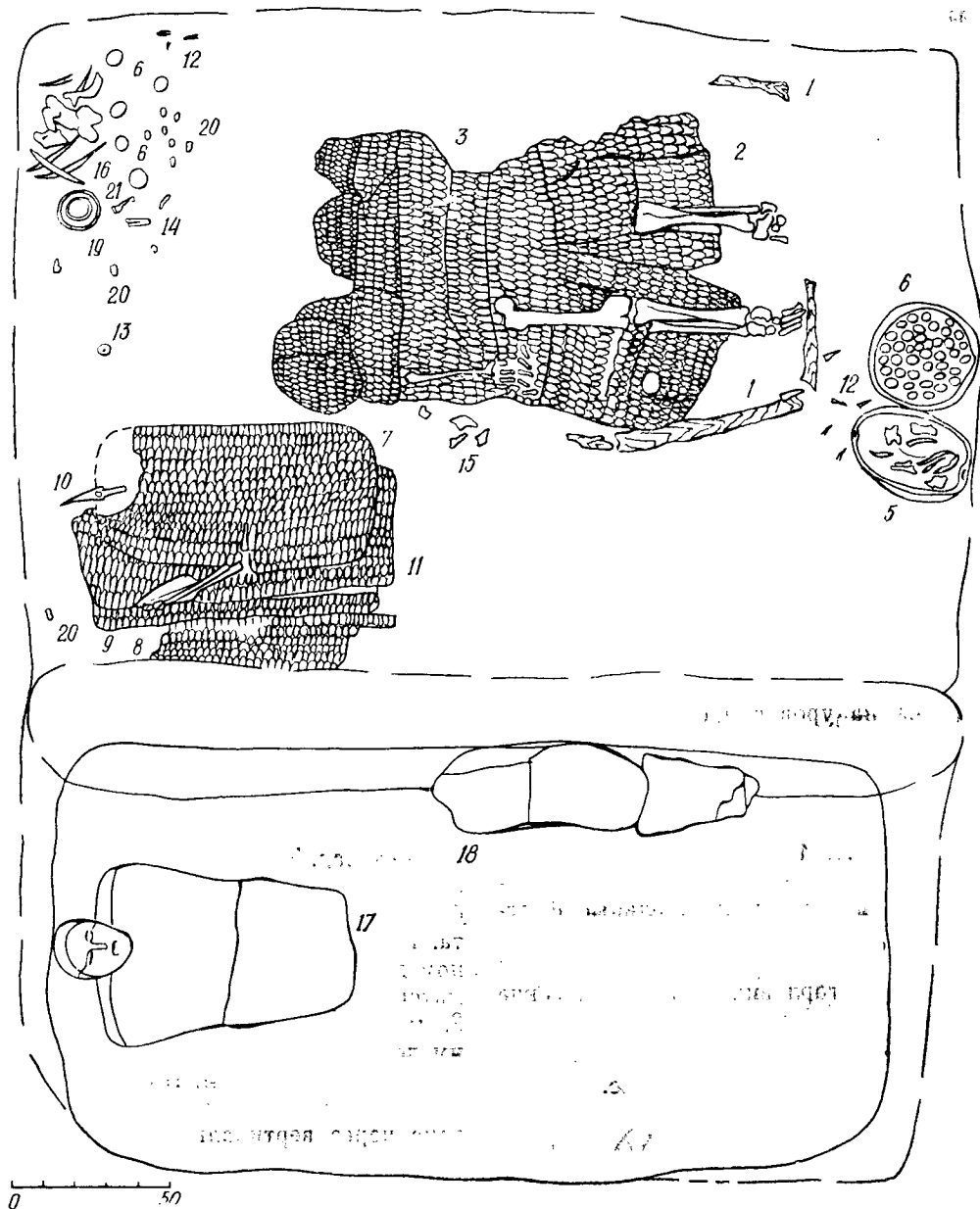

Рис. 4. Общий план погребения № 1.

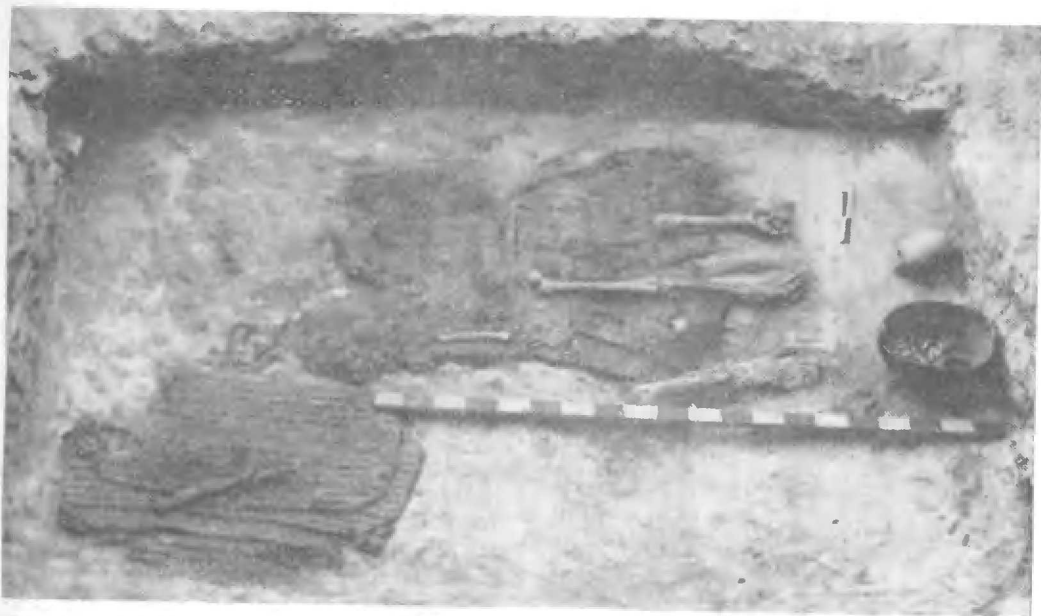

Рис. 5. Общий вид погребения № 1.

Рис. 6. Погребение № 1. Деталь: чешуйчатый щит, дополнительный набор защитного вооружения, топор, наконечники копья и дротика.

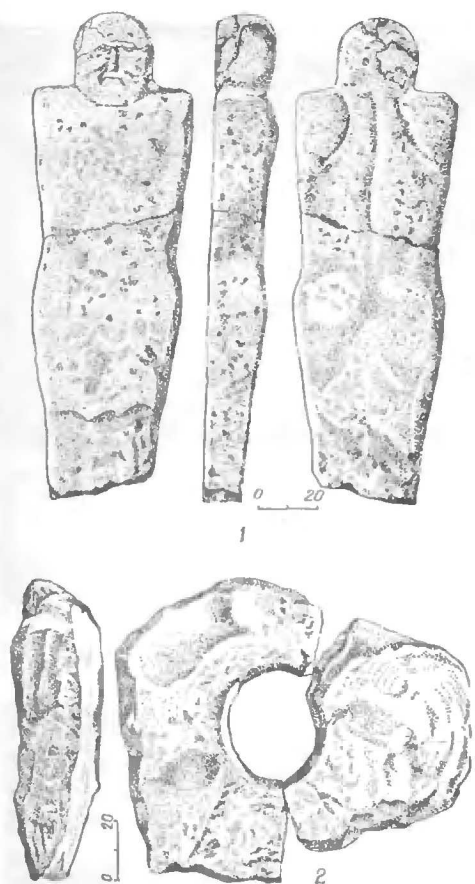

Рис. 7. Антропоморфная стела (1) и плита-постамент (2).

крывала камышовая циновка, остатки которой были обнаружены на дне входной ямы. В камеру (дно на глубине 5,4 м) вела невысокая ступенька. Большая часть погребального инвентаря, не представлявшего интерес для грабителей, сохранилась в почти неповрежденном состоянии. Под северной стеной камеры на панцире (5), разостланном на деревянном настиле и скрепленном железными скобами (9), лежал вытянуто на спине головой на запад скелет погребенного. Его сопровождали следующие предметы: детали булавы (10), щит (6), дополнительный набор защитного доспеха (7), наконечники

копья (11) и дротика (12), топор (13), кости паутственной птицы (лошадь или бык), бронзовый котел с костями овцы (14), деревянная чаша с пращевыми камнями (15). За головой погребенного был устроен тайник в виде цилиндрического углубления в полу камеры глубиной 0,3 м. В нем найден серебряный сосуд (16). Кроме того, в заполнении камеры обнаружены 15 золотых нашивных бляшек (17), фрагменты клинка меча, ворварка (18), большое количество обломков панциря (8), рукоять ножа (4), костяные изделия (19), наконечники стрел (3), фрагменты сероглиняной ойнохои (20), четыре втока коний (21).

Инвентарь погребения. 1. Стела изготовлена из плотной известняковой плиты. Круглая голова утоплена в плечи. На плоском лице выделены детали: глаза, прямой нос, рот с низко опущенными уголками. Плечи прямые, угловатые. На корпусе с лицевой стороны изображения отсутствуют. Сужениями с боков выделены талия и бедра. Нижняя часть стелы заострена. На спине рельефом показаны лопатки, позвоночник и ягодицы. Высота стелы 1,4, ширины в плечах 0,5, нижнего края 0,3, толщина плиты 0,2—0,25 м (рис. 7, 1).

2. Постамент изготовлен из необработанной известняковой плиты округлой формы, при ограблении разбитой на две части. В центре вырублено овальное отверстие размерами 0,3×0,35 м. Размеры плиты 1,2×0,3 м (рис. 7, 2).

3. Бронзовые втульчатые наконечники стрел (18 экз.); трехлопастные с выступающей втулкой, ложком до острия — 11 экз., из них шесть наконечников во всех ложках имеют тамгообразный знак — рельефную косую черту. Длина 3,1—3,9 см (рис. 8, 7, 8, 13, 14); трехгранные со скрытой втулкой, свисающими остриями граней — 7 экз., из них три наконечника имеют гладкие грани, два — с небольшим П-образным ложком в основании, два — с пеглубо-

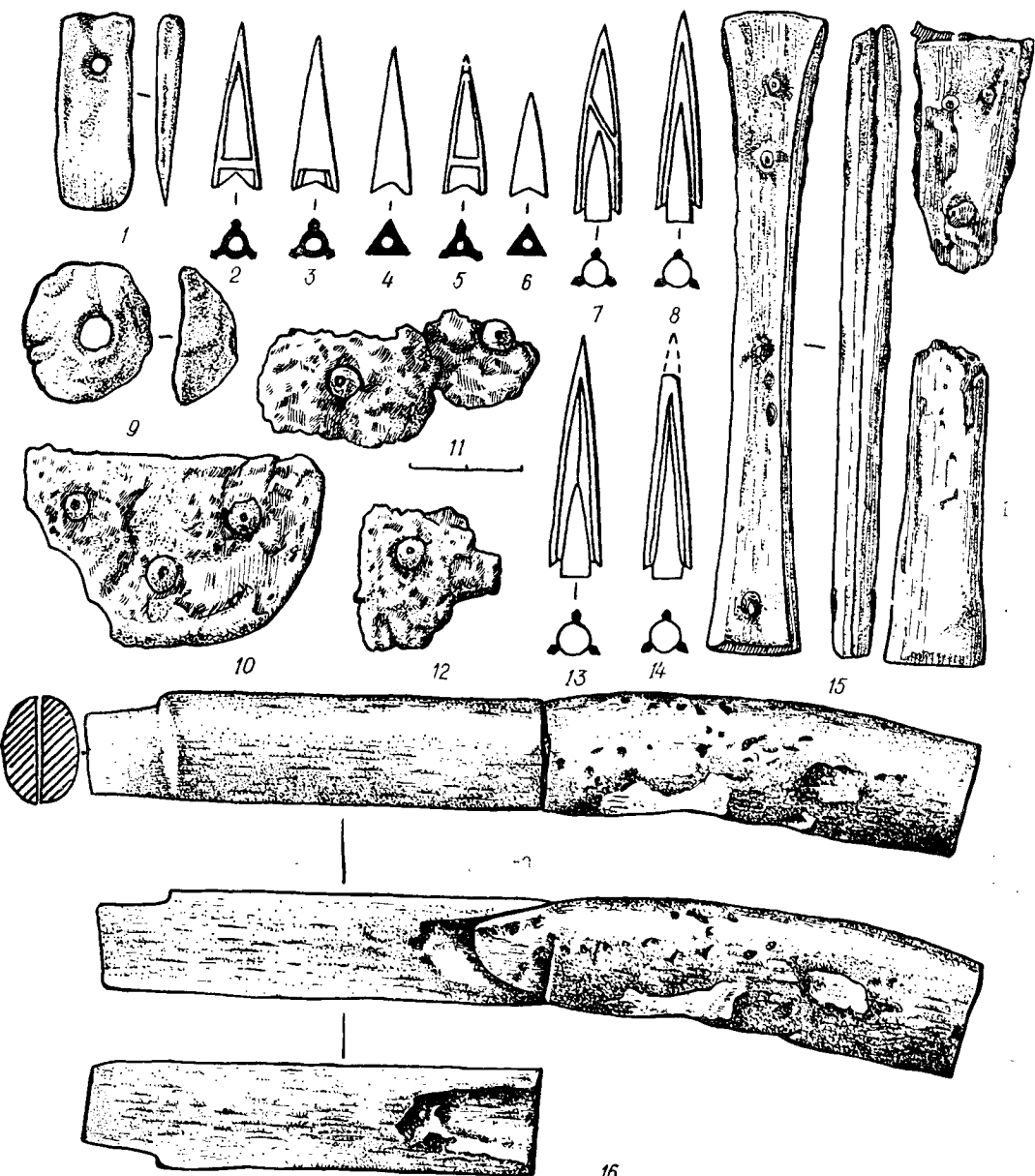

рис. 8. Находки из погребения № 1.

ким ложком до острия и горизонтальной перегородчатой чертой в основании. Длина 1,9—3 см (рис. 8, 2—6).

4. Две костяные рукояти железных ожей, восьмигранных в сечении. Одна

из них цельная, с железным клинком, закрепленным в разрезе двумя заклепками. Вторая изготовлена из двух половинок, скрепленных четырьмя заклепками. Длина 11 см (рис. 8, 15).

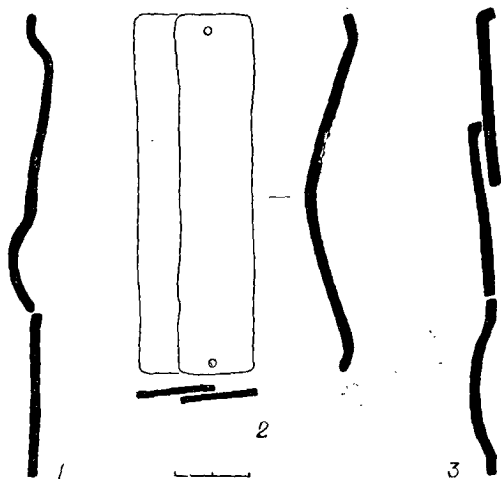

Рис. 9. Защитные пояса из погребения № 1.

5. Панцирь состоял из рубахи, пояса и штанов. Короткая рубаха прикрывала тело воина до талии. Относится к типу панцирей с оплечьями. Длина рубахи от плеча 60, ширина 70 см. Набрана из 47 рядов прямоугольных железных пластин размерами $3 \times 1,5$ см. Оплечье (сохранилось правое) прямоугольной с закругленными углами формы. Размеры 38×27 см. Набрано из 23 рядов пластин того же размера. Нагрудник состоял из трех частей — по краям из пластинчатого набора (размеры 27×15 см, 13 рядов), в центре прослежены остатки овальной деревянной пластины толщиной 1,5 см, вероятно, служившей основой для золотого украшения.

Широкий защитный пояс набран из двух рядов пластин; в верхнем — изогнутые пластины длиной 8, в нижнем — прямые длиной 4,5 см (ширина пластин в обоих случаях не установлена). Таким образом, общая ширина пояса доходила до 12,5 см (рис. 9, 1).

Короткие штаны, прикрывавшие ноги воина чуть ниже колен, набраны из 39–40 рядов пластин того же размера, что и в наборе рубахи. Ширина штанов 85, длина 58 см. Ширина штанины 44–46 см.

6. Щит бобовидной формы с железным пластинчатым набором из 14 горизонтальных рядов. Посредине верхней части щита сделан узкий прямоугольный вырез. По краям выреза в нижней части закреплены две параллельные железные втулки. Пластины набора прямоугольные с тремя отверстиями в каждой из коротких сторон. Размеры: щита — 90×44 , выреза — 8×4 , втулок — 8 при диаметре 1, пластины — 4×2 см (рис. 10).

7. Дополнительный набор защитного вооружения состоял из набедренника, двух защитных поясов и доспеха неизвестного назначения. Набедренник имел форму буквы П с длинной перекидной. Размеры 109×50 см. Верхняя часть набрана из восьми рядов прямоугольных пластин размерами 4×2 см. Прямоугольные выступы по краям размерами 24×26 см, набраны из семи рядов прямоугольных пластин размерами $3,3 \times 2$ см (рис. 11).

Пояс № 1 — широкий защитный пояс, набранный из длинных узких изогнутых прямоугольных пластин с одним отверстием в каждой из узких сторон. Размеры пластин $9 \times 2,1$ см. Сохранившаяся длина набора пояса 66 пластин — 79,5 см (рис. 9, 2).

Пояс № 2 — широкий защитный пояс, набранный из трех рядов пластин — два верхних перекрывающихся ряда набраны из прямых прямоугольных пластин размерами $4,5 \times 1,9$ см; нижний ряд, вплотную примыкающий к верхним, набран из прямоугольных изогнутых пластин размерами $4,5 \times 2$ см. Сохранившаяся длина пояса 58 см. Общая ширина пояса 12,5 см (рис. 9, 3).

Пояс № 2 частично перекрывал доспех неизвестного назначения, набранный из шести рядов прямоугольных пластин размерами $2,8 \times 2$ см и примыкавшего к ним вплотную ряда из прямоугольных пластин размером $4,5 \times 1,9$ см. Длина сохранившейся части 46 см.

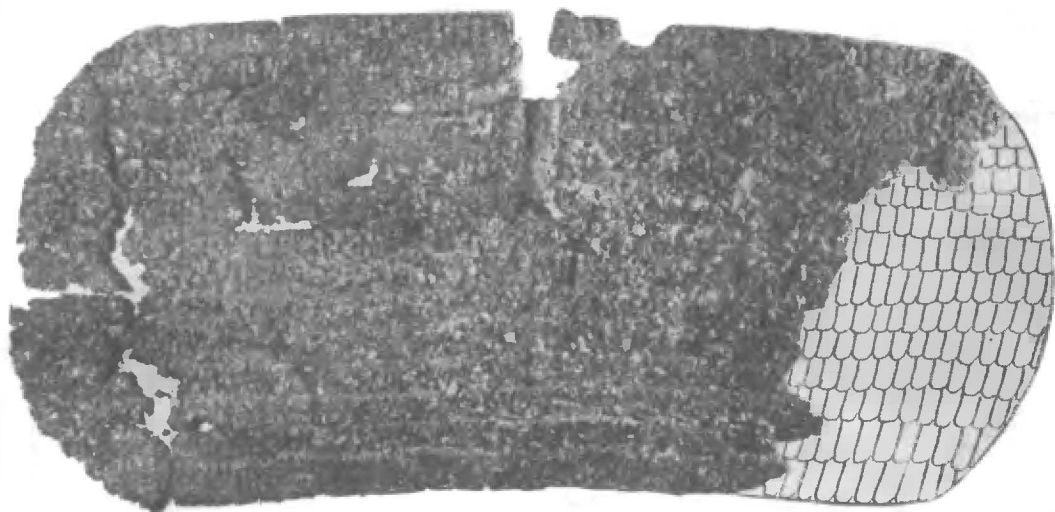

Рис. 10. Чешуйчатый щит из погребения № 1.

8. Среди обломков панциря и щита найдены одна целая и две фрагментированные конечных поясных пластины. Целая пластина полукруглая в плане, с тремя бронзовыми заклепками в виде миниатюрных ворварок. По внешнему краю обшита кожаным валиком. Размеры $5,5 \times 3,4$ см. Фрагментированные пластины, судя по всему, имели ту же форму (рис. 8, 10—12).

9. Деревянный дощатый настил сохранился частично. При разборке со-

браны железные П-образные скобы, скрепляющие отдельные доски (рис. 12, 1, 3—5, 9—11).

10. Булава состояла из свинцового шаровидного навершия с коническим отверстием, расширяющимся книзу, и бронзовой оковки основания рукоятки в виде литого диска с отверстием в центре, уплощенного с нижней стороны и невысоким бортиком с верхней. Размеры навершия: диаметр 5, диаметры отверстия 1,8 и 2,5 см. Размеры оковки:

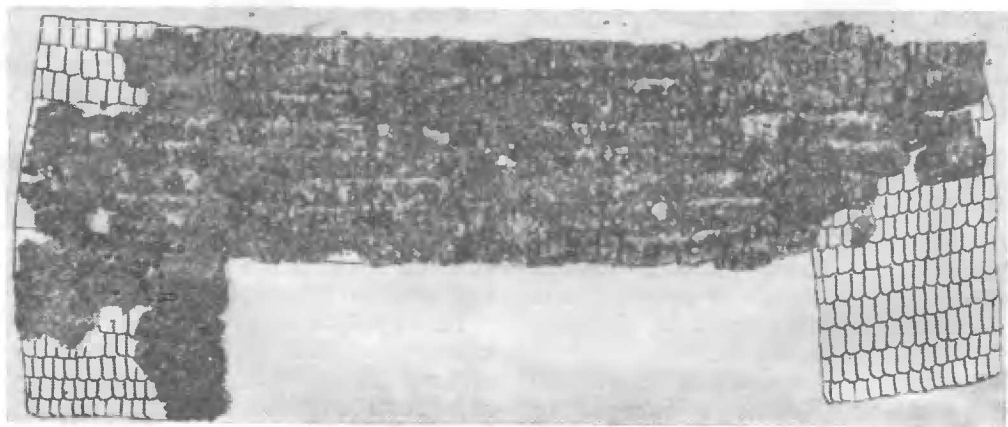

Рис. 11. Чешуйчатый набедренник из погребения № 1.

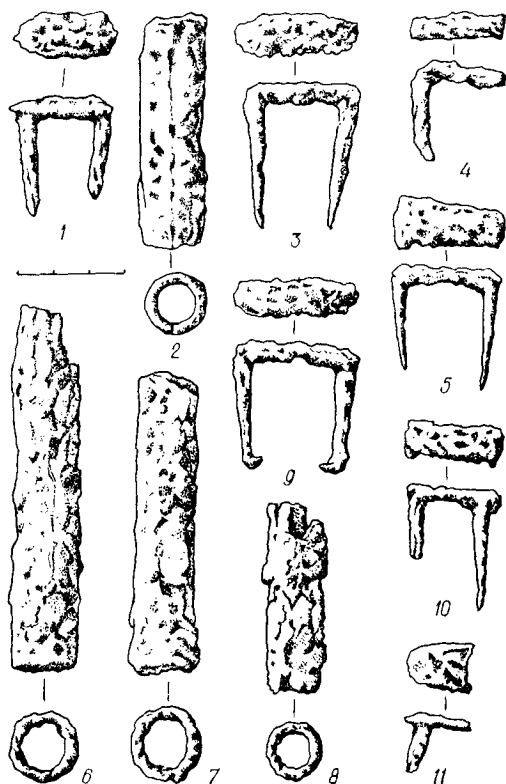

Рис. 12. Находки из погребения № 1.

диаметр диска 2,8, отверстия 0,6, высота бортика 0,4 см (рис. 13, 1, 2).

11. Железный наконечник копья с длинной конической втулкой, муфтой по краю и широким вытянутым листовидным пером со слабо выраженной нервюрой. Длина наконечника 40, пера 27 см. Ширина пера в нижней части 9 см. Диаметр втулки: внешний — 4, внутренний 2,6 см (рис. 13, 4).

12. Железный наконечник дротика с уплощенной треугольной головкой и отходящими в стороны жалами. Втулка коническая, с муфтой по краю. Длина наконечника 33, головки 5 см. Диаметр втулки 2 см (рис. 13, 5).

13. Железный проушной изогнутый топор-молоток. Лезвие в отличие от других топоров узкое. В расширяющейся средней части — круглый проух.

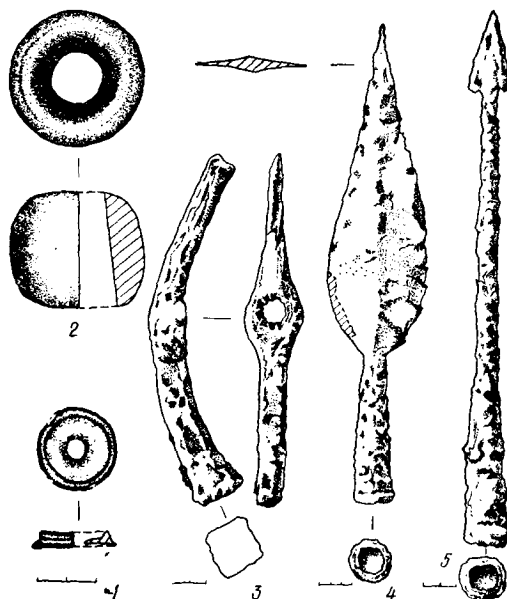

Рис. 13. Вооружение из погребения № 1.

Обушок легкий, удлиненный, квадратный в сечении. Длина топора 20, лезвийной части 8, обушка 8,6 см. Ширина лезвия 1,6, диаметр проуха 1,5 см (рис. 13, 3).

14. Бронзовый литой двуручный котел с овальным устьем. Венчик уплощен. Край его выступает наружу рельефным валиком. Ручки вертикальные, петлевидные. Под ручками на корпусе, как бы продолжая их, рельефом выделены волютовидные отростки. Корпус котла укреплен на высокой конической полый ножке. Размеры котла: устье 35 × 22 см, высота корпуса 19, ножки 9, диаметр основания ножки 9 см (рис. 14, 3).

15. Истлевшая деревянная чаша, вероятно, полусферическая, диаметром 33, высотой 9 см. В ней лежали 75 пращевых камней диаметром 3—5 см.

16. Серебряный кубковидный сосуд с лекифообразным венчиком, невысокой шейкой и шаровидным корпусом на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 7,4, шейки 6, корпуса 10,8, поддона 5,5 см. Высота 10,5 см (рис. 14, 2).

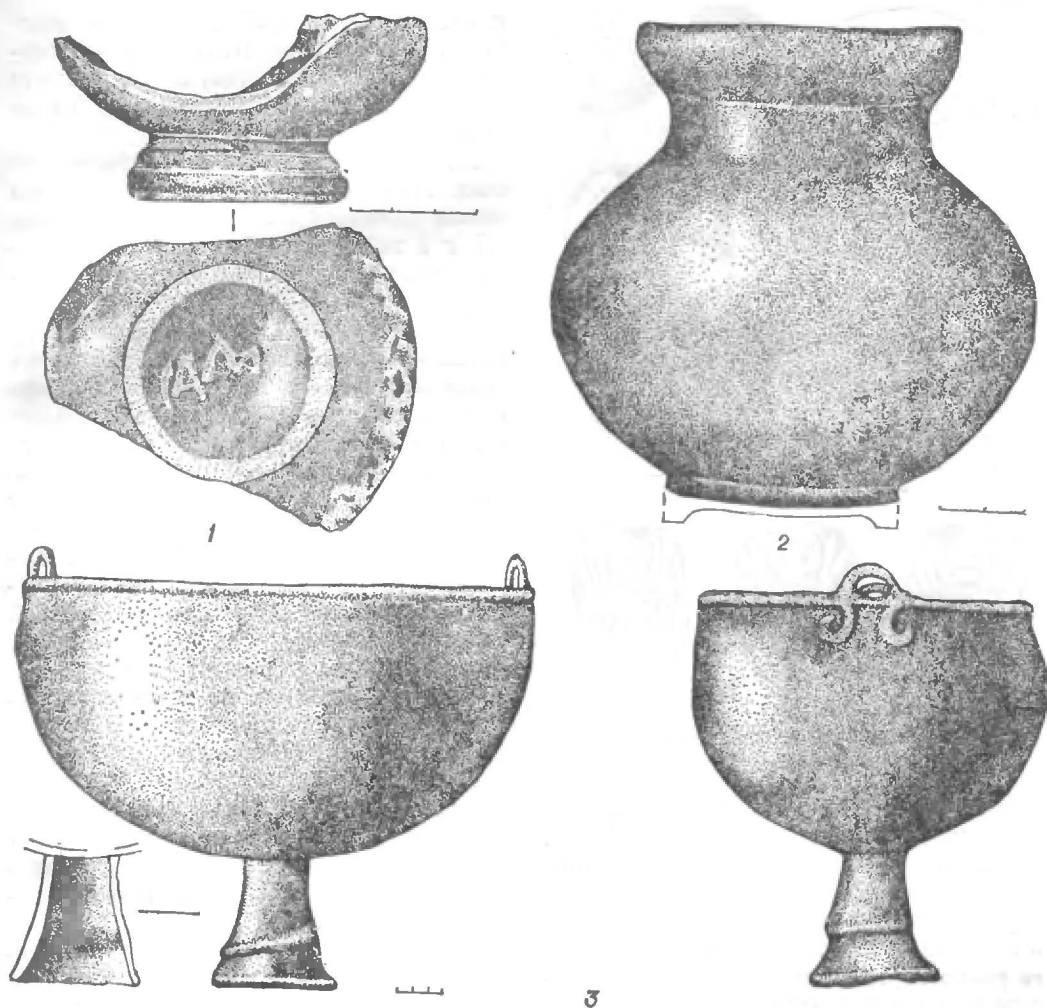

Рис. 14. Металлические сосуды и керамика из погребений № 1, 2.

17. Золотые штампованные нашивные бляшки со стилизованным изображением сфинкса с двойным туловищем. Бляшки изготовлены одним штампом. Толщина некоторых из них столь незначительна, что для использования их по назначению требовалась твердая основа. По краям бляшек пробито по четыре отверстия. Размеры $2 \times 1,6$ см (рис. 15, 1).

18. Бронзовая полая полусферическая ворварка. Высота 1, диаметр

основания 2,5, отверстия 0,7 см (рис. 8, 9).

19. Несколько костяных изделий неизвестного назначения. Среди них плоская прямоугольная пластинка, клиновидная в сечении, с отверстием в верхней утолщенной части. Через отверстие пластинка подвязывалась. В месте подвязывания от трения образовался желобок. С одной стороны заметны следы бронзовых окислов. Возможно, пластинка служила кожанной застежкой

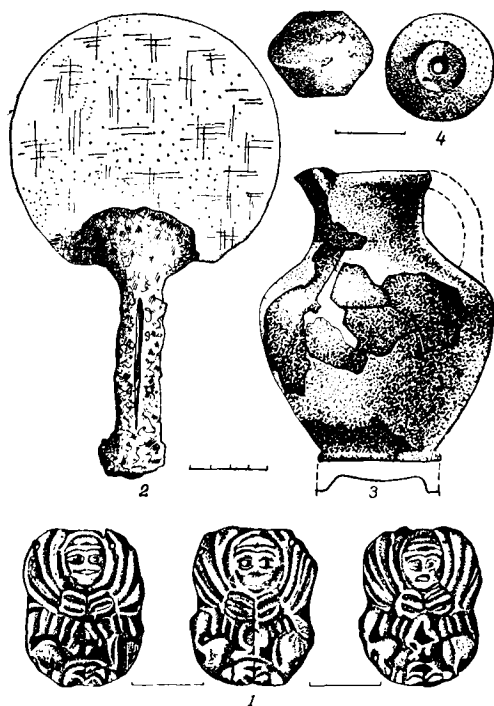

Рис. 15. Находки из погребений № 1, 2.

неизвестного типа. Размеры 3,3—1,3, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 8, 1). Остальные костяные изделия являлись составными частями одного предмета; первая часть изготовлена из овальной в сечении трубчатой кости. Один конец ее ровно обрезаю, другой оформлен надрезами с боков в виде заостренного шипа. Размеры: длина 9,5, диаметр 1,7×1,5 см. Вторая часть изготовлена из прямой овальной в сечении трубчатой кости, разрезанной по длинной оси на две части. Плоскости разреза заполированы. С одной стороны в пластинах вырезан внутренний паз, противоположный конец оформлен надрезами с боков в виде прямоугольного шипа. Размеры: длина 8,9, диаметр 0,8×1,4 см (рис. 8, 16).

20. Сероглиняная ойнохоя с отогнутым наружу венчиком. Сохранился один слив. Ручка отсутствует. Корпус

имеет максимальный диаметр в верхней трети высоты. Невысокий кольцевой поддон. Высота сосуда 15, диаметр венчика 6, корпуса 12, поддона 6,4 см (рис. 15, 3).

21. Четыре железных цилиндрических втока от копий и дротиков: два целых (длина 6,2 и 8 см при диаметре 1,7 и 2 см) и два обломанных (сохранившаяся длина 9,7 и 5 см при диаметре 1,9 и 1,4 см) (рис. 12, 2, 6—8).

Погребение № 2 (выпускное, женское) впущено в курган в 7,7 м к северу от основного погребения (рис. 16). Совершено в яме с подбоем. Прямоугольная входная яма размерами 2,6×1 м ориентирована по линии восток — запад. Дно ямы находилось на глубине 5,85 м от поверхности насыпи в месте впуска. Вход в камеру — в южной стенке. Высота свода 1,8 см. В камеру вела неровная наклонная ступенька. Подбой овальный в плане. Размеры 3,45×2 м. Дно камеры на глубине 6,15 м.

В центре камеры на истлевшем дощатом настиле, скрепленном железными скобами, скорченно на правом боку головой на запад лежал скелет женщины. Правая рука вытянута вдоль тела, левая, согнутая в локте, лежала кистью на тазовых костях. Под дощатым настилом прослежены остатки камышовой подстилки.

Погребенную сопровождали: напутственная пища (задняя часть лошади или быка) с пожом (1), лежавшая на истлевшем деревянном блюде, окованном по краю железной полоской; зеркало (2); фрагмент канфара (3); пряслице (4); железный предмет (5).

1. Железный нож с деревянной рукоятью. Сохранился черепок и часть клинка. Спинка ножа прямая, лезвие закруглено к острию. Истлевшая деревянная рукоять крепилась к черепку двумя железными заклепками. Длина сохранившейся части 8,2 см.

2. Бронзовое зеркало с железной рукоятью. Диск круглый, плоский. Рукоять имеет овальное расширение в ниж-

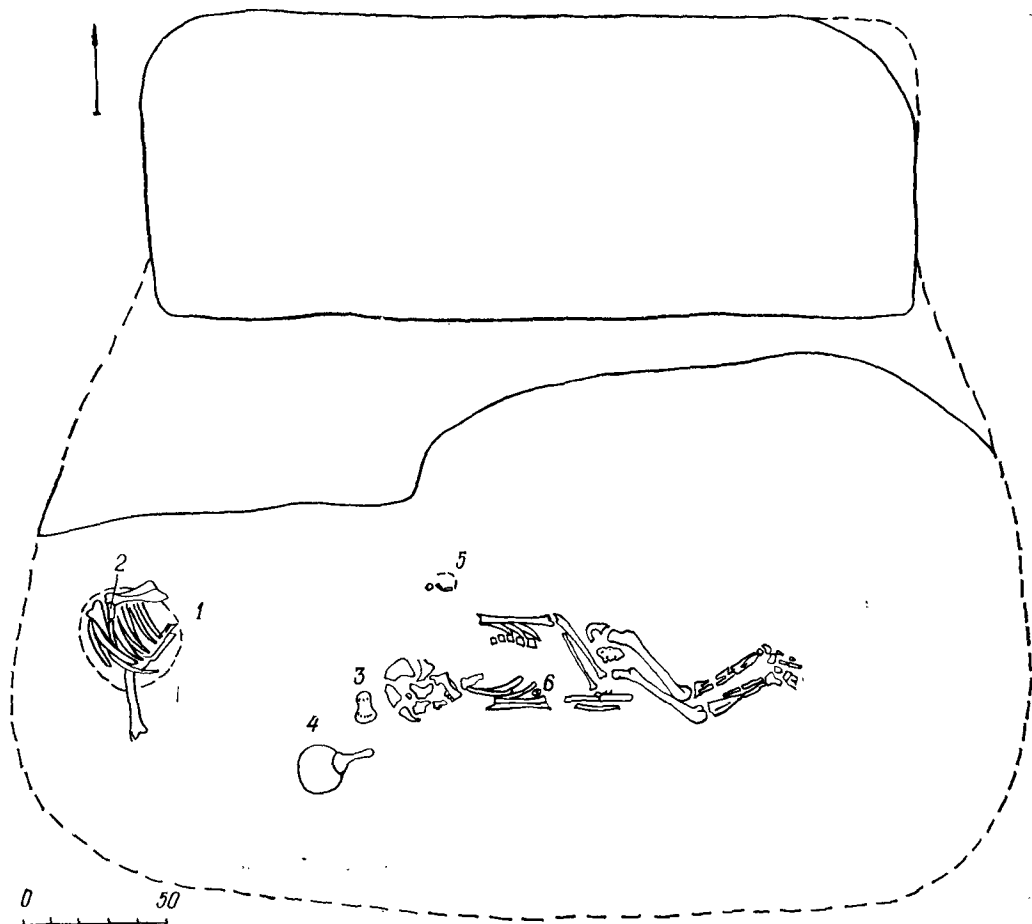

Рис. 16. Общий план погребения № 2.

ней части. Диаметр диска 15, длина ручки 14, ширина 2,8 см (рис. 15, 2).

3. Нижняя часть чернолакового канфара на невысоком профилированном кольцевом поддоне. Дно украшено кругом параллельных насечек с пятью звездообразно расположенными пальметками внутри. С внешней стороны доньшка процарапано граффито — IAM. Диаметр корпуса 8,5, высота сохранившейся части 2,5, диаметр поддона 5, высота 1,5 см (рис. 14, 1).

4. Керамическое биконическое пряслице. Диаметр средней части 1,9, отверстия 0,4, высота 1,4 см (рис. 15, 3).

5. Железный подковообразный предмет, изготовленный из железного прута диаметром 0,8 см. Концы обломаны. Вероятно, фрагмент крюка для подвешивания утвари.

Захоронение красноподольского воина по обряду продолжает серию погребений воинов на подстеленных панцирях или частях защитного доспеха (Золотой курган, Новорозановка, курган № 6 у с. Александровка²).

Красноподольский панцирь по классификации Е. В. Черненко относится к панцирям с оплечьем со сплошным чешуйчатым покрытием³. Близки к нему

панцири всадника, изображенного на Солохском гребне, и воина-дружинника из кургана у с. Новорозановка⁴. Возможно, к кругу аналогий можно было бы привлечь недавно найденный панцирь в кургане № 6 у с. Александровка. Однако ввиду краткости описания и схематичности опубликованного чертежа конструкция его осталась совершенно неясной.

Обнаруживая сходство в общей схеме, красноподольский панцирь в то же время имеет принципиально отличные индивидуальные особенности. Прежде всего короткая, до пояса, рубаша. К сожалению, частичная разрушенность доспеха не позволила определить ряд ее конструктивных деталей, в частности способ крепления оплечий, место разреза рубашки. Далее короткие, чуть ниже колен, штаны. Штаны воина из Новорозановки и Александровки выполняли функции набедренников и попожей, ноги ниже колен оставались незащищенными. Кости ног воина в погребении сохранились в неповрежденном состоянии. Предполагать наличие железных или бронзовых (судя по отсутствию окислов на костях) попожей нет оснований. Штаны красноподольского воина, исходя из их ширины и положения в погребении (в один слой основной кверху), обворачивали вокруг тела воина и соединяли спереди на животе. Разрезы штанов, вероятно, соединяли с внутренней стороны ног. Зазор между короткой рубашкой и штанами закрывал широкий защитный пояс. Следует отметить, что все три защитных пояса из красноподольского комплекса имеют неизвестную ранее схему пластинчатого набора (рис. 9).

Большой интерес представляет такой новый тип защитного доспеха, как набедренник (рис. 11). Способ одевания его такой же, как и штанов: обворачивали вокруг тела воина и скрепляли спереди на животе. Таким образом закрывались поясница, живот и ноги спереди и с боков до колен. Скорее всего,

доспех предназначался исключительно для действий на лошади. Для воина, сидящего верхом, пластинчатый набор на ягодицах и задней части ног был излишней тяжестью. Если вспомнить, что седло, применявшееся скифами Северного Причерноморья, имело вид попоны, то, вероятно, такое усовершенствование годилось и для лошади.

Щит из Красного Подола во многом сходен со щитом всадника на Солохском гребне. Незначительные различия прослеживаются лишь в форме. Всаднический⁵ щит такого типа мог быть достаточно распространенным. Возможно, что щит из Золотого кургана относился к этому же типу. Не вызывает сомнений, что этот вид щита был хорошо известен греческому мастеру-торенту, автору Солохского гребня. Верно уловив общий контур и некоторые детали, мастер совершенно произвольно соотносил их на изображении и домыслил способ крепления щита (рис. 17). Прежде всего, учитывая длину щита (около 1 м), а значит, и большой вес, размещение параллельных втулок посередине, с чисто технической точки зрения способ крепления его на железных крюках на поясе за спиной не возможен без дополнительных креплений. Для обеспечения устойчивого положения щита и свободы действия воина в бою необходимы были дополнительные крепления, по крайней мере еще в двух точках, например с помощью наплечных ремней. Следует отметить, что в рассматриваемом комплексе отсутствует что-либо похожее на крюки. Красноподольский щит, в отличие от изображенного на Солохском гребне, изгибается по горизонтали в сторону, противоположную вырезу и втулкам, что указывает на его практическое использование вверх ногами. При закреплении этого щита в положении, изображенном на Солохском гребне, центр тяжести значительно смещался от точки крепления и равновесие нарушалось еще больше.

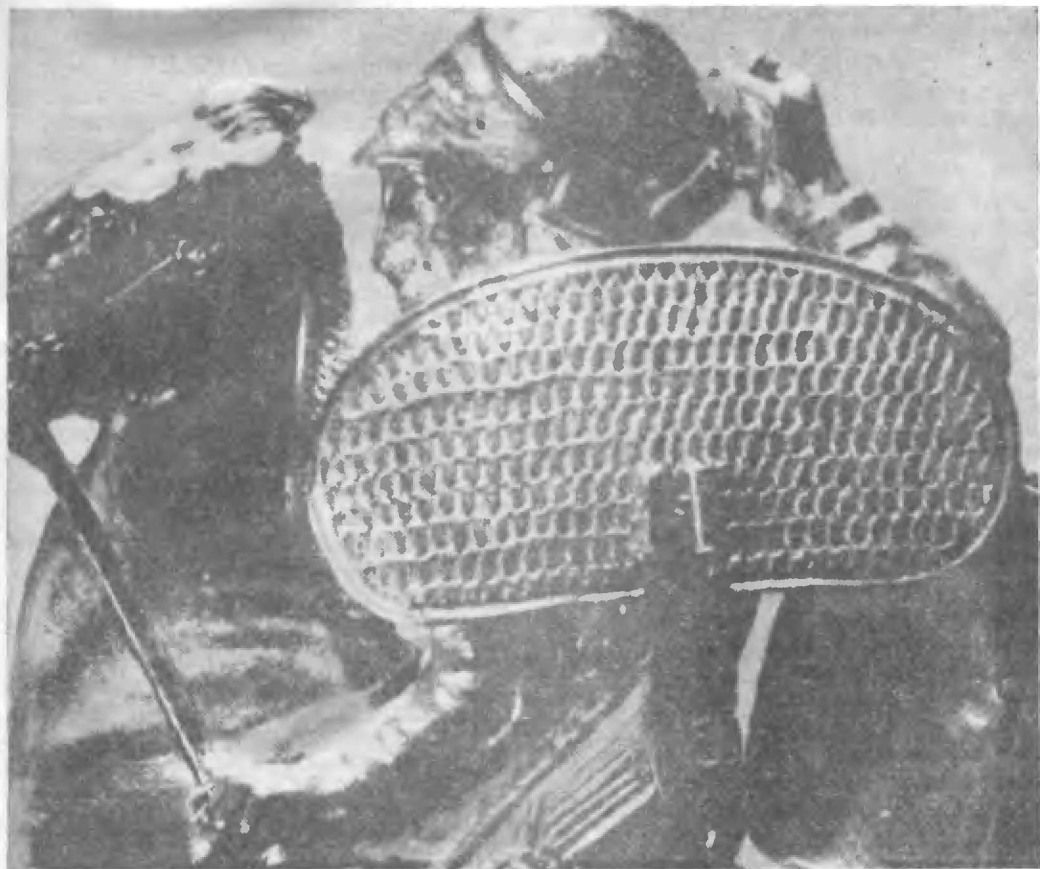

Рис. 17. Гребень из кургана Солоха. Деталь: изображение всадника.

Остался невыясненным характер основы щита. Связь пластин в наборе щита производилась, скорее всего, с помощью ремней⁶, так как следы проволоки отсутствуют. Характер связи пластин, размеры и вес щита требовали использования твердой деревянной основы.

Не исключено, что в комплект защитного вооружения красноподольского воина входил также и чешуйчатый шлем. В погребении найдено довольно большое количество разрозненных пластин, часть которых могла принадлежать шлему.

Не менее полно, по сравнению с комплектом защитного доспеха, в комплек-

се представлен набор наступательного вооружения: меч (найжены отдельные фрагменты), наконечники конья и дротика (судя по количеству втоков, коний и дротиков, в погребении их было не менее четырех), топор, наконечники стрел, булава, самый крупный из известных по количеству набор пращевых камней.

Наконечник конья в наборе представлен довольно необычной формой, до недавнего времени неизвестной в археологических находках.

Своеобразен красноподольский топор-молоток. Очень узкое клиновидное лезвие в какой-то мере сближает его с клевцами.

Необычен столь крупный по количеству набор пращевых камней в мужском погребении. Трудно сказать, так ли уж ограничено было применение пращи скифскими воинами, однако находка такого набора в погребении тяжелооруженного и, несомненно, конного мужчины-воина вносит некоторый разноречивый в устоявшиеся представления⁷.

Булава из Красного Подола дополняет немногочисленную серию изделий подобного рода, относящихся к IV в. до н. э. Служившая знаком высокого общественного положения погребенного, она при необходимости могла использоваться в качестве оружия, о чем свидетельствует увесистое (358 г) свинцовое навершие. Оковка нижней части рукояти булавы обнаружена в заполнении камеры. Если допустить, что длина рукояти должна была соответствовать расстоянию от навершия булавы до правой кисти погребенного, сохранившейся в непотроженном состоянии, то она составляла около 0,45 м. Судя по схематической зарисовке расположения вещей в боковой гробнице Солоха А. А. Бобринским, длина булавы составляла около 0,35 м⁸. Наши вычисления падают приблизительно в этих пределах. Единственной аналогией этому навершию является свинцовое навершие из женского погребения у с. Николаевка в Нижнем Поднепровье. Его функциональное назначение в качестве булавы определено предположительно⁹.

Золотые нашивные бляшки с изображением сфинкса с двумя телами сравнительно широко распространены в Прикубанье, в Поднепровье известны лишь в кургане Солоха¹⁰.

Серебряный сосуд из тайника дополняет большую серию кубковидных металлических сосудов, найденных на территории Скифии. Морфологические элементы (лекифообразный венчик, кольцевой поддон) сближают его с электровазой из Куль-Обы¹¹, серебряными сосудами из Чмыревой Могилы¹².

Золотые бляшки, серебряный сосуд, наконечники стрел прочно связывают комплекс с памятниками IV в. до н. э. Остальные вещи не противоречат этой дате. Наличие в тризне, связанной с основным погребением, амфорных клейм позволяет уточнить датировку. По уточненной схеме гераклейского клеймения Б. А. Василенко наши клейма относятся ко II (клеймо № 2) и III (клеймо № 1) типологическим группам клейм, к периоду их сосуществования. Б. А. Василенко датирует этот период концом первой — началом второй четверти IV в. до н. э.¹³

Фрагмент чернолакового канфара из впускного женского захоронения даст возможность ограничить верхний хронологический предел кургана. Типы канфаров (килико-канфаров), к которым мог принадлежать фрагмент из погребения № 2, исследователи афинской агоры относят ко второй — третьей четверти IV в. до н. э.¹⁴ Наибольшее сходство форм и характера орнамента доннышка прослеживается на чернолаковой керамике конца первой — второй четверти IV в. до н. э.¹⁵ Мы считаем наиболее приемлемой датой вторую четверть IV в. до н. э. В пределах первой половины IV в. до н. э. датируется и курган в целом.

¹ Брун Ф. Черноморье. — Одесса, 1880, ч. 2, с. 48; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Повороссия и Крым. — Спб., 1914, т. 14, с. 220.

² Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. И. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы уххоа «Самарский». — В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья. Днепрпетровск, 1978, вып. 2, с. 11—14.

³ Черненко Е. В. Скифский доспех. — Киев, 1968, с. 42, 45.

⁴ Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингул. — СА, 1970, № 3.

⁵ Соколовский Н. И. О боспорских чистах. — КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 16.

⁶ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 104, 105, рис. 55.

⁷ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, Д1-4, 1964, с. 68.

⁸ Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 156.

⁹ Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.— М., 1975, с. 104, рис. 53, 13.

¹⁰ Онайко Н. А. Античный импорт в Поднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, Д1-27, 1970, табл. 42, 816 б.

¹¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов.— Л.; Прага, 1966.

¹² Онайко Н. А. Античный импорт..., табл. 31, 443.

¹³ Василенко Б. А. О характере керамического клеймения Гераклеи Понтийской в первой половине IV в. до н. э.— Нумизматика и эпиграфика. М., 1974, т. 11, с. 5.

¹⁴ Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C.— In: The Athenian Agora. Princeton, 1970, vol. 12, p. I, II, n. 648—665, 696—700, 706—710.

¹⁵ Ibid., n. 651, 653, 655.

М. В. Горелик

ПАНЦИРНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У с. КРАСНЫЙ ПОДОЛ

Отличная сохранность большинства предметов панцирного снаряжения, обнаруженного в скифском погребении у с. Красный Подол, дает редкую возможность полной и максимально достоверной реконструкции. Небольшие разрушения коснулись лишь щита, панциря и малого набедренника. Расположение их в погребении свидетельствует о наличии двух самостоятельных комплектов оборонительного вооружения. К первому относится панцирь и большие набедренники-поножи (рис. 1, 1; 2, а). На первый взгляд, казалось бы, панцирь (длина 60 см) можно отнести к типу панцирей с оплечьями, изображенным на гребне из Солохи¹. Поскольку чешуйки лежали в один слой, получилось бы, что железом были покрыты грудь и оплечья, а спина оставалась небронированной. Известны примеры частичного бронирования чешуйчатых панцирей². Но при ширине панциря 70, «плеч» по 22 см и больших размерах целого оплечья (38×27 см) он принадлежал бы гиганту. Очевидно, доспех имел иную конструкцию.

Нагрудно-наспинная часть панциря представляет собой прямоугольное полотно с ровными боковыми краями, двумя противолежащими вырезами (большим сверху и меньшим снизу),

делящееся приблизительно на две равные части. Одна из них несколько короче другой и имела сверху небольшой округленный вырез-горловину. Панцирь был скроен в виде «куртки» с разрезом на правом боку, разрезами и завязками на плечах. На левом боку находились пройма для руки и закругленный вырез на подоле для свободного движения ног, особенно при езде верхом.

Закруглению выреза на левом боку соответствовало закругление края подола нагрудной части и справа, так что низ нагрудной части образовывал своеобразный набрюшник. Однако при подобном покрое и таких размерах панциря у него на правом боку получалась довольно широкая, более 15 см, щель. Для ее частичного перекрытия и для соединения нагрудной и наспинной частей панциря на талии использовалась (найденная под слоем чешуек подола) горизонтальная полоса набора из шести рядов чешуек, аналогичных остальным (ширина 12, длина 46 см). Видимо, один ее конец пришивался к краю наспинной части, а другой завязывался на нагруднике. Оплечья, судя по их размерам, должны были быть рукавами длиной до локтя. Исходя из их расположения в погребении, на небольших участках верхних краев они

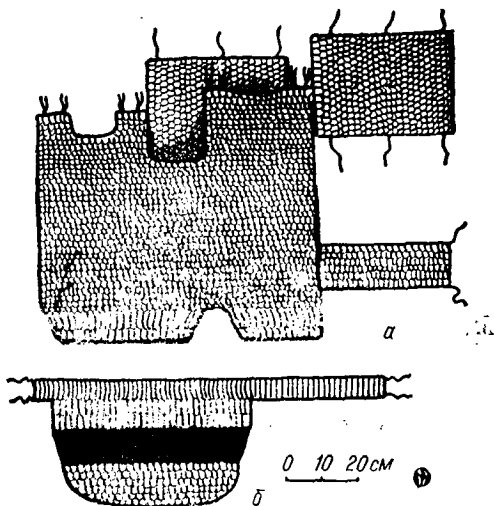

Рис. 1. Реконструкция составных частей доспеха (а — рубаха и оплечья, б — набрюшник).

пришивались к правым верхним углам нашивной и нагрудной частей.

Папцирь дополнялся широкими и длинными (ниже колен) набедренниками-попожами. Их характерной особенностью является паличие набрюшной части (длина 65, ширина 19 см), к которой и крепились лопасти, каждая длиной 60 и шириной 45 см. Верхним краем набрюшная часть, возможно, крепилась к кожаной ленте-поясу, завязывающемуся сзади или сбоку; по четыре завязки на углах имела и каждая из лопастей.

Второй комплект составляли предметы, из которых часть впервые встречается в скифской паноплии. К их числу относится почти целый малый набедренник — полоса набора длиной 109, шириной 24 см, от которой отходят две прямоугольные лопасти длиной 24, шириной 26 см. Доспех завязывался спереди, полностью прикрывая таз и ноги спереди до середины бедренной кости (рис. 2, б). Кстати, он дает нам и контрольный объем талии — около 100 см. С малым набедренником лежал еще

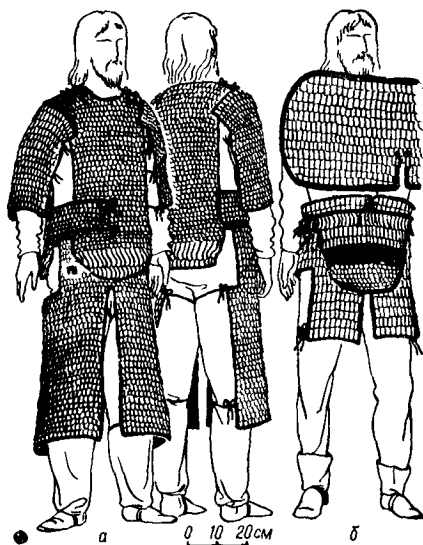

Рис. 2. Способы ношения красноподольского доспеха в разных сочетаниях.

один специфический доспех, состоявший из полосы набора из трех рядов чешуек размерами $4,5 \times 2$ см, причем чешуйки верхнего ряда слегка изогнуты, как у португейских поясов³, а сам верхний ряд выступает влево на несколько сантиметров; поверх него лежал ряд чешуек тех же размеров, но не изогнутых. Вероятно, он являлся продолжением ряда изогнутых чешуек, а вместе они образовывали пояс длиной около 100 см, тогда как длина двух нижних рядов составляла около 50 см. Снизу к ним примыкала полоса набора из более мелких чешуек. Один (длинный) край ее округлен. В погребении округленный край был обращен вверх, примыкая к нижнему краю описанной полосы набора с поясом. Но вряд ли это было ее первоначальное положение: тогда как трехрядная полоса лежала лицом вверх, сегментовидная найдена изнанкой вверх. Ее размеры (ширина — 11, длина — 48 см) говорят о том, что она составляла нижнюю часть доспеха вместе с трехрядной полосой. Видимо, между нижним краем этой поло-

сы и верхним краем сегментовидной имелся зазор из кожаной основы доспеха шириной около 10 см. В погребении нижняя часть доспеха была отогнута изнанкой наружу. Полностью доспех состоял из набедренника, скомбинированного с поясом, завязывавшемся на правом боку; спереди ширина его достигала 58, а высота около 35 см; прикрывался живот от талии до его нижней части. Кожаный зазор и набор из мелких чешуек нижней части, округлый абрис которой подчеркивал линию низа живота, обеспечивали максимальную подвижность туловища именно в тазобедренной части, что необходимо при езде верхом без стремени. Набедренник дополнял малый набедренник и носился, скорее всего, поверх него (рис. 2, б).

Широкий португейный пояс, который находился рядом со вторым комплектом, мог употребляться и с первым, так же как и большой наборный щит. Щит был необходимым дополнением ко второму комплекту, так как он надежно защищал нижнюю часть корпуса воина, оставляя открытой верхнюю.

Следует отметить особое внимание мастера-панцирника и, конечно, заказчика к защите живота, что подчеркинуто округлым нижним краем панциря и набедренника, наличием отдельного набедренника и набедренной части у больших набедренников-положей. В скифском вооружении такие случаи уже имели место. Так, у с. Бутова Долина Полтавской обл. вместе с железным панцирем В. Ю. Мурзин нашел бронзовый чешуйчатый набедренник, лежавший поверх панциря, почти равный по размерам и форме нижней части набедренника из с. Красный Подол. Эта особенность вполне понятна, если учесть, что скифские седла не имели высоких жестких луков, надежно защищающих живот, тогда как именно эта часть тела всадника была особенно уязвима со стороны пешего противника.

ДОСПЕХИ

¹ Манцевич А. П. Золотой гребень из кургана Солоха.— Л., 1962, рис. 38.

² Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев, 1968, с. 39—40.

³ Там же, с. 59.

В. В. Отрощенко

ПАРАДНЫЙ МЕЧ ИЗ КУРГАНА У с. ВЕЛИКАЯ БЕЛОЗЕРКА

Запорожская новостроечная экспедиция Института археологии АН УССР с 1968 г. ведет планомерные раскопки ближнего и дальнего курганного окружения Каменского городища со стороны Запорожской области. Исследованные скифские курганы (около 130) относятся к расцвету Скифского царства и датируются IV в. до н. э. Особое внимание среди них привлекает курган № 30 у с. Великая Белозерка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл., исследованный в 1979 г.*

Памятник находился в 10—12 км к югу от больших скифских курганов Цымбалка, Орел, Чмырев, на северной окраине села. Курган № 30 замыкал с запада группу распаханных курганов бронзового века, выстроенных по водоразделу в широтном направлении у истоков балки Магериной, выходящей к пойме р. Великая Белозерка с юга.

Насыпь полусферической формы слегка вытянута по линии север — юг, диаметры 44×40 м, высота 1,05 м. На распаханной поверхности кургана встречались мелкие камни и фрагменты стенок амфоры. Стратиграфический анализ по-

* Раскопками кургана руководила Л. Н. Жигулила.

казал, что курган сооружен в один прием над скифской могилой. Примечательно отсутствие ровика, замененного кольцевой наброской камней ракушечника. Захоронение совершено в катакомбе. Входная яма находилась в центре кургана и была окружена материковым выкидом диаметром до 14 и толщиной до 0,45 м. С севера шел свободный от выкида проход к яме шириной 1,5—2 м. В плане входная яма размерами 2,85×2,3 м имела овальную форму и была ориентирована по линии запад — восток. На глубине 1,7 м от уровня погребенного черепозема яма сужалась, образуя у южной стенки небольшой неровный выступ. На глубине 3,8 м перед входом в камеру находилась ступенька размерами 2,5×0,8 м. В заполнении ямы встречены челюсть овцы или козы и фрагменты железного дротика (?).

Камера располагалась к северу от входной ямы и имела подтрапециевидную форму, расширяясь к северу; ее размеры: 3,65×2,5×3,5 м, глубина 4,65 м. Дно камеры поднималось к северу. В затеке у дна камеры обнаружены кости старого мужчины*, в том числе трубчатые, покрытые зеленоватыми окислами; среди обломков железных вещей — фрагмент железной пластины, обломок дротика, ворварка от узды и фрагмент другой ворварки (?), обрывок золотой фольги на деревянной основе; в северо-восточном углу камеры — остатки кожи, окрашенные зеленоватыми окислами.

В северо-западном углу камеры на дне находился тайник в виде глубокой (0,75 м) суживающейся книзу ямки с подпрямоугольным устьем размерами 0,2×0,16 м. К западной стенке тайника был прислонен лицевой стороной меч в ножнах, рукояткой кверху. Вокруг устья тайника отмечены следы меловой подсыпки.

Меч состоит из железного клинка и рукояти, обтянутой тонким золотым листом; деревянные ножны с лицевой стороны украшены сплошной золотой пластиной с чеканными изображениями животных.

Клинок сильно разрушен коррозией и сохранился в фрагментах. Установлено, что меч относится к числу двухлезвийных, его клинок плавно сужается от перекрестья к острию, сечение клинка ромбическое (рисунок). Размеры меча: общая длина 65,5, длина клинка 53, ширина в основании 6,3, толщина 0,9 см. Клинок был опущен в ножны на 50 см. Рукоять и основание клинка находились над ножнами. Основание клинка покрыто золотом на длину 3 см. Плакировка приклепана к клинку тремя железными заклепками с лицевой стороны. Сохранились по три отверстия с запекшимся железом по обе стороны клинка. Плоские стороны клинка вдоль длинной оси украшены семью параллельными бороздками, сделанными на железе и продавленными на золотом покрытии основания ножен.

Рукоять меча длиной 12,2 см составляют навершие, ручка и перекрестье. Железная основа рукояти разорвала плакировку по шву со стороны выступа ножен и частично уничтожила изображение на тыльной стороне ручки. Форма навершия — антенная. В основании его с лицевой и обратной сторон имеется по паре двойных концентрических окружностей, переданных рельефом. От окружностей наружу расходятся изогнутые антенные линии, концы которых смыкаются вверх с соответствующим рельефным валиком, отходящим вверх от упомянутых окружностей. Декор навершия отдаленно напоминает стилизованные головки грифонов. Рельефно изогнутые линии и валики украшены косыми насечками по внешним наклонным плоскостям. Высота навершия 3,2, ширина 6,6, толщина 1,2 см. Прямоугольная в плане и овальная в сечении ручка имела гладкую поверхность

* Антропологические определения
С. И. Крущ.

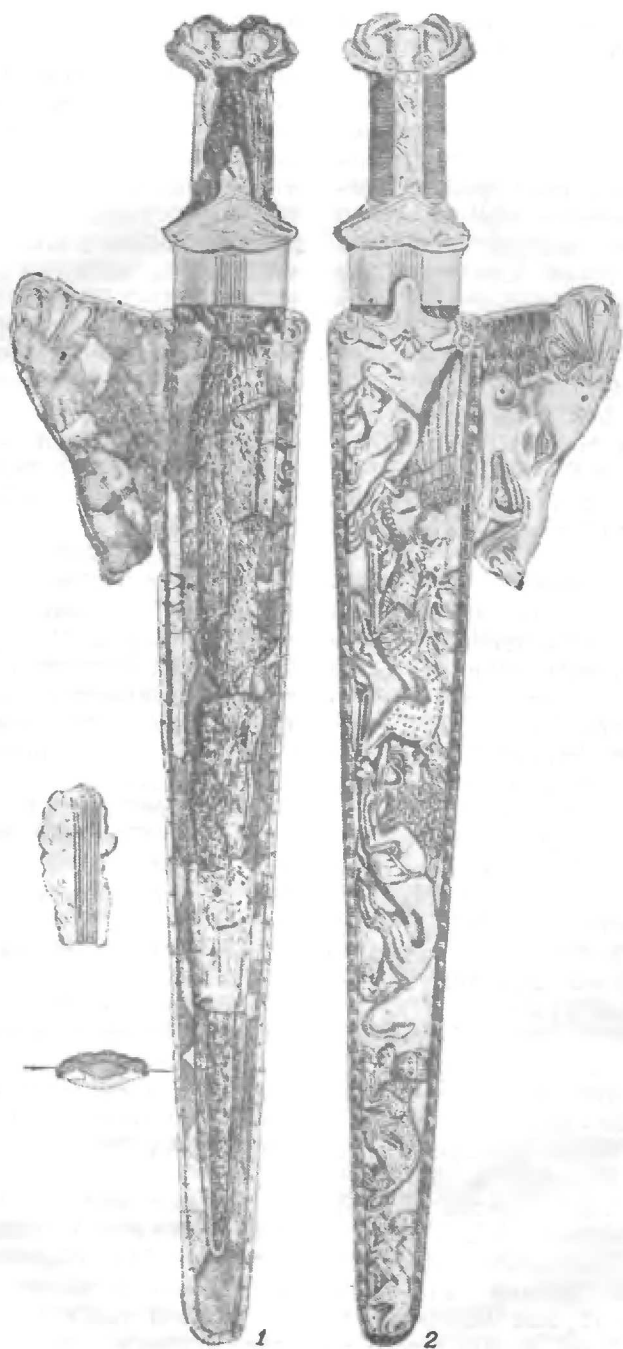

Рисунок. Лицевая (1) и тыльная (2) стороны меча и ножа.

вдоль узких граней, горизонтальное рифление по изогнутым частям и изображения на широких плоскостях с обеих сторон. В прямоугольнике лицевой стороны закомпоновано изображение оленя, лежащего на полусогнутых ногах мордой к навершию рукояти. Ветвистые рога животного сброшены вперед, нависая над мордой, а длинное ухо прижато к холке. Хвост у оленя короткий, лопатка передней ноги обведена желобком и украшена узорчатым орнаментом, как и бедро задней ноги. На тыльной стороне ручки сохранился лишь фрагмент изображения — голова косули, лежащей на полусогнутых передних ногах мордой к перекрестию и с прижатым к холке ухом. Длина ручки 7, ширина 4, толщина в современном состоянии 3,2 см.

Перекрестье (ширина 8, высота 2,5 см) рукояти, обрамленное по контуру рельефным валиком, образует тупой угол в сторону ручки и имеет две дуги, соединяющиеся в точке пересечения с продольной осью меча, изогнутые в сторону клинка. В контуре перекрестия с лицевой стороны изображены две косули, лежащие на полусогнутых ногах в геральдической позе: нос к носу, ухо к уху, копытце к копытцу. Второе ухо каждой из косул покоится на холке. У животных поджарые фигуры и длинные хвосты. Глаза косул на перекрестье и ручке переданы в виде крохотной круглой лунки.

В перекрестии с тыльной стороны меча закомпонована фигура пантеры (?) в прыжке, с выброшенными вперед передними и полусогнутыми задними ногами. Голова пантеры с оскаленной пастью обращена назад, ухо — торчком, узкий глаз передан рельефным валиком, лопатка и бедро покрыты точками, а длинный пушистый хвост — частыми косыми насечками. Кончики передних лап животного не касаются обрамления валика, что и создает впечатление прыжка.

Ножи состояли из деревянной осно-

вы, практически не сохранившейся, и обивки внешней и лицевой сторон тонким золотым листом. Пустоты между золотом и деревом заполнены белой пастой. Можно предположить, что деревянная основа ножен была составной, о чем свидетельствуют и разнородные отпечатки дерева на клинке. Золотая обивка прибита к основе ножен многочисленными золотыми гвоздиками длиной до 5 мм. Шляпки гвоздиков круглые, расклепанные; круглые в сечении и стерженьки гвоздиков диаметром 0,5 мм. Расстояние между гвоздиками (около 1 см) выдерживалось строго, отклонения составляют 1—2 мм. Размеры ножен по обивке: длина 54, ширина устья 8,5 и закругленного окончания 3 см. Устье начинается шипом высотой 1,8 см и шириной основания 1,2 см; толщина ножен около 1 см. К устью примыкает боковая лопасть подтреугольной формы. В углу лопасти круглое отверстие диаметром 0,7 см для крепления ножен к поясу. Длина основания лопасти 12,5, высота 7,3 см.

Изображения на лицевой стороне ножен выполнены в технике высокого рельефа по матрице с последующей проработкой деталей чеканкой. Описание изображений даем с лопасти и далее, от устья ножен — к узкому окончанию.

Голова дикого кабана в профиль занимает всю плоскость лопасти. Изображение стилизовано: спиральными завитками переданы поздри, зуб, волосы на загривке, окончание нижней челюсти у шен, а вместо уха — растительная пальметка со сложным завитком и стилизованной утиной (?) головкой. Тщательно проработан глаз животного с морщинами вокруг века и зрачком, высокий изогнутый клык приподнимает верхнюю губу, обнажая зубы, кончик носа выдается мыском вперед на 2 см от боковой грани ножен. На покато лбу кабана процарапана надпись «ІПОРІ». Первая и третья буквы искажены случайными насечками. В целом

голова кажется несколько вытянутой, расстояние от кончика уха до кончика носа 16,5, высота от нижней челюсти до уха 7,3 см.

Композиция на лицевой стороне пластины обрамлена сегментированным валиком, имитирующим ожерелье из бочковидных бус. Устье украшено в основании шипа пальметкой и стилизованным изображением грифо-баранов (?) по сторонам. В таком обрамлении подается традиционная для греко-скифского стиля сцена терзания оленя грифоном и львом.

Грифон изображен хвостом к устью, слева и спереди от оленя. Это сильный поджарый хищник с мощными лапами, изогнутым туловищем, которое заканчивается длинным хвостом с треугольной кисточкой. Тщательно проработаны огромные крылья грифона, их оперение передано частыми косыми насечками. Шея увенчана четырьмя драконьими шипами. Три рельефных пера обрамляют шею грифона в месте перехода ее в орлиную голову с высоко торчащими ушами. Шерсть на груди и шее снизу передана сегментированным валиком. Круто изогнутый книзу клюв впился в шею оленя. Круглый рельефный значок вздулся от напряжения. Мышцы на львином туловище грифона переданы плавно изогнутыми линиями и спиральными завитками. Задние ноги полусогнуты, а передние вытянуты вперед, между ними зажата левая передняя нога оленя.

Олень, занимающий центральное место в композиции, упал на согнутые передние ноги. Левая задняя нога полусогнута, а правая стала добычей льва. Голова оленя резко запрокинута, запавший глаз открыт, виден ввалившийся круглый значок. Ветвистые рога и длинные уши опущены на спину. Шерсть на шее и груди оленя, так же как и грифона, снизу передана сегментированным валиком. Изогнутыми выступами подчеркнуты ребра, а туловище и шея покрыты двойными коротки-

ми насечками, имитирующими шерсть, хвост короткий.

Лев помещен справа от оленя и замыкает сцену терзания. Оскаленная львиная пасть опустилась на зажатую его передней левой лапой заднюю ногу оленя. На носу у льва вздулись две поперечные морщины. Аналогичные тонкие морщинки видны на носу оленя. Так, одним изобразительным приемом мастер показывает силу хищника и обреченность жертвы. Ухо льва прижато к холке, грива передана широкими рельефными завитками, изогнутыми вверх, подчеркнуты сухожилия могучих лап, ребра. Передняя правая лапа льва опущена на круп оленя, задняя левая находится под ребрами, а задняя правая служит ему упором. Кончик длинного хвоста хищника с треугольной кисточкой загнут кверху.

Две пантеры, изображенные справа от льва, завершают композицию на ножнах. Ближняя ко льву пантера крупнее. Она опустилась на согнутые передние ноги, в то время как круп ее приподнят на полусогнутых задних. Нос хищника касается правой передней лапы, подчеркнуты ноздри, мясистые щеки, глубоко посаженные глаза, челка, стоящие торчком уши, обращенные к зрителю раковинами. Лопатка передней ноги окаймлена выемкой. Шерсть пантеры воспроизведена характерными парными и тройными насечками, удачно имитирующими пятнистость, а волосы на брюхе — сегментированным валиком. Длинный хвост с треугольной кисточкой загнут кверху. Меньшая пантера закомпонована в сужающееся окончание ножен. Она лежит, припав к передним лапам и слегка приподняв круп. Ее шкура покрыта насечками, имитирующими пятнистость, а длинный хвост с треугольной кисточкой загнут кверху.

Результаты пробирного анализа: золото, покрывавшее ножны и рукоять, 583 пробы. Вес обивки ножен 217,4, рукояти с остатками железа 318,3 г. Меч

передан на постоянное хранение в Музей исторических драгоценностей Украинской ССР.

Украшение ножен пластиной только с одной стороны указывает на относительно поздний возраст белозерской находки в ряду скифских парадных мечей. Ближайшей аналогией мечу из Великой Белозерки является меч из кургана Куль-Оба¹. Композиции на лицевой стороне ножен обоих мечей совпадают полностью. Частично совпадают надписи: «ПОРПАХО» — на ножнах из Куль-Обы и «ПОРІ» — на белозерских. Различия между упомянутыми мечами прослеживаются лишь в оформлении лопасти и рукояти. Сопоставимость с мечом из Куль-Обы позволяет датировать меч из кургана № 30 у

с. Великая Белозерка последней третью IV в. до н. э.

Исходя из сходства основной композиции на мечах высказывались предположения о серийности производства скифских парадных мечей². Отсутствие деревянной или бронзовой матрицы под обивкой белозерских ножен свидетельствует о возможности изготовления нескольких обивок по одной матрице. Вероятно, их создавали на Боспоре.

¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. — Прага, 1967.

² Черненко Е. В. О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 67—69.

Ю. С. Гребенников, Д. П. Недопако

СКИФСКИЙ МЕЧ С НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

В 1957 г. житель г. Вознесенска Николаевской обл. А. И. Козицкий в песчаном карьере в пойме Южного Буга нашел меч. Место находки было обследовано, но поскольку материалов, свидетельствующих о существовании поселения или могильника, обнаружено не было, пришли к выводу, что это случайная находка.

Меч железный, клинок обоюдоострый, плоский в сечении, острие сломано в древности. Перекрестье бабочковидное, наложенное, лопнувшее с одной стороны. Рукоять меча довольно узкая, овальная в сечении, оканчивается загнутым в виде птичьих когтей антенным навершием. В древности рукоять была украшена накладной железной фольгой со штампованным орнаментом. По оставшейся части можно восстановить рисунок орнамента (рис. 1). В месте перехода рукояти к усикам имеются округлые выпуклости, возможно, имитация глаз.

Длина меча от крайней точки завитков рукояти до места излома равна 42, длина рукояти до перекрестья 8, ширина лезвия у перекрестья 6,2, в месте излома 3,4, ширина рукояти 2,3 см, толщина лезвия в средней части 4,5 мм, толщина рукояти 10,5 мм. В целом, длина меча достигла не менее 60 см, т. е. по типу он относится к разряду длинных мечей с антенным навершием, трактованным в зверином стиле, и полностью отвечает описанию мечей II отдела I типа по А. И. Мелюковой¹. По оформлению рукояти ему ближе всего меч из кургана Солоха, но обкладка последнего выполнена из золота, сам меч имеет ложнотреугольное перекрестье и датируется несколько более поздним временем². Мечи с бабочковидным перекрестьем датируются в пределах V в. до н. э.³

В лаборатории физико-химических методов исследования археологических материалов Института археологии АН

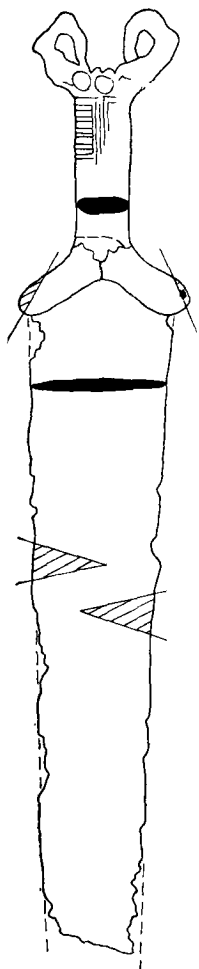

Рис. 1. Внешний вид меча.

УССР провели металлографическое исследование металла меча. Для анализа были взяты четыре образца: по два из лезвия и перекрестья.

Металл лезвия меча содержит значительное количество точечных неметаллических включений, равномерно распределенных. В центральной части лезвия наблюдаются вытянутые напластности (рис. 2, г).

Микроструктура металла лезвия содержит в основном мелкозернистый феррит (рис. 2, а, б). Зерна равноосные, но на одной стороне лезвия обнаружена слабая вытянутость зерен (рис. 2, в). Микротвердость феррита составляет 210, а в зоне вытянутых зерен — 232—257 кг/мм².

Мелкозернистый характер микроструктуры свидетельствует об интенсивной проковке металла в горячем состоянии. Причины для образования зоны вытянутых зерен может быть несколько. Возможно, когда кузнец ковал этот участок лезвия, металл уже остыл до температуры ниже температуры начала рекристаллизации, что и привело к фиксации деформированных зерен. Возможна и другая причина. Поскольку меч изготовлен из чистого железа, он мог в процессе использования погнуться. Исправление этого дефекта в холодном состоянии и привело к образованию такой структуры.

Таким образом, микроструктурное исследование показало, что лезвие меча

изготовлено из одной железной заготовки без каких-либо следов преднамеренной упрочняющей обработки (цементации, закалки и т. д.).

Что касается высокой твердости феррита, то следует отметить, что такое явление для древнего железа не является исключением. Исследования, проведенные разными авторами, показывают, что твердость феррита у железа всех эпох повышена. Феррит с нормальной микротвердостью (90—140 кг/мм²) встречается не так часто.

Это явление подлежит тщательному изучению. Пока можно наметить два объяснения такому эффекту. Во-первых, его можно связать с протеканием процессов старения, т. е. образования в феррите мельчайших частиц карбидов за счет углерода, первоначально растворенного в феррите. Исследования в этом направлении уже проводились⁴, однако не дали убедительного ответа на поставленный вопрос, который в данном случае сводится к тому, достаточно ли было растворено в феррите углерода, чтобы со временем обеспечить такое повышение микротвердости.

Во-вторых, повышение микротвердости можно связать с наличием в металле мельчайших частиц шлака, которые образовались за счет дробления крупных включений в процессековки. Эта гипотеза может быть подтверждена тем фактом, что конец меча был обломан в древности, ибо металл с микротвердостью свыше 200 кг/мм² обладает повышенной хрупкостью. Кроме того, в древнем железе, в большинстве случаев насыщенном шлаками, всегда есть источник мелких шлаковых включений.

Это объяснение повышенной твердости древнего железа имеет важное значение для изучения древних технологий. Если верно первое из них, то мы не можем говорить о том, что использовалось чистое железо, так как для образования карбидных частиц в процессе старения в железе должно быть

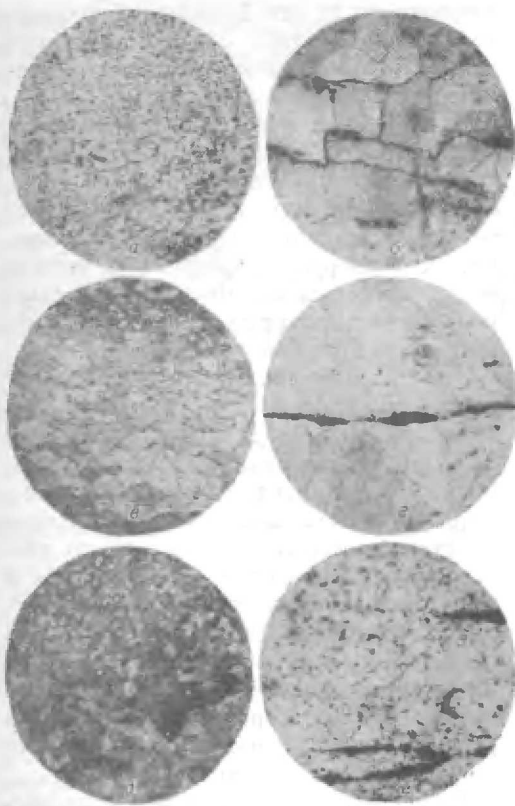

Рис. 2. Микроструктура металла меча:

а — лезвие ($\times 90$); б — лезвие ($\times 200$); в — зона вытянутых зерен ($\times 90$); г — центральная часть лезвия ($\times 200$); д, е — рукоять ($\times 90$).

растворено значительное количество углерода.

Если же верна вторая гипотеза, то следует пересмотреть взгляд на интенсивную прокатку, как средство удаления шлаков из металла, так как в этом случае шлаки не только удаляются из металла, но и дробятся, оставаясь в нем. Неизвестно соотношение количества удаленного шлака и оставшегося в металле. Во всяком случае, изучение микроструктуры феррита древнего железа при больших увеличениях ($\times 700-800$) показывает наличие в нем мельчайших частиц, природа которых пока неясна.

Микроструктура перекрестья также ферритная, однако зерно здесь крупнее,

чем на лезвии (рис. 2, д, е). Такая структура образовалась из-за перегрева металла ввиду небольшой толщины заготовки. Микротвердость феррита составляет 161—210 кг/мм². В данном случае подтверждается вторая гипотеза повышенной твердости, так как тонкая заготовка не требовала усиленной проковки и шлаки не измельчались.

Изучение поверхности шлифов перекрестья позволяет сделать вывод, что соединение концов заготовки перекрестья осуществлялось у середины лезвия меча, а не в районе его острия.

Таким образом, исследование структуры и технологии изготовления меча показали, что он не отличается от многих аналогичных изделий, обнаруженных на территории Стени и Лесостепи⁵. Вместе с тем следует отметить, что экземпляры с таким плоским лезвием пока не обнаружены, а все известные до сих пор мечи имеют ромбическое или липзовидное сечение⁶.

Меч из Вознесенска расширяет круг памятников V в. до н. э. в Нижнем Побужье и дает возможность предполагать, что боевое оружие иногда изготовлялось не в специализированных мастерских, а непосредственно на месте в примитивных условиях и, возможно, из полуфабрикатов.

¹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САН, Д-4. 1964, с. 55, табл. 20, 10, 11.

² Там же, табл. 20, 6.

³ Мерперт Н. Я. Акинак с когтевидным навершием. — КСИИМК, 1948, вып. 22, с. 74 и сл.; Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 55.

⁴ Иванишвили Г. А., Орлов Л. Г., Тавадзе Ф. И., Углевский Л. М. Электронно-микроскопическое исследование структуры археологического железа. — Известия АН СССР, Металлы, 1976, № 1, с. 243.

⁵ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. О. Техника изготовления скифской наступальной брони из железа и стали. — Археология, 1970, вып. 23, с. 40—59.

⁶ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Техника обработки железа в Лесостепной Скифии. — СА, 1963, № 4, с. 36—57.

САРМАТСКИЕ МЕЧИ И КИНЖАЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В настоящей работе рассматриваются мечи и кинжалы, найденные в сарматских погребениях, и случайные находки на территории Северного Причерноморья, от Дона до Дуная, т. е. на территории обитания собственно сарматских племен (рис. 1). В позднескифских и античных памятниках юга Украины и Крыма также встречаются мечи и кинжалы сарматских типов. Без сомнения, находки их на этой территории следует рассматривать как результат влияния военного искусства и вооружения сарматов. Однако это оружие, не являясь собственно сарматским, не вошло в предлагаемую работу, как заслуживающее отдельного исследования.

Мечи и кинжалы — виды оружия, наиболее часто встречающиеся в сарматских памятниках на территории Северного Причерноморья. Автором, кроме находок на территории Крыма и Молдавии, учтены находки 71 меча и кинжала различных типов.

Поскольку в археологической литературе, посвященной этим видам оружия, до сих пор нет единого мнения, клинок какой длины нужно считать кинжалом, а какой — коротким мечом, предлагается считать кинжалом оружие с клинком длиной до 30 см. Остальные, более длинные клинки, могут быть признаны мечами. При этом критерием должно послужить назначение меча — прежде всего для рубки как с коня, так и в пешем строю, в связи с чем не может быть сильно укороченным. В пользу этого мнения говорят факты совместных находок коротких и длинных клинков, т. е. явно мечей и кинжалов. Причем короткое оружие имеет клинок длиной не более 30 см. Так, в погребении 10 кургана 20 у с. Политотдельское короткий меч (как он назван в публикации¹) имел с рукоятью длину

33 см. Длина клинка кинжала с кольцевым навершием, найденного вместе с длинным прохоровским мечом в погребении 2 кургана 11 могильника Кара-Оба равнялась 30 см². В погребении 17 кургана 19 Калиновского могильника длина кинжала, найденного вместе с длинным мечом, составляла 41,7 см с рукоятью, а длина самого клинка (судя по рисунку) — 30 см³.

Традиционное разделение мечей и кинжалов по форме клинка на так называемые колющие с лезвием, начинающим резко сужаться прямо от пяты, и рубящие с параллельными лезвиями может и удобно для типологического и морфологического анализов, но, очевидно, не совсем верно отражает историческую картину. Если учесть, что рубящие и колющие клинки обоюдоострые, то совершенно очевидно, что колющий удар можно было нанести клинком и того и другого типа. С другой стороны, рубить в пешем, и особенно в конном строю, даже учитывая малый рост древних лошадей⁴, клинком короче 30—35 см было трудно. В. Федоров отмечал, что клинок холодного оружия кавалериста должен быть такой длины, чтобы всадник, нагнувшись с седла, мог концом клинка достать до земли⁵. Разумеется, это положение трудно безоговорочно принять в качестве показателя при изучении древнего оружия. Вполне возможно, что одной из причин бытования в скифо-сарматское время коротких мечей является уже упомянутый малый рост лошадей.

У сарматских кинжалов, т. е. оружия, предназначенного именно для колющего удара, в массе своей клинки с параллельными лезвиями, которые по традиционным понятиям являются рубящими. Ряд мечей с клинком длиннее 40—50 см имеет треугольную форму

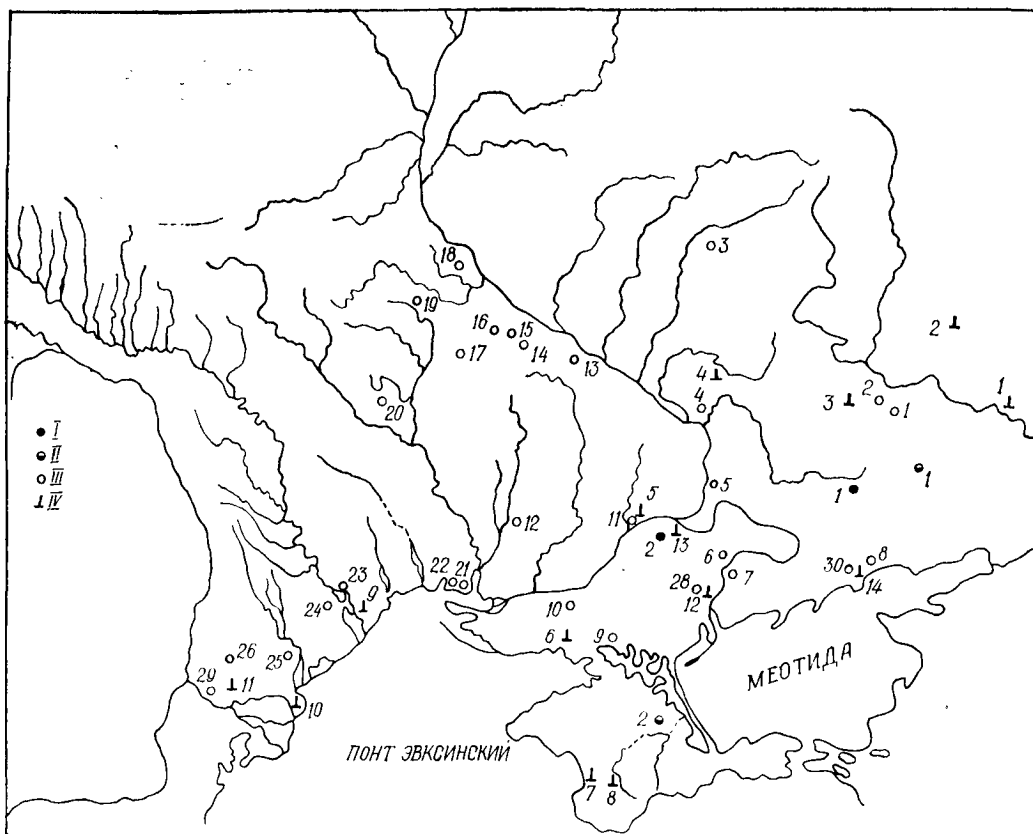

Рис. 1. Ареал сарматских мечей и кинжалов:

I — мечи с серповидным навершием: 1 — Гришино; 2 — Великая Белозерка. II — мечи с антенновидным навершием: 1 — Новолуганское; 2 — Чкалово. III — мечи с кольцевым навершием: 1 — Славянск; 2 — Пересадная; 3 — хут. 8 Марта; 4 — Подгородное; 5 — Днепрострой; 6 — Долина; 7 — Новофилипповка, Аккермень; 8 — Приморское; 9 — Павловка; 10 — Причольное; 11 — Усть-Каменка; 12 — Соколовка; 13 — Калантаево; 14 — Жаботип; 15 — Смела; 16 — Залевки; 17 — Васильков; 18 — Куриловка; 19 — Березинцы; 20 — Текуча; 21 — Ольвия; 22 — Большая Черноморка; 23 — Беляевка; 24 — Олонешты; 25 — Глубоково; 26 — Огородное; 27 — Островец; 28 — Водославка; 29 — Плавин; 30 — Шевченко. IV — мечи с рукоятью-штырем: 1 — Николаевка; 2 — Нежеретово; 3 — Прелестное; 4 — Перещепино; 5 — Усть-Каменка; 6 — Каланчак; 7 — Усть-Альминское городище; 8 — Неаполь Скифский; 9 — Маяки; 10 — Приморское; 11 — Криничное; 12 — Водославка; 13 — Балки; 14 — Шевченко.

клинки, хотя назначение их для рубки не вызывает сомнения. Скорее всего, и колющими, и рубящими клинками наносили любые удары, в зависимости от обстоятельств схватки, а форма клинка обуславливалась какими-то другими соображениями (этническая или производственная традиция?). Несомненно, главной функцией меча во все эпохи было нанесение рубящего удара с коня или в пешем строю, косвенным свиде-

тельством чего для скифо-сарматского времени является, на наш взгляд, наличие на скифских и сарматских панцирях оплечий. Как известно, при рубке в конном строю удар чаще всего направлен на основание шеи противника, т. е. в плечо.

Из учтенных мечей и кинжалов с серповидным навершием — 2, антенновидным — 2, кольцевым — 43, рукоятью-штырем — 14 экз.

Мечи и кинжалы с серповидным навершием. Этот вид оружия, являясь господствующим в прохоровское время (IV—II вв. до н. э.), представлен в основном в памятниках Приуралья, Подонья и Поволжья⁶. На исследуемой территории, где памятников этого времени очень мало⁷, известно всего два экземпляра: один из впускного прохоровского погребения близ с. Великая Белозерка Запорожской обл., второй найден случайно близ с. Гришино Красноармейского р-на Донецкой обл.* Подробный анализ клинка из Великой Белозерки сделан И. П. Савовским. Не останавливаясь на нем подробно, приведем лишь морфологические характеристики. Это фрагментированный короткий меч** с прямым перекрестьем со слегка опущенными концами, длинным серповидным навершием, плоской рукояткой и ромбовидным в сечении клинком с невысоким ребром, идущим по центру клинка (рис. 2; 3, 2). Вместе с ним найден обломок бронзового псаля с зооморфным окончанием. Меч датируется III в. до н. э.⁸

Меч из с. Гришино имеет длинное серповидное навершие, узкую подпрямоугольную в сечении рукоять, неширокое дуговидное перекрестье и клинок, сужающийся к острию от пяты. Длина клинка 38, ширина у пяты 4,2 см. Клинок линзовидный в сечении, без ребра (рис. 3, 1). Прослеживается сочетание архаических и более поздних признаков. Дуговидное перекрестье характерно для раннепрохоровских клинков (IV в. до н. э.⁹, с III в. до н. э. уже бывает только прямое¹⁰). Однако меч из Гришино имеет навершие развитого прохоровского типа; в IV в. до н. э. оно

Рис. 2. Меч из Великой Белозерки.

еще короткое, слегка изогнутое, не отошедшее от своей исходной формы — сломанного под тупым углом савромат-

* Хранится в Донецком краеведческом музее. Выражаю благодарность В. И. Костенко за любезно предоставленную информацию об этом мече.

** И. П. Савовский называет его кинжалом, однако реконструкция длины клинка (около 38 см) позволяет считать этот экземпляр коротким мечом.

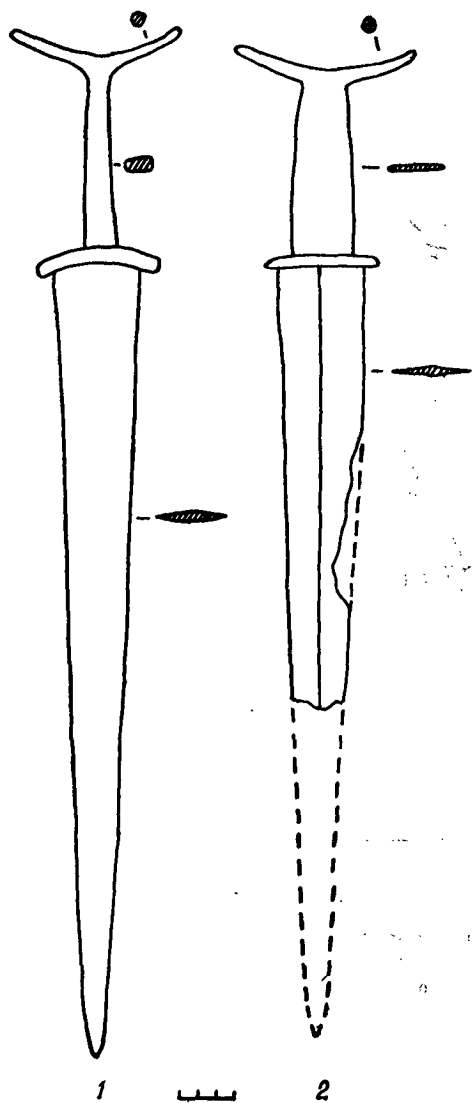

Рис. 3. Мечи с серповидным навершием:
1 — Гришино; 2 — Великая Белозерка.

ского брусковидного¹¹. На основании этого, несмотря на отсутствие датировочного материала, меч из Гришино можно довольно определенно отнести к рубежу IV—III в. до н. э.

Проникновение сарматов в Скифию зафиксировано раннесарматскими погребениями¹². Этому вопросу посвящен

ряд работ современных исследователей¹³. По сообщениям античных авторов (Диодор Сицилийский, Лукиан, Полиен и др.), продвижение их сопровождалось войнами, в результате которых сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»¹⁴.

Вопросы взаимоотношений скифов и сарматов в момент их столкновения еще далеки от окончательного решения. Примечательно, что ряд раннесарматских погребений на территории Северного Причерноморья — воинские и содержат они оружие (Вороная, Яремовка, Михайловка, Ушкалка, Великая Белозерка, Квашино). Заслуживают внимания и так называемые клады с фаларами и другими принадлежностями снаряжения лошади — Япчокракский, Старобельский, Балаклейский, Булаховский, представлявшие остатки погребений знатных дружишников¹⁵.

Мечи и кинжалы с антенновидным навершием. На исследуемой территории найдено два кинжала с антенновидным навершием. Один из них обнаружен в 1967 г. у с. Новолуганское Артемовского р-на Донецкой обл.¹⁶ Кинжал сильно фрагментирован, сохранились лишь две части клинка, рукояти и фрагменты волют навершия (рис. 4, 1), отсутствует перекрестье. Судя по опубликованному рисунку, ширина клинка кинжала у пяты 4 см, лезвия идут параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети клинка, ближе к острию. Навершие реконструировано в виде двух сходящихся под довольно острым углом волют.

Второй кинжал найден в 1977 г. близ с. Чкалово Нижнегорского р-на Крымской обл. во впускном сарматском погребении*. Клинок его шириной у пяты около 4 см имеет параллельные лез-

* Выражаю благодарность В. Н. Корпусовой за любезное разрешение использовать неопубликованный материал.

Рис. 4. Кинжал из с. Чкалово.

вия, сужающиеся в последней трети клинка, линзовидный в сечении. Прямоугольная в сечении рукоять длиной 3,5 см увенчана навершием в виде двух сходящихся волют (рис. 4, 2). Кроме кинжала в комплекс входил гончарный чероглиняный кувшин, аналогия кото-

рому есть среди керамики из раскопок у совхоза Аккермень (группа Аккермень I, курган 4, погребение 8). М. И. Вязьмитина датирует такие сосуды концом I в. до н. э. — I в. н. э.¹⁷ Кинжал из Новолуганского датируется этим же временем¹⁸.

Этот тип меча не характерен для сарматов. Антеновидное навершие распространено на скифских и савроматских мечах конца VI—V в. до н. э.¹⁹ Предполагается, что именно савроматское антенновидное навершие послужило исходной формой для характерного кольцевого навершия сарматских мечей²⁰.

На савроматских мечах с антенновидным навершием волюты обычно сходятся под более тупым углом, образуя в плане овал или кольцо²¹. Пропорции их клинка в большинстве случаев стройные, лезвие уже с половины длины сходится к острию. На многих клинках имеется ребро, придающее ему ромбическое сечение. Но эти признаки отсутствуют на исследуемых кинжалах. Правда, клинки их линзовидные в сечении, с параллельными лезвиями, имеют ряд аналогий среди савроматских аналогов с антенновидным навершием, но клинки подобной формы распространены на всем протяжении скифосарматского времени.

Такое архаическое для рассматриваемой территории навершие в указанное время известно восточнее — на Северном Кавказе и в Поволжье.

В Коба-Бапшинском склепе I в. до н. э. — I в. н. э. найден меч без перекрестья и с навершием в виде загнутых волют²², севернее, в Зубовском кургане, — клинок I в. до н. э. с прямым перекрестьем и плоским навершием в виде слившихся волют²³.

Далее на восток кинжал с антенновидным навершием был обнаружен в погребении II—III вв. н. э. у с. Сидоры Михайловского р-на Волгоградской обл.²⁴ В отличие от рассматриваемых, он биметаллический — навершие и

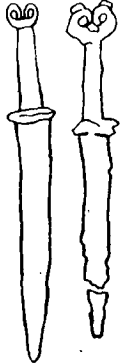
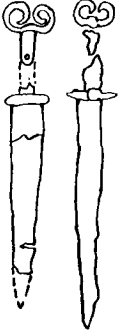
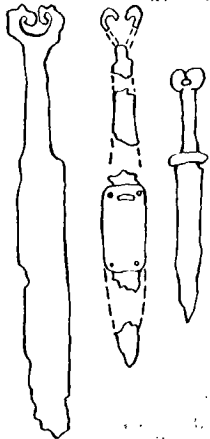
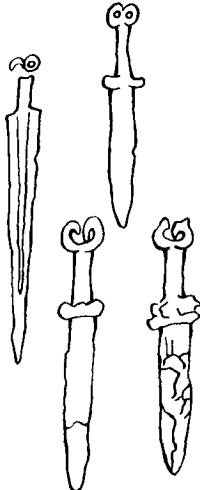
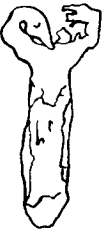
Дата	Северное Причерноморье	Подонье Прикубанье	Поволжье Приуралье	Кавказ Средняя Азия
III в. н.э.				
II в. н.э.				
I в. н.э.				
I в. до н.э.				
II в. до н.э.				
III в. до н.э.				

Рис. 5. Мечи и гинжалы с антипновидным павершием;

перекрестье изготовлены из бронзы. В 1972 г. у с. Барановка Черноярского р-на Астраханской обл. в погребении первых веков н. э. найден еще один биметаллический кинжал рассматриваемого типа, рукоять и ножны его обложены золотой фольгой²⁵.

Таким образом, в средне- и позднесарматское время на обширной территории от Присивашья до Поволжья бытуют наряду с кольцевыми антеповидные наконечники. Связывать их с савроматскими наконечниками не позволяет большой хронологический разрыв и отсутствие на этой территории каких-либо переходных форм. С другой стороны, у южных и юго-восточных соседей сарматов в последние века до н. э., т. е. несколько ранее, чем рассматриваемые кинжалы, также распространены антеповидные наконечники, как и другие формы. Кроме уже упоминавшихся северокавказских (где, по мнению М. П. Абрамовой, для этого времени характерны архаические типы наконечников²⁶), клинки с антеповидными наконечниками найдены в погребениях кургана 15 Кызылтепинского могильника (рубеж н. э. — I в. н. э.)²⁷, в курганах 14, 21 Тулхарского могильника (конец II — начало I в. до н. э.)²⁸.

Сарматы на протяжении всей своей истории тесно контактировали с кавказскими и среднеазиатскими соседями²⁹. Материальная культура племен этих территорий имеет много сарматских черт, в сарматских же памятниках часто прослеживается влияние восточных культур, результатом которого и является, на наш взгляд, бытование в средне- и позднесарматское время антеповидного наконечника на сарматских мечах и кинжалах (рис. 5).

Мечи и кинжалы с кольцевым наконечником. Этот вид оружия был ведущим в среднесарматское время, и находки его преобладают на исследуемой территории. Однообразие мечей и кинжалов с кольцевым наконечником не позволяет выделить среди них типы; родовой при-

знак у них общий, но имеются лишь некоторые видовые различия. На территории степной и лесостепной зон Северного Причерноморья обнаружено 43 экземпляра оружия с кольцевым наконечником. Несколько клинков, тип наконечника которых не установлен, по своим характеристикам приближаются к ним. Это прежде всего наличие прямого перекрестья, форма и размеры клинка, ширина рукояти. Бытующие после мечей и кинжалов с кольцевым наконечником клинки без металлического наконечника, с ручкой-штырем, в большинстве не имеют перекрестья и отличаются шириной рукояти, которая гораздо уже и имеет вид штыря или черенка (см. ниже). По основным типологическим и морфологическим характеристикам оружию с кольцевым наконечником близко оружие с серповидным наконечником, но комплексы, включающие оружие неуставленного типа, не давали прохоровскую дату. Таким образом, мы склонны считать, что мечи и кинжалы неуставленного типа, скорее всего, имели кольцевое наконечник.

Клинок. Клинки мечей и кинжалов с кольцевым наконечником делятся по форме на две разновидности: клинки с параллельными лезвиями, заметно сужающимися лишь к острию (рис. 6, 1—4), и клинки, лезвия которых начинают сужаться сразу от пяты, придавая клинку форму сильно вытянутого треугольника (рис. 7, 2, 3, 5). Преобладают клинки первой разновидности, причем как среди мечей, так и среди кинжалов. Из 35 исследованных мечей и кинжалов 27 имеют клинок первой разновидности (от остальных сохранились лишь рукояти). Как выяснилось, подобное явление не служит хронологическим признаком (все клинки датируются в пределах одного — полутора веков, подробнее об этом см. ниже). Не входит оно и в традиционную схему колющего и рубящего оружия — большинство клинков, как было сказано выше, имеет форму первой разновидности.

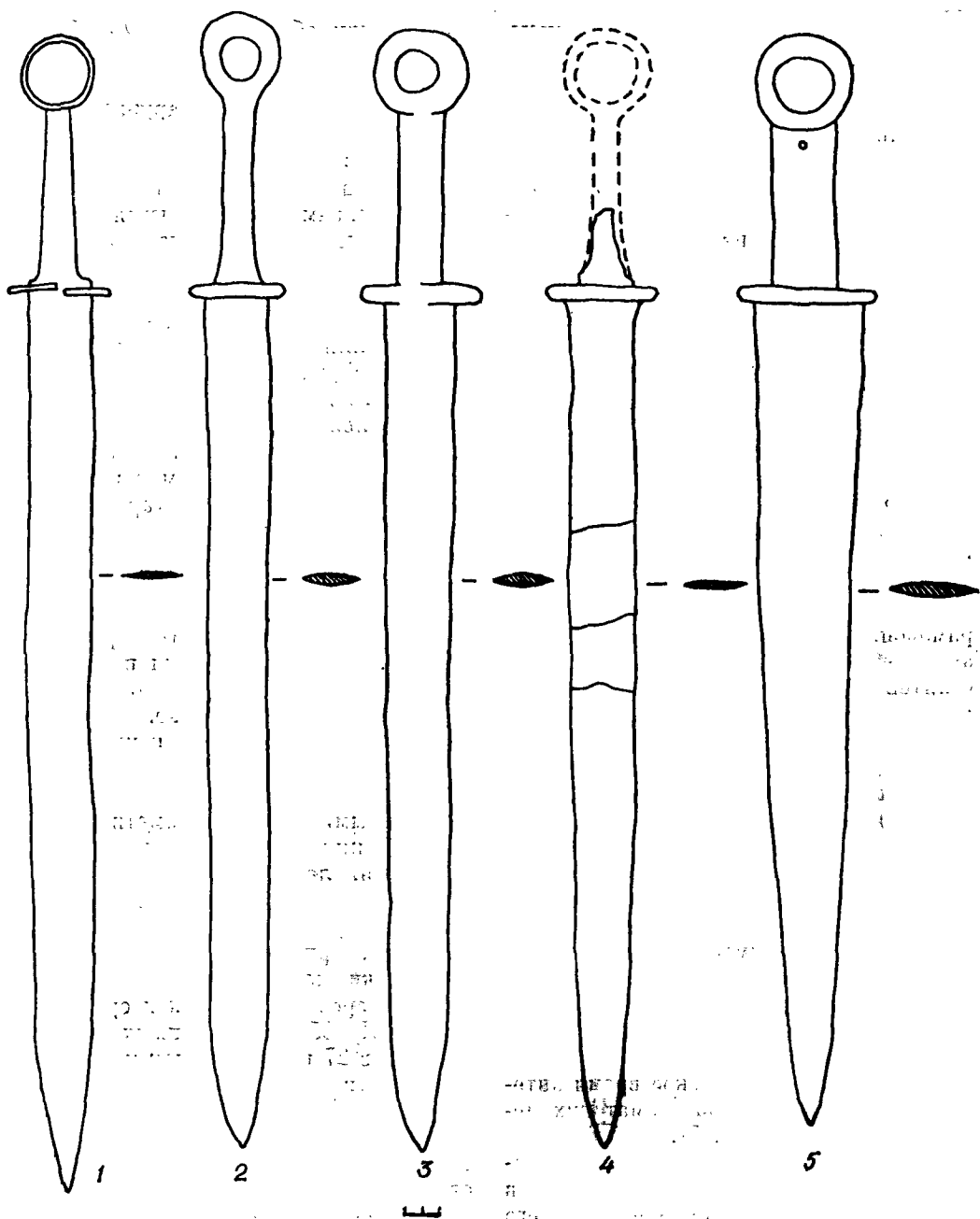

Рис. 6. Мечи с кольцевым навершием.

1 — Текуча; 2 — Днепрострой, 26/6; 3 — Новофилипповка, западная группа 2/1; 4 — Новофилипповка (раскопки М. Я. Рудинского); 5 — фонды ИА АП УССР.

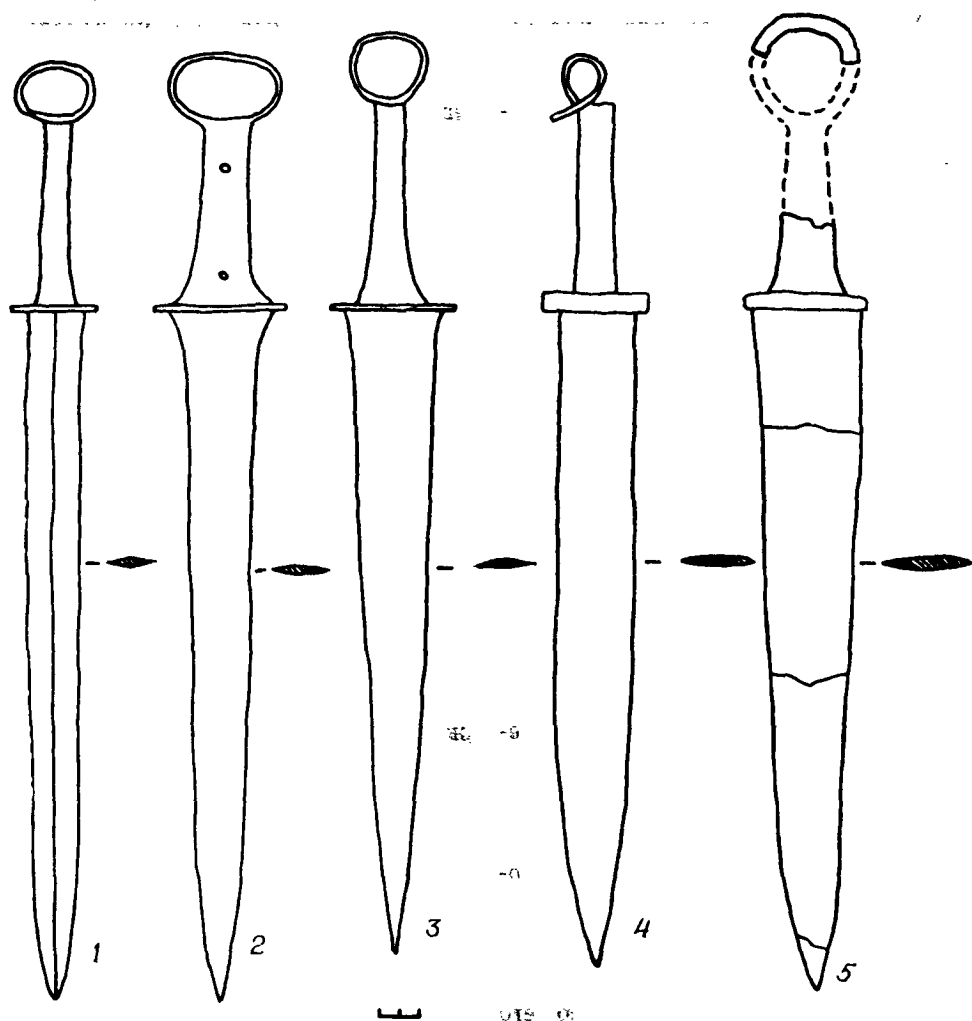

Рис. 7. Кинжалы с кольцевым павершием:

1 — ГИМ УССР, № В1288; 2 — Куриловка; 3 — Жаботин; 4 — ГИМ УССР, № В1286; 5 — Ссколовка, 1/10

Следует заметить, что среди оружия памятников более восточных территорий (Подонье, поволжско-приуральские степи) преобладают также клинки первой разновидности. На наш взгляд, обе разновидности отражают различные производственные традиции, существовавшие параллельно и связанные, возможно, с какими-либо этническими и племенными различиями.

Длина клинков варьирует. Наиболее

короткие клинки у кинжалов из Усть-Каменки³⁰ — около 20, Ольвии³¹ — около 24, Приморского* — 23,3 см. У большинства кинжалов длина клинка равна 30—31 см. Мечи обычно имеют клинок длиной от 33 (Привольное, 1/1) до 45—46 см (Новофилипповка, с-з окраина, 2/1; Днепрострой, 26/6 (см.

* Раскопки А. С. Беляева в 1976 г.

рис. 6). Такая длина типична для остальной территории обитания сарматов (около 66 %), и следует признать, что основная масса сарматских мечей исследуемой территории соответствовала по длине скифским. Мечей с клинком длиной более 50—60 см на исследуемой территории известно только три. Это меч из неопубликованных раскопок М. Я. Рудинского (1951 г.) в с. Новофиллиповка (курган 3, погребение 1) с длиной клинка 59 см, меч из погребения 1 кургана 5 западной группы могильника Аккермень II³², а также меч из случайной находки близ с. Текуча Уманского р-на Черкасской обл. (хранится в Уманском краеведческом музее) (рис. 6, 1). Клинки такой длины не получили широкого распространения у сарматов. Тем не менее, именно они наиболее удобны для рубки как в пешем, так и в конном строю. Ширина клинка у пяти чаще всего равна 4—5 см. Эти размеры характерны для такого типа мечей и кинжалов и на остальной территории их распространения. Довольно узкий (3—5 см) клинок длинного меча из погребения 1 кургана 5 Аккермень II по своим характеристикам приближается к группе клинков, традиционно считаемых приспособленными в основном к рубящему удару. Если считать меч оружием, предназначенным именно для рубки, то мы предполагаем, что изменение ширины клинка, приводящее к изменению его общего веса, балансировки, ударных характеристик, могло быть обусловлено индивидуальными данными и, естественно, желанием владельца-заказчика. Широкие (6—6,5 см) клинки тоже редки как у сарматов, так и на исследуемой территории, где известны три экземпляра таких клинков: с. Долина, 1/1, с. Павловка, 1/1* и меч, хранящийся в фондах ИА АН УССР, хотя без пас-

портных данных, но происходящий, несомненно, с исследуемой территории (рис. 6, 5). Меч из с. Долина, судя по его сохранившейся части, был довольно длинный и тяжелый. Таков же и беспаспортный меч из фондов ИА АН УССР. Учитывая редкость как очень узких, так и очень широких мечей мы склонны объяснять их нестандартность индивидуальностью изготовления согласно желанию владельца-заказчика.

Большинство клинков в сечении линзовидные толщиной 0,7—1 см. Эти цифры получены при измерении сильно корродированных клинков. Исследуя группу мечей и кинжалов, хранящихся в ГИМ УССР и в Уманском краеведческом музее, почти не подвергшихся коррозии, мы установили, что в действительности толщина клинка составляла 4—5 мм. На двух экземплярах (ГИМ УССР, № Б1287, Б1288) отмечено ромбовидное сечение и наличие невысокого продольного ребра, служащего признаком архаичности. Оба кинжала не сопровождаются датирующим материалом и потому не имеют точной даты. Характерно, что на единственном прохоровском мече с исследуемой территории такое ребро есть.

Технология производства клинков, мечей и кинжалов с кольцевым павершием рассмотрена Б. А. Шрамко, Л. А. Солпцевым, Р. Б. Степанской, Л. Д. Фоминым³³. Исследованные нами клинки (один из фондов ГИМ УССР, происходящий с территории Среднего Поднепровья, а второй — случайная находка у хут. 8 Марта Сумской обл.) изготовлены по-разному. Первый откован из двух сваренных полос металла; та, которая служила основой, состояла из высокоуглеродистой стали (0,6—0,7 % С), накладка — из кричного железа. Второй изготовлен по более сложной технологии: откован из трех сваренных полос; центральная, служащая основой, — высокоуглеродистая (0,8—1 % С) сталь, накладки с обеих сторон — среднеуглеродистая (0,6—

* Здесь и далее цифра в числителе обозначает номер кургана, в знаменателе — погребения.

0,7 % С)³⁴. К сожалению, имевшиеся в нашем распоряжении мечи в результате сильной коррозии не могли быть подвержены металлографическому анализу. Старшим научным сотрудником лаборатории естественных методов исследований ИА АН УССР Д. П. Недопако был осмотрен излом меча из фондов ИА АН УССР (рис. 6, 5) и сделано заключение, что клинок откован «пакетным» способом, т. е. более твердая основа была обернута полосой более мягкого металла, затем вся заготовка сваривалась и проковывалась. Таким образом, на основании данных о разнообразии технологических приемов и традиций сарматских кузнецов мы вправе говорить о высоком уровне технических знаний и мастерства.

Перекрестье. У всех мечей и кинжалов этого типа перекрестье, как правило, прямое, сделано из полоски железа толщиной 1 см. У группы мечей и кинжалов из фондов ГИМ УССР другое перекрестье — плоское, толщиной 2—3 мм, за исключением кинжала № Б1286. Концы его выходят за пятую клинка в большинстве случаев на 1—1,5 см с обеих сторон. Длина перекрестья от 5 до 7 см, в зависимости от ширины клинка. Единственный известный экземпляр дуговидного перекрестья происходит из могильника у с. Островец³⁵. Этот тип перекрестья считается архаическим и, по мнению большинства исследователей, с III в. до н. э. бытует только прямое перекрестье. Меч из с. Островец по наличию в комплексе фибулы датируется первой половиной I в. н. э.³⁶ Надо полагать, что на этом, отнюдь не самом раннем из исследованных экземпляров, такой тип перекрестья не является пережиточной формой, поскольку хронологический разрыв слишком велик. Очевидно, дуговидные перекрестья встречаются (хотя и редко) и в среднесарматское время. Почти все перекрестья в плане овальные (у кинжала № Б1288 из фондов ГИМ УССР ромбическое), охваты-

вающие пятую клинка у основания рукояти. Способ их изготовления прослежен Б. А. Шрамко³⁷. Перекрестье мечей и кинжалов с кольцевым навершием изготовлялось из железного прута, которым огибали пятую клинка и сваривали у одного из концов (такое перекрестье у меча с хут. 8 Марта).

Рукоять. Рукояти мечей и кинжалов с кольцевым навершием на исследуемой территории четко делятся на два вида: широкие, несколько сужающиеся к навершию, шириной в среднем 3 см, и узкие, почти одинаковой ширины (2—2,5 см) по всей длине. Широкие рукояти в сечении овальные (Соколовка, 1/10, беспаспортный меч из фондов ИА АН УССР, Подгородное), овально-прямоугольные (Большая Черноморка)³⁸, прямоугольные (хут. 8 Марта, мечи из фондов ГИМ УССР). Рукояти обычно обкладывались деревом (меч из фондов ИА АН УССР, Привольное 1/1, Новофилипповка, с-з окраина, 2/1), иногда обматывались кожей (Подгородное, группа VII, 1/16)*. Скорее всего, деревом обкладывались широкие рукояти, как более удобные для крепления деревянных накладок, а узкие, возможно, чаще обматывались кожей.

В отдельных случаях рукояти могли иметь костяные обкладки. До настоящего времени такие обкладки не найдены. Единственный экземпляр происходит из неопубликованных раскопок М. Я. Рудинского 1951 г. в с. Новофилипповка**. Это костяная обкладка рукояти кинжала в виде двух пластин, охватывающихся кольцом, на верхней части которого имеется выступ в виде перевернутой трапеции. Обкладки скреплены одной бронзовой заклепкой у основания кольца и двумя железными: одна — у пяты клинка, другая — ближе к середине (рис. 8, 4). Аналогии этой обкладки рукояти в среднесарматское время нам неизвестны. Таким

* Сообщение В. И. Костенко.

** Фонды ИА АН УССР.

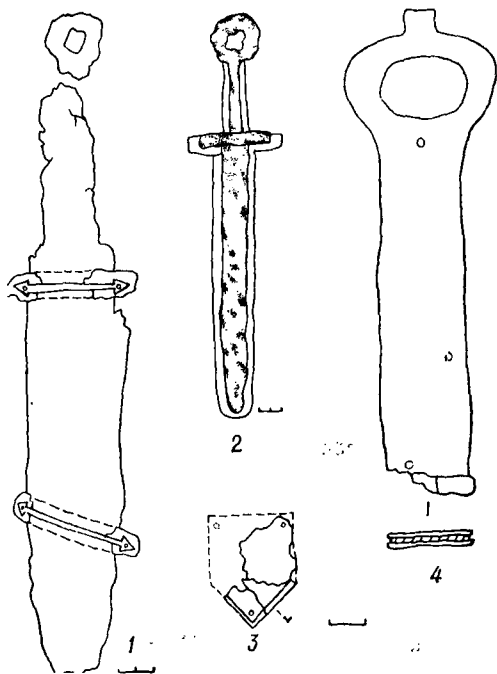

Рис. 8. Оформление ножен и рукоятей:
1 — Усть-Каменка, 4/1; 2 — Старые Куканешты; 3 — Новофилипповка, северная группа 1; 4 — Новофилипповка 2 (раскопки М. Я. Рудинского).

образом, три варпанта отделки на исследуемой территории получают археологическое подтверждение.

Большое распространение в скифском обществе получили золотые обкладки³⁹. Однако рукояти и ножны известных нам сарматских мечей не подтверждают этого. Немногочисленные известные золотые обкладки рукоятей мечей и ножен найдены в Поволжье и Приуралье⁴⁰. На территории Северного Причерноморья подобные находки не зафиксированы, хотя следовало бы ожидать обратного результата, учитывая близость сарматских кочевий степной части Украины к античным городам Северного Причерноморья, где и изготавливались подобные вещи⁴¹. Существующее мнение о том, что такое явление связано с низкой социально-имущественной дифференциацией сарматского общества, не подтверждается самим на-

личием богатых сарматских погребений как на восточных⁴², так и на западных территориях обитания сарматов⁴³. Скорее всего, это связано с историей взаимоотношений сарматов с античными государствами Северного Причерноморья и в таком случае является темой отдельного исследования.

Навершие. Кольцо навершия (диаметр 5 см, толщина от 0,5 до 1 см), как правило, венчает окончание рукояти. Иногда кольцо имеет диаметр меньших размеров: 4,5—4 см — беспаспортный меч из фонда ИА АН УССР, 3,5 см — кинжал из Усть-Каменки и меч из Залевок. Навершие в плане обычно круглое, но известны экземпляры (4), имеющие в плане овальное, а также шестигранное кольцо навершия (Усть-Каменка, 4/1)⁴⁴.

Ножны и способы ношения. Ножны у большинства мечей и кинжалов с кольцевым навершием деревянные. Остатки их в виде древесного тлена прослежены почти на половине исследованных клинков. Ножны кинжала из Новофилипповки, 1/1 были покрашены красной краской и украшены на конце бронзовой прямоугольной накладкой⁴⁵. Удалось реставрировать, а затем и реконструировать эту накладку. Оказалось, что она не совсем прямоугольная, нижнее основание ее заострено, повторяя и подчеркивая общие контуры ножен (рис. 8, 3). Аналогии неизвестны, поскольку в сарматских памятниках не встречаются.

Необычной конструкции ножны обнаружены В. А. Дергачевым в кургане 23 у с. Старые Куканешты в МССР. Ножны меча с кольцевым навершием имели на устье специальное расширение, в которое полностью входило перекрестье (рис. 8, 2). Это расширение, судя по направлению древесных волокон, сделано отдельно, а затем прикреплено к ножнам*. Такая конструк-

* Сообщение В. А. Дергачева. См.: Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). — Кишинев, 1982, с. 110, рис. 38, 1.

ция оригинальна для среднесарматского оружия и пока еще нигде, кроме Старых Куканешт, не зафиксирована. Однако о появлении ее у сарматов еще в прохоровское время свидетельствует находка меча с золотым декором ножен в I Прохоровском кургане. Перекрестье меча из этого кургана полностью входило в устье ножен, оформленное золотой пластиной с характерным сарматским орнаментом. Аналогичной конструкции ножны зафиксированы в Буеровой Могиле, также датирующейся III—II вв. до н. э.⁴⁶

Таким образом, в отличие от скифских, на ножнах сарматских мечей еще в раннесарматское время появляется специальное гнездо для перекрытия. Очень своеобразно крепление ножен кинжала из Усть-Каменки, 4/1 — деревянными обоями, украшенными бронзовыми накладками со стреловидными окончаниями⁴⁷ (рис. 8, 1). Такой декор ножен зафиксирован впервые. Деревянные ножны кинжала из Подгорного (группа VIII, 1/II) были скреплены железными обоями.

Рукояти мечей и кинжалов, а также ножны, возможно, украшались темляками, для чего, вероятно, служили бусы и ворварки, зафиксированные вместе с оружием. Костяные ворварки найдены близ рукояти меча в кургане 2 у северо-западной окраины с. Новофилипповка⁴⁸. В ряде случаев (Новофилипповка, северо-западная окраина, 2/3 и северная окраина, 1/1; Аккермень II, 8/1. 6/1; Днепрострой, 29/1) рядом с верхней частью клинка найдены овальные бронзовые скобочки (обычно до 1 см) с незамкнутыми концами и такие же скобочки около колчана в Усть-Каменке, 3/1. Скорее всего, скобочки охватывали ремень, которым меч и колчан крепились к поясу.

Железная прямоугольная пластина с горизонтальной прорезью посередине на ножнах кинжала из Новолуганского также служила для его крепления⁴⁹. Возможно в эту прорезь пропускался

портупейный ремень, а затем пластина крепилась к ножнам.

В основном мечи и кинжалы в погребениях лежали справа у бедра. Дважды (Привольное, 1/1, Днепрострой, 26/1) они зафиксированы слева. Падло полагать, эти факты подтверждают вероятность того, что мечи и кинжалы с кольцевым навершием носились справа, ближе к середине пояса.

Хронология и территория распространения. Наиболее ранними из исследованных мечей являются экземпляры из могильника Аккермень I, 3/8 и Привольного. Первый датируется красноглиняным канфаром, а второй — провололочной фибулой среднелатенской схемы конца II—I в. до н. э.⁵⁰ Большинство остальных мечей и кинжалов относится к разным годам I в. Началом его датируется меч из Глубокого⁵¹ по наличию в его комплексе фибулы с подвижным приемником, относящейся к I варианту такого типа фибул, по схеме А. К. Амброза, и бытующих в начале I в.⁵² Меч из Островца по фибуле позднелатенской схемы с ажурным приемником датируется первой половиной I в.⁵³ Ряд мечей по находкам с ними пиксид, амфор, фибул, браслетов и керамики четко датируется I в. Наиболее позднего времени кинжал из с. Огородное⁵⁴. Найденный вместе с ним сероглиняный кувшин имеет аналогии среди керамики могильника Аккермань II (восточная группа): кувшин из кургана 2 этого могильника датируется II в.⁵⁵ Мечи и кинжалы с кольцевым навершием на остальной территории обитания сарматов доживают до II—III вв. Этим же временем датируется часть клинков из Поволжья и Приуралья, на западе — кинжал из Олонешт⁵⁶, на территории Венгрии — меч из погребения у Гавы⁵⁷. Меч с кольцевым навершием из с. Маркауцы в Молдавии датируется зеркалом-подвеской с тамгообразным узором II—III вв.⁵⁸

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием и другие типы вооружения,

характерные для среднесарматского времени (железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, листовидные наконечники копий), фиксируют появление в конце II в. до н. э. на исследуемой территории новой волны кочевников, сменившей племена, оставившие здесь немногочисленные памятники прохоровского времени. К этому же времени относится война скифского царя Палака с Херсонесом и понтийским полководцем Диофантом. На стороне Палака в ней принимали участие и роксоланы под предводительством Тасия⁵⁹. Логично предположить, что Палак искал союзников среди ближайших соседей, т. е. обитателей степей к северу от Крыма. Не настаивая на окончательном решении вопроса, можно, однако, полагать, что не ранее второй половины II в. до н. э. в Причерноморских степях начинается второй, среднесарматский, период существования сарматской культуры, что и подтверждает смена типов вооружения.

Ареал мечей и кинжалов с кольцевым навершием охватывает всю зону степей Северного Причерноморья, занимая на севере и часть лесостепи (см. рис. 1). Относительная равномерность их распространения свидетельствует о том, что это оружие составляло вооружение сарматского населения на исследуемой территории. Кроме того, мечи и кинжалы с кольцевым павершием известны в позднескифских памятниках⁶⁰ и античных городах⁶¹ как результат влияния и отчасти проникновения сарматского культурно-этнического элемента на отмеченные территории. Меч с кольцевым навершием, надетым на рукоять так, что стержень ее проходит сквозь кольцо, найден на поселении пшеворской культуры в с. Звенигород⁶². Аналогичные навершия известны и в Неаполе Скифском⁶³.

Таким образом, исследуемый тип оружия, получив широкое распространение на территории Северного Причерноморья с конца II в. до н. э. в среде сар-

матских племен, проникает и на окружающую сарматов территорию, очевидно, вследствие военных контактов. Появление сарматов на восточных границах Римской империи уже в самом начале I в. н. э. отмечается в античных источниках. Ярко и красочно описывает сарматов Овидий⁶⁴, много сведений о них содержится в обстоятельных и точных свидетельствах Тацита⁶⁵. И тот и другой описывают сарматов прежде всего как сильных и воинственных врагов. Возможно, что относящиеся к этому времени погребения с мечами из Глубокого и Островецкого могильников оставлены каким-то из племен, воевавших с Римом в начале I в. н. э.

Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем составили четвертый тип сарматских мечей и кинжалов, встречающихся на исследуемой территории. Основными характеристиками таких мечей являются: длинный (до 100 см) клинок, рукоять в виде штыря или черепка, иногда увенчанная навершием из кости, алебастра, халцедона или других полудрагоценных минералов. Эти же признаки характерны и для кинжалов, клинок которых, разумеется, короче.

При подавляющем большинстве длинных мечей такого типа встречаются, хотя и очень редко, и короткие (длиной 50—70 см). Единичные находки их известны в Поволжье, на Боспоре, в Крыму и Молдавии.

На исследуемой территории в 1978 г. близ пгт Колончак Херсонской обл. во впускном погребении был найден меч с клинком длиной 38 см. Рукоять его разрушена, однако, *in situ* зафиксирован конец ее в виде штыря (рис. 9, 1). Погребение сопровождалось фрагментами красноглиняного сосуда. По деталям погребального обряда оно может быть признано сарматским*. Клинок меча в сечении линзовидный, шириной у пя-

* Выражаю благодарность Г. Л. Евдокимову за любезное разрешение воспользоваться неопубликованным материалом.

ты 5,5 см, лезвия начинают сходиться к острию от пяты клинка. Штырь рукояти откован вместе с клинком, который переходит в рукоять под тупым углом. На клинке сохранились остатки деревянных ножен.

Таким образом, к немногочисленной серии коротких мечей без металлического навершия добавляется еще один экземпляр, найденный на сарматской территории. Мечи и кинжалы без металлического навершия можно разделить на два варианта — с металлическим перекрестьем и без него. К первому относятся три кинжала из впускных сарматских погребений в Подунавье, близ с. Приморское Измаильского р-на Одесской обл.⁶⁶ Их характеристики весьма близки — клинки с лезвиями, плавно сходящимися к острию, длиной не более 30 см, шириной от 3 до 4 см, липзовидные в сечении; плоские рукояти-черенки, обложенные деревом, пята клинка переходит в черенок под тупым углом. Перекрестья шириной около 1 см охватывают клинок у пяты, концы его несколько выступают за пяту клинка.

Клинки этого варианта сравнительно немногочисленны и встречаются в основном в Поволжье, отдельные экземпляры известны и в Прикубанье. Гораздо более распространены мечи и кинжалы второго варианта — без металлического перекрестья.

Клинки их имеют параллельные лезвия, сходящиеся в последней трети длины. Они обоюдоострые, в сечении липзовидные. От центральной точки пяты под тупым, реже под прямым углом по отношению к оси клинка, отходит рукоять-штырь, откованная вместе с клинком. Меч из Усть-Каменки, 1/22 имеет клинок длиной около 90 см, ширины его у пяты 8 см (рис. 9, 2). По отношению к средним размерам такого типа оружия этот меч с широким редко встречающимся клинком можно считать довольно массивным. Клинок кинжала из Перещепино, 1/11 длиной 21, шириной у пяты 3, длиной черенка 5,6 см

Рис. 9. Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем: 1 — Каланчак 4; 2 — Усть-Каменка, 1/33; 3 — Перещепино, 1/10.

(рис. 9, 3). Кинжалы таких размеров встречаются реже, чаще всего они имеют длину 30—40 см. Тем не менее кинжал из Перещепино является типичным для исследуемой категории вооружения. Фрагменты еще одного кинжала такого

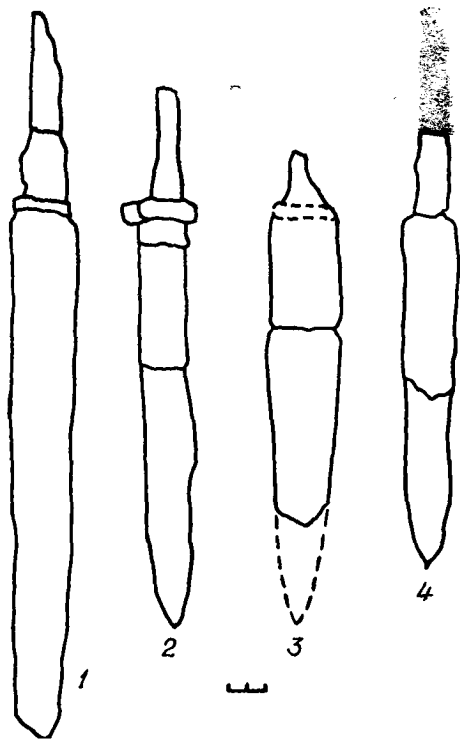

Рис. 10. Кинжалы с рукоятю-штырем из с. Приморское:

1 — курган 2, погребение 2; 2 — курган 1, погребение 52; 3 — курган 1, погребение 53; 4 — курган 1, погребение 17.

типа найдены в 1971 г. у с. Николаевка Станично-Луганского р-на Ворошиловградской обл.⁶⁷ Ширина клинка его у пяты 2,2 см, длина сохранившейся части 11 см, клинок в сечении линзовидный.

Рукоять. Рукояти-штыри чаще всего имеют длину 10—15 см. Они уплощенные, как на экземпляре из Усть-Каменки, шириной 2—3 см. Чаще всего рукояти обкладывались деревом. Следы деревянной рукояти прослежены на кинжале из Перещепино, на мече из Нещеретово, где они зафиксированы вместе с бронзовыми заклепками, очевидно, скреплявшими накладку⁶⁸, на кинжалах из Николаевки. Приморского (рис. 10).

Как отмечалось выше, оружие такого типа иногда украшалось навершием из различных минералов. На исследуемой территории оно найдено в Нещеретово, Новогригорьевке⁶⁹, Маяках⁷⁰. Навершие из с. Маяки изготовлено из алебаstra. Оно дисковидное, с отверстием в центре, к ручке крепилось бронзовой круглой заклепкой*. Аналогичное навершие известно из погребения I—II вв. у с. Тузлы на Таманском полуострове⁷¹. Навершие из Новогригорьевки изготовлено из янтаря, серебра, стекла, оправленного в золото⁷². Оно более позднее, датируется IV в. Погребение, в котором оно найдено, вряд ли сарматского происхождения⁷³. Тем не менее эта находка типична для описываемого оружия.

Ножны и способы ношения. На исследованных экземплярах сохранились остатки деревянных ножен (Усть-Каменка, Перещепино, Нещеретово, Николаевка, Приморское). Ножны кинжала из Перещепино были покрашены красной краской и по верху схвачены железной обоймой. В такой же цвет покрашены и ножны кинжала из Николаевки.

Установлено, что мечи без металлического навершия носились на портупейном ремне, иногда продевом в скобу на средней части ножен⁷⁴. Скобы были известны на восточных территориях обитания сарматов⁷⁵, но на исследуемой территории они пока не найдены.

Судя по многочисленным изображениям на иранских рельефах II в. н. э., мечи, подвешенные на портупейных ремнях с помощью таких скоб, были подвижны. Так, на многих рельефах воины в пешем строю опираются на мечи, подвешенные на портупейных ремнях прямо перед ними. В конном строю меч, как и полагается, висит слева⁷⁶. В большинстве сарматских погребений (на исследуемой территории — Перещепино, Приморское, Усть-

* Сообщение и рисунок В. И. Кузьменко.

Каменка) кинжалы помещались справа, а мечи — слева от скелета, как, очевидно, и носились при жизни.

Хронология и территория распространения. Мечи и кинжалы описываемого типа, как упоминалось, относятся к позднесарматскому периоду. Исследуемые мечи и кинжалы датируются именно этим временем: кинжалы из Приморского — концом I—II⁷⁷, меч из Нещеретова — II—III вв. н. э.⁷⁸, меч из с. Маяки, по приведенной аналогии, — II в. Несколько более ранним временем может быть датирован кинжал из Николаевки. Среди инвентаря этого разграбленного погребения имеется обломок шарнирной бронзовой фибулы с железной осью. Большая часть таких фибул датируется I в., один тип — II—III вв.⁷⁹ К сожалению, из-за фрагментарности установить истинный тип фибулы невозможно, но по наличию в комплексе железных трехлопастных черешковых стрел мы предполагаем более раннюю дату для погребения, т. е. I в.

Оставив в стороне общие вопросы о времени появления такого типа мечей, следует отметить, что меч без перекрестья, с рукоятью-штырем и костяным навершием был найден близ хут. Арпачин на нижнем Дону в погребении I в. до н. э.⁸⁰ В Прикубанье и на Северный Кавказ такие мечи попадают в I в. н. э. Б. А. Раев, опубликовавший меч с хут. Арпачин, видит в нем результат латенского влияния⁸¹. Латенские мечи, однако, отличаются от арпачинского многими деталями и прежде всего наличием характерного перекрестья. Скорее всего, опубликованный меч и типологически и территориально близок прикубанским меотским мечам⁸² и мог быть заимствован оттуда.

Погребение у Николаевки, где найден кинжал рассматриваемого типа, также не столь удалено от ареала раннего появления мечей и кинжалов без аталлического навершия. Такое оружие считается характерным для аланов.

Если эта точка зрения верна, то немногочисленные ранние находки рассматриваемого оружия (Арпачин, Николаевка), возможно, отмечают время первого появления аланов в северо-восточном Причерноморье.

Оружие описываемого типа распространено по всей территории степной зоны Северного Причерноморья. Оно встречается на позднескифских городищах⁸³, в Юго-Западном Крыму⁸⁴ и на Боспоре⁸⁵.

Проанализировав сарматские мечи и кинжалы с территории Северного Причерноморья, мы пришли к следующим выводам.

В прохоровское время на указанной территории бытуют мечи и кинжалы с серповидным павершием — оружие, типичное для прохоровской культуры. Их малое количество объясняется общей малочисленностью раннесарматских погребений в Северном Причерноморье.

Судя по смене типов вооружения, с конца II в. до н. э. на исследуемой территории начинается сусловский этап сарматской культуры, в течение которого господствуют мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Типологически исследованное оружие не отличается от аналогичного с более восточных территорий. Средняя длина клинков мечей 40—50, кинжалов 25—30 см. Широкое распространение их на исследуемой территории свидетельствует о популярности этого вида оружия среди сарматских воинов. Длина и форма клинков соответствовала их основному назначению — рубке в конном и пешем строю. Находки аналогичного оружия на северных, южных и западных рубежах сарматской территории позволяют отметить направление военных походов сарматов.

В сусловское время бытует еще один вид навершия — антенновидное. Его происхождение указывает на сохранившиеся связи причерноморских сарматов с Востоком. Вопрос о характере этих связей требует отдельного исследования.

С I в. н. э. появляется новый тип мечей и кинжалов — с рукоятью-штырем, а ко II в. н. э. это оружие становится господствующим в Северном Причерноморье. Смена типов вооружения отмечает начало позднесарматского этапа.

Мы намеренно не касались вопросов военного дела сарматов Северного Причерноморья. Проблема эта не может быть решена на основе изучения какого-либо отдельного типа вооружения. Кроме того, к ее решению необходимо привлечь историю взаимоотношений сарматов с окружающими их племенами, а это уже предмет отдельного исследования.

- ¹ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 6, с. 283.
- ² *Синицын И. В.* Археологические исследования в Западном Казахстане.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1, с. 134—135.
- ³ *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60, с. 376.
- ⁴ *Витт В. О.* Лошади пазырыкских курганов.— СА, 1952, № 16, с. 186—187; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник.— М., 1977, с. 93.
- ⁵ *Федоров В.* Холодное оружие.— СПб., 1905, с. 20.
- ⁶ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 34.
- ⁷ *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 1, с. 96—98.
- ⁸ *Савовский И. П.* Раннесарматское погребение в Запорожской обл.— СА, 1977, № 3, с. 282, 283.
- ⁹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 30.
- ¹⁰ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры..., с. 34.
- ¹¹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 31.
- ¹² *Костенко В. И.* Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары.— СА, 1979, № 4, с. 189.
- ¹³ *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— МИА, 1971, № 177, с. 196; *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Северном Причерноморье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, 1971, № 13.
- ¹⁴ *Латышев В. В.* SC.— ВДИ, 1947, № 4, Приложения, с. 251.

- ¹⁵ *Костенко В. И.* Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1979, вып. 2, с. 78.
- ¹⁶ *Шаповалов Т. О.* Сарматські поховання біля с. Поволуганське.— Археологія, 1973, вип. 8, с. 82.
- ¹⁷ *Вязьмітіна М. І.* Сарматські поховання в долині р. Молочної.— АП УРСР, 1960, т. 8, с. 20.
- ¹⁸ *Шаповалов Т. О.* Вказ. праця, с. 86.
- ¹⁹ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 54, *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 17.
- ²⁰ *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— ВССА, М., 1954, с. 202.
- ²¹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, рис. 1—4.
- ²² *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культур Карачаево-Черкессии.— Махачкала, 1966, т. 4, с. 152, 173.
- ²³ *Думберг К. Е.* Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской обл.— ИАК, 1907, вып. 1, с. 97.
- ²⁴ *Скрипкин А. С., Мамонтова В. И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов.— СА, 1977, № 4, с. 285.
- ²⁵ *Федоров-Давыдов Г. А.* Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника.— СА, 1980, № 2, с. 235 и сл.
- ²⁶ *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время.— МИА, 1969, № 169, с. 8.
- ²⁷ *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда.— СА, 1978, № 4, с. 122.
- ²⁸ *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1966, № 136, с. 159, табл. XI, 13, 14.
- ²⁹ *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы..., с. 6.
- ³⁰ *Мазно С. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янка.— АП УРСР, 1960, т. 3, с. 27.
- ³¹ ОАК за 1908 г.— СПб., 1909, с. 84.
- ³² *Вязьмітіна М. І., Тереножкін О. І., Ілліньська В. А., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Новопилипівка та радгоспу «Анкермень».— АП УРСР, 1960, т. 8, с. 71.
- ³³ *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. В., Фомин Л. Д.* К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов.— СА, 1974, № 1.
- ³⁴ Там же, с. 187, 188.
- ³⁵ *Сміжко М. Ю.* Сарматські поховання біля с. Острівень Станіславської обл.— МДАПВ, 1962, № 4, с. 55.
- ³⁶ Там же, с. 68.
- ³⁷ *Шрамко Б. А. и др.* Указ. соч., с. 188.
- ³⁸ *Отрейко В. М.* Отчет о раскопках архаического поселения у с. Большая Черно-

- морка в 1974 г.— НА ИА АН УССР, 1974/12, с. 64—65.
- ³⁹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 61.
  - ⁴⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 34; Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.— Л., 1975, с. 116; Скрипкин А. С., Мамонтов В. Н. Об одном новом типе..., с. 286.
  - ⁴¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов.— Л., Прага, 1966, с. 79.
  - ⁴² Шилов В. П. Погребения сарматской знати I в. до н. э.—I в. н. э.— СГЭ, 1956, вып. 4.
  - ⁴³ Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение в Соколовой могиле.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 168 и сл.; Щепинский А. О. Скарби сарматської знаті.— Вісник АН УРСР, 1977, № 10, с. 75.
  - ⁴⁴ Махно С. В. Розкопки пам'яток..., с. 27.
  - ⁴⁵ Вязьмитина М. И. та ін. Курганы..., с. 40.
  - ⁴⁶ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, 1918, № 37, с. 46, табл. III, I.
  - ⁴⁷ Махно С. В. Розкопки пам'яток..., с. 27.
  - ⁴⁸ Оболдуева Т. Г. Сарматські кургани біля м. Мелітополь.— АП УРСР, 1952, т. 4, с. 45.
  - ⁴⁹ Шаповалов Т. О. Вказ. праця, с. 85, рис. 4.
  - ⁵⁰ Вязьмитина М. И. та ін. Курганы..., с. 20; Амброс А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30, 1967, с. 19, табл. I, 16.
  - ⁵¹ Шмаглый Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, 1970, № 6, с. 47.
  - ⁵² Амброс А. К. Указ. соч., с. 48.
  - ⁵³ Смішко М. Ю. Вказ. праця, с. 68.
  - ⁵⁴ Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглый Н. М. Курганы у с. Огородное.— МАСП, 1970, № 6, с. 139.
  - ⁵⁵ Вязьмитина М. И. Сарматские погребения..., с. 232.
  - ⁵⁶ Мелюкова Л. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР).— СА, 1962, № 1, с. 205—207.
  - ⁵⁷ Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, A. H., 1941, Bd 2, Zfg. 17, p. 78, 81.
  - ⁵⁸ Рикман Э. А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры.— В кн.: Археологическая карта Молдавии. Кишинев, 1975, вып. 5, с. 24.
  - ⁵⁹ Латышев В. А. Указ. соч.— ВДИ, 1947, № 4, Приложения, с. 251.
  - ⁶⁰ Погребова Н. И. Погребения в мавзолее Неаполи Скифского.— МИА, 1961, № 190, № 6, с. 114.
  - ⁶¹ Сокольский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33, табл. IV, 3, 5; V, 4; рис. 5, I, 2.
  - ⁶² Археологія Української РСР. К., 1975, т. 3, с. 36, рис. 4, 10.
  - ⁶³ Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 152, табл. I, 5.
  - ⁶⁴ Латышев В. В. Указ. соч.— ВДИ, 1948, № 4, Приложения, с. 232—235.
  - ⁶⁵ Латышев В. В. Указ. соч.— ВДИ, 1949, № 3, Приложения, с. 220—221.
  - ⁶⁶ Чеботаренко Г. Ф. Отчет о раскопках Измайловской экспедиции ИА АН УССР в 1976 г.— НА ИА АН УССР, ф. 7888, с. 48, 50, 56.
  - ⁶⁷ Чередниченко Н. Н., Братченко С. Н. Отчет о работе Ворошиловградской экспедиции ИА АН УССР в 1971 г.— НА ИА АН УССР, ф. э. 6911, с. 40.
  - ⁶⁸ Луцкевич И. Н. Сарматські поховання біля с. Нещеретове Ворошиловградської обл.— Археологія. 1952, вип. 7, с. 137—138.
  - ⁶⁹ Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1884 г. Материалы ГЭ.
  - ⁷⁰ Раскопки К. В. Зицьковского и Э. Ф. Пачтовой в 1975 г.
  - ⁷¹ Сокольский Н. И. Боспорские мечи, с. 156, табл. VII, 1а, б.
  - ⁷² Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи.— Л., 1975, с. 76.
  - ⁷³ Засецкая И. П. Особенности погребального обряда гуннской эпохи.— АСГЭ, 1971, № 13.
  - ⁷⁴ Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, p. 39.
  - ⁷⁵ Кушчева-Грозевская А. Один из типов сарматского меча.— В кн.: Изв. Нижневолжского Ин-та краеведения. Саратов, 1929, т. 3, с. 160.
  - ⁷⁶ Луконин В. Г. Иран в III в.— М., 1979, рис. 1, 27; 8, 11—14, 17, 18, 20.
  - ⁷⁷ Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч., с. 50.
  - ⁷⁸ Луцкевич И. Н. Вказ. праця, с. 137—138.
  - ⁷⁹ Амброс А. К. Указ. соч., с. 26—27.
  - ⁸⁰ Раев Б. А. Сарматское погребение у хут. Арпачин.— СА, 1979, № 1, с. 261.
  - ⁸¹ Раев Б. А. Указ. соч., с. 262.
  - ⁸² Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 197.
  - ⁸³ Вязьмитина М. И. Золотобалківський могильник.— К., 1972, с. 12.
  - ⁸⁴ Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник.— АП УРСР, 1963, т. 8, с. 93, 117; Веймарн С. В. Археологічні роботи в районі Інкермана.— Там же, с. 18, 24, 25, 29, 30, 32, 33, 38, 39.
  - ⁸⁵ Сокольский Н. И. Боспорские мечи, с. 150—156.

В. М. Зубарь, А. В. Симоненко
О СНАРЯЖЕНИИ БОЕВЫХ КОНЕЙ
В ПЕРВЫЕ ВЕКА н. э.
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Наряду с предметами вооружения конский убор — одна из ведущих категорий материальной культуры кочевников. Роль лошади в жизни номадов определила то исключительное значение, которое придавалось развитию средств управления конем. Исследование генезиса и развития средств управления лошастью находится в тесной связи с изучением вооружения, военного дела кочевников, так как эти стороны жизни любого древнего кочевого общества всегда были взаимосвязаны и во многом определяли друг друга.

Изучение узды скифо-сарматского времени в отечественной археологии только начато. Если предметы убора скифских коней систематизированы и определены достаточно подробно¹, то снаряжение всадников Северного Причерноморья рубежа первых веков н. э. еще ждет обобщающего исследования. Предметы конского убора сарматского времени, представленные достаточным количеством находок, публиковались неоднократно, но специально не исследовались². А между тем роль сарматских племен в истории юга нашей страны в первые века н. э. достаточно велика и вопросы их военного дела, имеющие первостепенное значение при анализе контактов сарматов со своими соседями, неразрывно связаны с исследованием конского убора, средств и способов управления лошастью. Поэтому настоящая работа посвящена анализу конструкции одного из типов конской узды сарматского времени, на основе которого попытаемся определить происхождение, назначение, время распространения ее в Северном Причерноморье, а также рассмотреть вопрос о том, с какой этнической группой населения связаны немногочисленные захо-

ронения лошадей и частей конской упряжи, открытые в некрополе Херсонеса первых веков н. э.

В 1893 г. при раскопках некрополя Херсонеса в грунтовой могиле со скелетом лошади были найдены «бронзовые, красивой формы удила»³, ныне хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа⁴. Удила состоят из двух подвижно соединенных треугольных в сечении грызл, заканчивающихся прямоугольными рамками (рис. 1). Псалий представляет собой стержень, оба конца которого заканчиваются кольцами. Чуть ниже колец от псалия под прямым углом отходят два параллельных, треугольных в сечении стержня, соединенные с псалием неподвижно и оканчивающиеся прямоугольными рамками. В месте соединения на псалии имеется утолщение. В средней части каждого из стержней грань уплощена, как и прилегающие к рамкам концы грызл. Грызла и псалии подвижно соединены с помощью трех бронзовых пластин, вставленных соответственно в рамки на концах грызл, и отходящих от псалия стержней. Общая длина удила 29, псалия 8,9, стержней до места соединения с грызлом 8,3, грызла 6,2 см. Датирующий материал в конском захоронении, где обнаружены удила, отсутствует. В 1896 г. в Керчи, в гробнице, раскопанной на так называемом Глинище, были найдены аналогичные удила (рис. 2)⁵. От херсонесских они отличаются лишь тем, что были изготовлены из серебра и не имели рамок на концах, отходящих от псалия к стержню. Здесь рамки заменены перемычкой. Помимо удила были найдены три стеклянных сосуда, золотые листики, украшавшие голову погребенного, разнообразные бусины, золотой

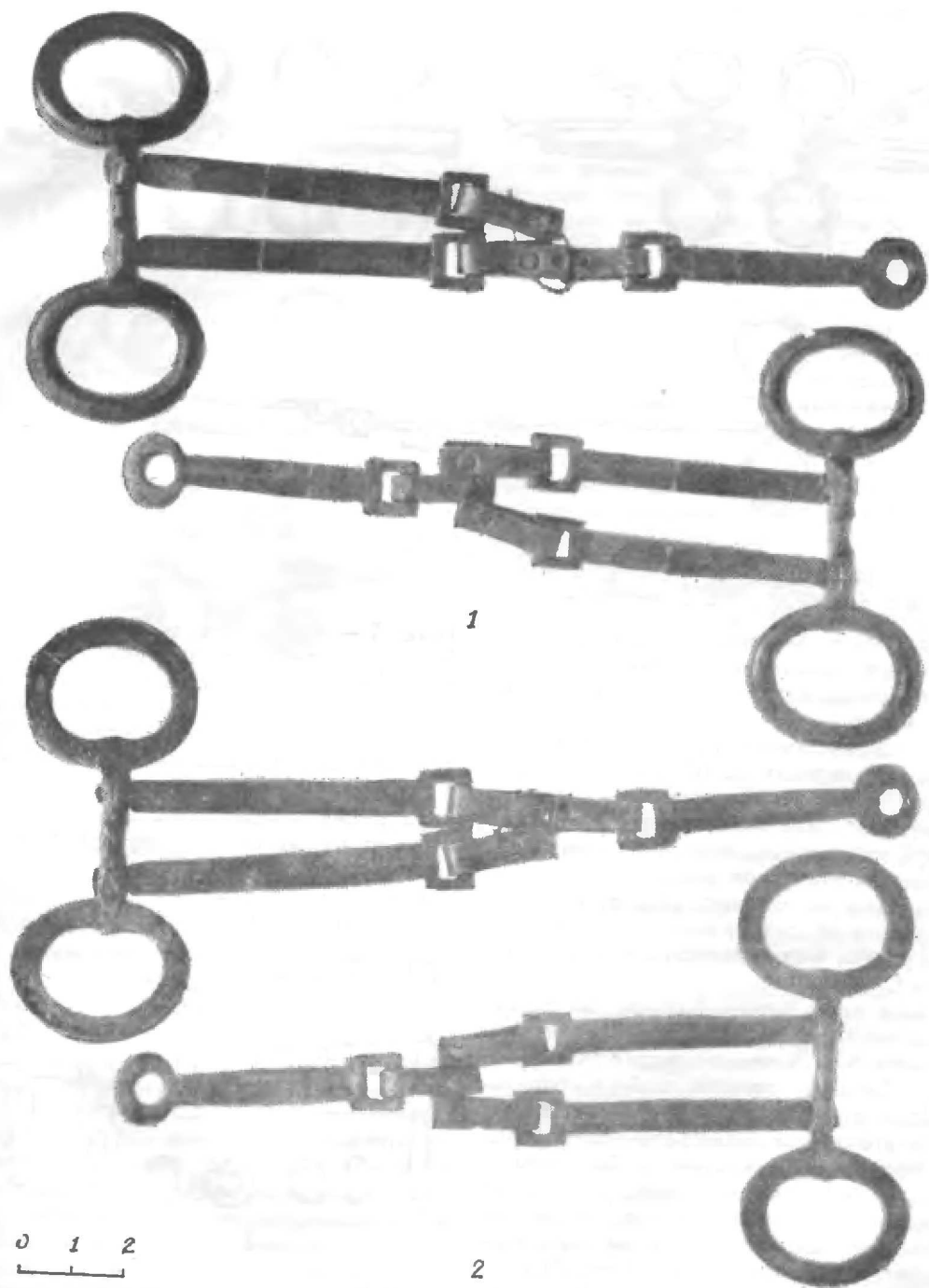

Рис. 1. Бронзовые удила из Херсонеса.

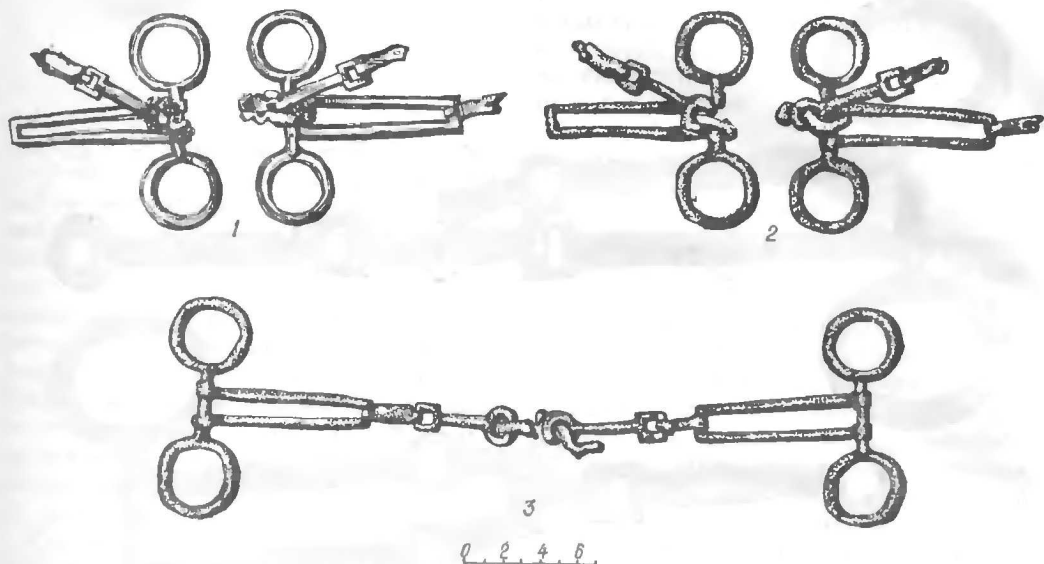

Рис. 2. Биметаллические удила из Керчи:
1 — по Э. Р. Штерну; 2, 3 — реконструкция.

перстень и браслет, железные трех- и четырехгранные черешковые наконечники стрел, различные пряжки и бляхи от сбруи.

Многочисленные предметы конского убора позволили Э. Штерну предположить, что в этой гробнице вместе с умершим были захоронены по крайней мере две лошади, причем на основании ряда признаков он сделал заключение, что один из конских уборов, в состав которого входили рассматриваемые нами удила, был изготовлен для погребения⁶.

Еще одни удила, близкие по конструкции херсонесским, зафиксированы в склепе № 4 Чернореченского могильника. Здесь в составе набора помимо украшений оголовья находились фрагментированные биметаллические удила с железными грызлами и бронзовыми псалиями⁷. Отличие этих псалиев от херсонесских состоит в том, что вместо колец на концах псалия имелись трапециевидные расширения (рис. 3).

Комплекс, обнаруженный в Керчи, по мнению исследователей, относится к

концу I — началу II в. н. э.⁸ Склеп № 4 Чернореченского могильника, где найдены принадлежности аналогичного по конструкции конского убора, на основании фибулы датируется несколько более поздним временем — III в. н. э.⁹ Учитывая большое сходство херсонесских удил с керченскими, а не с чернореченскими, их следует отнести к концу I — началу II в. н. э.

Вопрос о происхождении рассматриваемого типа удил сложен. Прототипы

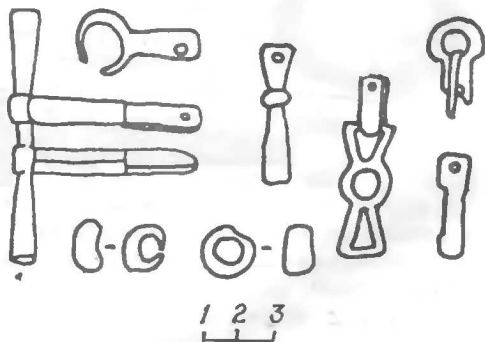

Рис. 3. Предметы конской упряжи из Чернореченского могильника.

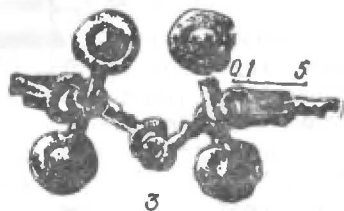
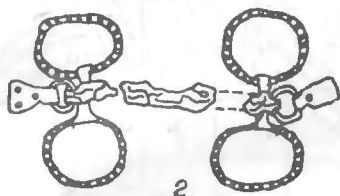
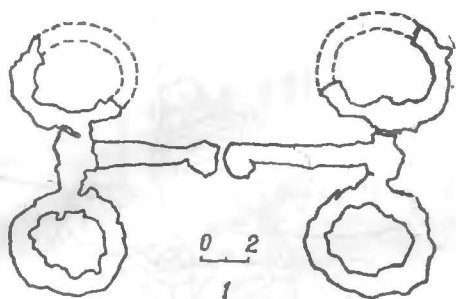

Рис. 4. Бронзовые и железные удила из Северного Причерноморья:

1 — с территории Днепростроя; 2 — из Никольского курганного могильника; 3 — из Неаполя Скифского.

подобных удили в античных центрах Средиземноморья и Северного Причерноморья обнаружить не удалось. Поэтому исследовались смежные с Крымом степные территории, населенные в рассматриваемое время сарматами.

В 30-х годах на территории Днепростроя, близ Запорожья, в кургане № 29 было исследовано разграбленное сарматское погребение, датирующееся по железному мечу с кольцевым навершием и кувшину I в. до н. э.¹⁰ В нем кроме меча, железных наконечников стрел, керамики, бронзовых пряжек и бляшек обнаружены железные удила, близкие по типу рассматриваемым, но более простой и рациональной формы (рис. 4, 1). Псалии с двумя кольцами на концах крепились непосредственно

к грызлам, без переходных стержней и звеньев, что существенно облегчало конструкцию, применяемую как для лошади, так и для всадника. По рисунку, приведенному в дневнике раскопок, нельзя точно установить систему крепления повода, однако в этом помогают находки сходных по конструкции удила из других сарматских комплексов.

В 1965 г. в кургане № 12 Никольского могильника в погребении второй половины I — начала II в. н. э. были зафиксированы аналогичные по типу удила, отличающиеся от найденных под Запорожьем тем, что псалии изготовлены из бронзы и орнаментированы (рис. 4, 2)¹¹. Креплением повода здесь служило продетое между псалием и грызлом кольцо с обоймой для ремня¹².

У ворот Неаполя Скифского в 1949 г. было раскопано погребение алаунского военачальника¹³. В его уздечном наборе находились удила, которые отличались от описанных выше способом крепления к оголовью (рис. 4, 3). На концах псалиев были помещены не кольца, а диски, и нащечные ремни оголовья крепились к рамкам, отходявшим от центральной части псалия. Повод крепился к кольцу с обоймой, продетому, как и в предыдущем случае, между псалием и грызлом¹⁴. Датируется набор не позднее начала II в. н. э.¹⁵

Таким образом, начиная с I в. до н. э. у сармат появляется конструкция удила, которые, вне всякого сомнения, послужили исходной формой для узды типа херсонесской и ей подобной. Вместе с сарматами этот тип удила проникает в Крым, где в четырех погребальных комплексах конца I—III в. н. э., принадлежавших, очевидно, тяжеловооруженным конным дружинникам, такое снаряжение лошади обнаружено в процессе раскопок. На сходство удила из Керчи и Неаполя в свое время обратил внимание исследователи неапольского комплекса¹⁶.

Помимо датировки и происхождения удила рассматриваемого типа важное

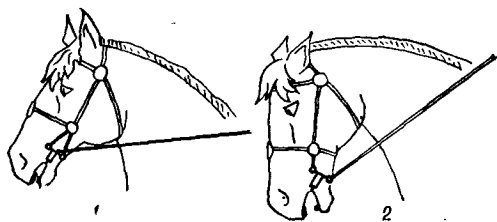

Рис. 5. Реконструкция способов крепления удила к оголовью.

значение имеет вопрос об их практическом применении и назначении, без сомнения, связанном с определенными задачами, стоящими перед всадником. Проблема функционального назначения и принцип работы тех или иных частей упряжи, хотя и носят сугубо прикладной характер, постоянно вызывают интерес. Между тем, поскольку такие удила не были зафиксированы на черепе лошади, способ их крепления к оголовью и принцип работы в литературе не рассматривался, что и заставляет остановиться на этом вопросе подробнее.

Удила типа херсонесских служили средством управления конем как в силу толпицы и сечения грызл, так и по принципу работы. В зависимости от способа крепления к оголовью этот принцип мог быть двойным.

В первом случае раздвоенные концы нашечных ремней крепились к кольцам псалия (рис. 5, 1). При этом повод мог крепиться только к стержню псалия между кольцами¹⁷, и грызла оказывали давление на углы рта и заднюю часть беззубого края челюсти лошади и играли роль обычного трензеля.

Во втором случае нашечный ремень мог крепиться к верхнему кольцу псалия, а повод — к нижнему¹⁸. При натяжении повода верхний конец псалия перемещался вперед по ходу лошади, стержни, отходящие от него, — в направлении всадника и вниз. Таким образом, грызла оказывали давление не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть и язык лошади, тем самым усиливали болевые ощущения и застав-

Рис. 6. Граффити из Дура-Европос.

ляли животное быстрее подчиняться всаднику. При таком принципе работы рассматриваемые удила по существу не отличались от современного пелама¹⁹ как средства управления. Надо ли говорить, что именно быстрая и беспрекословная реакция лошади на повод была непременным требованием в условиях конного боя, где жизнь всадника зачастую зависела от его лошади. Судя по инвентарю, почти все захоронения, в которых обнаружена узда рассматриваемого типа, принадлежали воинам-всадникам (табл.)²⁰.

Хотя мундштук как средство управления появился в средневековье, его эффект (т. е. давление не на углы рта, а на всю челюсть и язык), достигающийся креплением повода не к грызлу, а к отходящему вниз рычагу, был известен уже в древности. Достаточно вспомнить известное граффити из Дура-Европос, на котором изображен катафрактий (рис. 6)²¹. На нем четко видны отходящие от рта лошади «щечки», к которым пристегнут повод. Таким образом, ряд перечисленных признаков херсонесских удила и их аналогий позволяет предположить наличие у сарматов уже в первые века н. э. тех навыков в практике управления ло-

Инвентарь сарматских погребений с удилами

Место на- ходки	Конское захо- ронение	Удила (мате- риал)	Другие предме- ты убора лоша- дей	Оружие			Датировка	Где опубликовано
				меч	стрелы	копье		
Херсонес (некрополь)	+	б					Конец I — начало II в. н. э.	ОАК за 1893 г. — СнБ, 1835, с. 70, рис. № 40, 404.
Керчь	+	б, с	+		+		Та же	ЗООИД, 1896, т. 21, табл. В.
Черноречен- ский мо- гильник		ж, б	+	+			III в. н. э.	АП УССР, 1963, т. 13, с. 117—118.
Неаполь Скифский		ж	+	+			Начало II в. н. э.	Выотская Т. Н. Неаполь — столица поздних скифов. — Киев, 1979.
Днепрострой		ж	+	+	+		I в. до н. э.	НА ИА АН УССР, ф. 1, д. 76.
Никольский могильник		ж, б	+	+		+	Вторая поло- вина I — начало II в. н. э.	Труды ГЭ, 1979, т. 20 с. 104.

Условные обозначения: + — наличие; б — бронза; ж — железо; с — серебро.

шадью, которые окончательно оформи-
лись значительно позже.

Появление усиленных средств воз-
действия на лошадь было вызвано мно-
гими причинами, из которых основной,
на наш взгляд, являлось определенное
противоречие: с одной стороны — слож-
ные задачи, стоявшие перед тяжелово-
оруженной конницей, с другой — недо-
статок и несовершенство средств воз-
действия на лошадь (отсутствие седла
и стремян, плохая выездка полудиких
степных коней и т. д.). Выход из тако-
го противоречия заключался или в пла-
номерной качественной п, следовательно,
по, долговременной работе с лошадью,
или в усилении средств воздействия на
нее. То, что на граффити из Дура-Евро-
пос изображен именно катафрактарий,
подтверждает предложенную точку зре-
ния об использовании такого типа удил
тяжеловооруженными всадниками. От-
сутствие в рассматриваемых погребени-
ях защитного вооружения не может

служить опровержением этого вывода,
так как другой инвентарь свидетельст-
вует о том, что эти захоронения при-
надлежали представителям знати, из
которой и формировалась основа тяже-
ловооруженных дружин кочевых наро-
дов.

Помимо рассмотренного конского за-
хоронения с бронзовыми удилами в не-
крополе Херсонеса зафиксировано еще
13 погребений, включавших целые ко-
стяки лошади или их части: зубы, копы-
та, черепа²². В некоторых погребениях
наряду с обычным для античного не-
крополя инвентарем обнаружены хал-
цедоновые пронизи и железные пряжки
от узды²³.

Датировать конские погребения труд-
но, так как захоронения лошадей, как
правило, находились на значительном
удалении от погребальных комплексов,
с которыми они первоначально были
связаны²⁴. Однако, несмотря на такое
положение, все же есть основания

говорить о времени совершения этих погребений в некрополе Херсонеса.

К эллинистической эпохе относится погребение, исследованное с южной стороны базилики 1889 г., где был найден костяк коня, при котором зафиксировано 229 бронзовых бляшек, обтянутых золотом²⁵. Н. В. Пятышева датирует его IV в. до н. э.²⁶ Остальные захоронения, очевидно, относятся к первым векам н. э. Они расположены на участках некрополя, использовавшихся в это время, и, судя по планам раскопок, находились в окружении могил римской эпохи. Конское захоронение № 1650 было совершено в дромосе полностью ограбленного склепа № 1651, который не мог быть построен ранее рубежа н. э.²⁷ Три из пяти погребальных комплексов, в составе инвентаря которых обнаружены части конской упряжи, датируются IV — началом V в. н. э.²⁸

Обычай сопровождать умершего лошастью связан с культом коня, который существовал у многих кочевых народов древности²⁹. Очевидно, такие захоронения в первую очередь следует связывать с погребениями тяжеловооруженных воинов, составляющих ударную силу варварских войск³⁰. Лица, погребенные вместе с лошадью, составляли привилегированную верхушку общества и играли в нем достаточно заметную роль. Захоронения воинов, сопровождавшиеся конем, широко представлены в скифских курганах Северного Причерноморья V—III вв. до н. э.³¹, а позднее — на территориях, занятых сарматскими племенами³². Крым в этом отношении не составлял исключения. Здесь такие погребения, связанные с инфильтрацией сарматов в состав жителей, открыты в боспорских некрополях³³, а также в могильниках населения ближайшей округи Херсонеса³⁴.

Наличие в составе погребального инвентаря частей туши или принадлежностей упряжи также связано с посвящением коня умершему, часто практиковавшееся у сарматов. Захоронение

целой лошади были признаком сравнительно высокого социального положения погребенного в обществе, поэтому основная масса кочевников «ограничивалась тем, что вместе с покойником хоронила только некоторые части туши лошади и сбруи»³⁵. Уже в сарматских погребениях лошадь заменялась конской упряжью³⁶, а в позднесарматских могилах стеной зоны Северного Причерноморья³⁷ и среди сарматизированного населения Юго-Западного Крыма³⁸ это явление становится обычным.

Таким образом, на основании изложенного выше можно говорить о том, что наряду с традиционными типами конского снаряжения (колесо-, кресто- и дуговидные псалии, простые кольчатые удила) в первые века н. э. у сарматов, а затем и в Крыму складывается новый тип удила, предназначенный для тяжеловооруженных всадников. Вместе с тем наличие в херсонесском некрополе частей конской упряжи, в том числе и специфически сарматского типа, а также захоронений лошадей или их частей, что является одной из составных частей сарматского погребального ритуала, позволяет наряду с другими данными³⁹ сделать вывод о непосредственном приходе не только в Юго-Западном Крым, но и в Херсонес сравнительно небольшого количества сарматов, оседавших в городе и ассимилировавшихся в массе греческого населения.

¹ Іллінська В. А. Скифська вузда VI ст. до н. е.— Археологія, 1966, вип. 13, с. 38; Іллінська В. А. Скифська вузда IV в. до н. э.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 42.

² За исключением савроматской узды, специально рассмотренной К. Ф. Смирновым. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 77—98.

³ ОАК за 1893.— Спб., 1895, с. 71, рис. 40, № 404.

⁴ ГЭ, инв. № 82, а, б. Выражаем благодарность В. П. Залеской, любезно предоставившей фотографии удила.

⁵ Штерн Э. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в г. Керчи.— ЗООИД. 1898. т. 21, с. 278, табл. Б1.

- 6 Там же, с. 279.
- 7 *Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник.— АП УРСР, 1963, т. 13, с. 117—118, табл. XV, 8—15.
- 8 *Гайдучевич В. Ф.* Боспорское царство.— М.; Л., 1949, с. 412.
- 9 *Бабенчиков В. П.* Вказ. праця, с. 118.
- 10 Щоденник та журнал розкопів на терені Дніпрозаводбуду в 1930 р.— НА ИА АН УССР, ф. 18, д. № 76, л. 9, черт. 20.
- 11 *Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника.— Труды ГЭ, 1979, т. 20, с. 106, рис. 17, 3.
- 12 Там же, с. 104.
- 13 *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского.— КСИИМК, 1951, вып. 37, с. 170; *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов.— Киев, 1979, с. 202—203.
- 14 Реконструкция убора см.: Археология УРСР. К., т. 2, с. 263.
- 15 *Высотская Т. Н.* Указ. соч., с. 203.
- 16 *Карасев А. Н.* Указ. соч., с. 170; *Шульц П. Н.* Исследование Неаполя Скифского.— ИАДК, 1957, с. 76; *Высотская Т. Н.* Указ. соч., с. 203.
- 17 Именно так был пристегнут повод на сарматских удилах из Никольского могильника и Неаполя.
- 18 Следует отметить, что на удилах из Днепростроя нет дополнительной обоймы для крепления повода, как на неапольских или никольских.
- 19 Пелам — комбинированное средство управления, сочетающее в себе свойства трензеля (подвижные грызла) и мундштука (наличие «щечек»).
- 20 Поскольку нас интересует связь расматриваемых удили со снаряжением воина-всадника, в таблице учтены лишь находки вооружения.
- 21 «Excavations at Dura-Europos», conducted by Yale University and French Academy of Inscription and Letters. Preliminary Report, New Haven, 1929—1955, vol. 2, Tabl. XLII, 1.
- 22 ОАК за 1896.— Спб., 1898, с. 182, 183, № 645, 646, 664, 665; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.— ИАК, 1907, вып. 25, с. 74, 90, № 1650, 1889; *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г.— Хсб., Севастополь, 1927, вып. 2, с. 206, 233, № 124 — 1909, 141 — 1910; *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г.— Арх. ГХЗ, д. № 65, л. 109—110; *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1911 г.— Арх. ГХЗ, д. № 79, л. 2, 14, № 25, 63.
- 23 ОАК за 1896 г.— Спб., 1898, с. 189, № 696; ОАК за 1897 г., 1900, с. 130, № 1000;
- Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9, с. 22—24, 28, № 1416, 1428, 1447.
- 24 *Карасев А. П.* Указ. соч., с. 173; *Бабенчиков В. П.* Вказ. праця, с. 121.
- 25 *Бертъе-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса.— МАР, Спб., 1893, т. 21, с. 35.
- 26 *Пятышева Н. В.* Скифы и Херсонес.— ИАДК, 1957, с. 253.
- 27 *Зубар В. М.* Склепы з пішами-лежанками з некрополя Херсонеса.— Археологія, 1978, вип. 28, с. 42.
- 28 *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г., с. 22—24, 28, № 1416, 1428, 1447.
- 29 *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В кн.: Скифы и сарматы.— Киев, 1977, с. 96.
- 30 *Анфимов Н. В.* Место-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 207.
- 31 Следует отметить, что в некрополях Греции также иногда совершались захоронения лошадей, хотя это и не было характерной чертой греческого погребального обряда. Например, в Афинах лошади, победившие на ристаниях, были захоронены в Афинском Керамике (Ael., De nat. animi XII, 40). Скелет лошади обнаружен при раскопках некрополя Олифа (*Robinson D.* Excavations at Olinthus, 1942, Part 11, p. 90).
- 32 *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23, с. 258—259, 271; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура савроматов.— М., 1964, с. 101.
- 33 *Кубланов М. М.* Исследование некрополя Илурата.— КСИИМК, 1972, вып. 128, с. 82; *Грач Н. Л.* Нимфейская экспедиция Гос. Эрмитажа.— АО за 1973 г. М., 1974, с. 264; *Грач Н. Л.* Раскопки некрополя Илурата.— АО за 1974 г. М., 1975, с. 271.
- 34 *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— Киев, 1972, с. 260; *Высотская Т. Н., Лобода И. Н.* Работы Альминского отряда.— АО за 1974 г., с. 265.
- 35 *Калоев Б. А.* Обряд посвящения коня у осетин.— М., 1964, с. 6.
- 36 *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 102.
- 37 *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— ВССА. М., 1954, с. 215.
- 38 *Бабенчиков В. П.* Указ. соч., с. 105—106; *Высотская Т. М.* Питання етнічного складу населення Південно-Західного Криму початку нашої ери.— Археологія, 1970, вип. 23, с. 97.
- 39 *Зубар В. М.* Про сарматський елемент у пізньобантичному Херсонесі.— Археологія, 1976, вип. 20, с. 44—45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ ДонГУ	— Археологический музей Донецкого государственного университета	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
АМ ХГУ	— Археологический музей Харьковского государственного университета	АН УССР	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АМ ХДП	— Археологический музей Харьковского Дворца пионеров	КСИИМК	— Материалы по археологии России
АО	— Археологические открытия	МАР	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
АП УРСР	— Археологические памятники УРСР	МАСП	— Материалы та дослідження по археології Прикарпаття та Волині
АСБГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	МДАПВ	— Международный конгресс археологических и этнографических наук
ВДИ	— Вестник древней истории	МКАЭН	— Народы Азии и Африки
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии	НАА	— Отчеты археологической комиссии
ГИМ	— Государственный исторический музей в г. Москве	ОАК	— Советская археология
ГИМУ	— Государственный исторический музей Украины	СА	— Свод археологических источников
ГХЗ	— Государственный Херсонский заповедник	САП	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ГЭ	— Государственный Эрмитаж	СГЭ	— Сообщения Херсонского музея
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей	СХМ	— Труды по знаковым системам
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества	ТЗС	— Труды Государственного Эрмитажа
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	ТрГэ	— Труды Института этнографии
ИАДК	— История и археология древнего Крыма	ТрОВГЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ИБАИ	— Известия на Българские Археологическая Институтъ	ТСА	— Труды секции археологии Российской Ассоциации научного изучения общественных наук
ИАИ	— Известия на Археологическая Институтъ	РАНИОН	— Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ИАК	— Известия Археологической комиссии (СПб)	А Ant ASH	— Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии	А Arch ASH	— Archaeologiai Értesítő, Budapest
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	АЕ	— Archaeologia Hungarica. Budapest
АН СССР		АН	

AMN	— Acta Musei Napocensis. Cluj — Napoca	SA	— Slovenská archeologia. Bratislava
AR	— Archeologické Rozhledy. Praha	SC	— Scythia et Caucasia
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki	SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche. București
MCA	— Materiale și cercetări arheologice. București	WMBW	— Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegovina — Wien
PZ	— Praehistorische Zeitschrift. Berlin — Leipzig		

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бессонова С. С.</i> О культе оружия у скифов	3
<i>Шрамко Б. А.</i> Из истории скифского вооружения	22
<i>Ковпащенко Г. Т., Гулало Н. Д.</i> Погребение воина у с. Квитки в Поросье	39
<i>Черненко Е. В.</i> Битва при Фате и скифская тактика	59
<i>Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.</i> Ранне-скифское погребение с оружием из Херсонской области	75
<i>Скорый С. А.</i> Доспех скифского типа в Средней Европе	82
<i>Полин С. В.</i> Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине	103
<i>Горелик М. В.</i> Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол	119
<i>Отрощенко В. В.</i> Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка	121
<i>Гребенников Ю. С., Недопако Д. П.</i> Скифский меч с Нижнего Побужья	126
<i>Симоненко А. В.</i> Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья	129
<i>Зубарь В. М., Симоненко А. В.</i> О снаряжении боевых копий в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья	148
Список сокращений	156

ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ И САРМАТОВ

Сборник научных трудов

*Утвержден к печати
ученым советом
Института археологии
АН УССР*

Редактор

Т. Н. ТЕЛИЖЕНКО

Художественный редактор

И. П. АНТОНЮК

Технический редактор

Г. М. КОВАЛЕВА

Корректоры

Л. С. ТРИЛЕВИЧ,

З. А. ЕРОХИНА,

И. В. ЗАЛОЗНАЯ

Информ. бланк № 7117.

Сдано в набор 21.05.84. Подп. в печ. 23.10.84.
БФ 30796. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Обыкн.
нов. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 12,14. Уч.-изд.
л. 13,99. Тираж 1450 экз. Заказ 4—1458. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4,
ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полнграфкинг». 252057 Киев ул. Довженко, 3 в Нестеровской городской типографии. Нестеров. Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 4951.

НОВИНКА ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКОВА ДУМКА»

Крыжицкий С. Д. Ольвия (историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов).— 1985.— 15 л.— 2 р. 70 к.

В монографии критически проанализирован и обобщен большой, накопленный за все время систематических раскопок Ольвии, материал по архитектурно-строительным комплексам города, его исторической топографии и культурно-исторической периодизации. В свете новейших данных предложена историческая периодизация жизни города и стратификация его напластований. Освещена история археологического изучения Ольвии.

Для археологов, историков, архитекторов, искусствоведов.

Предварительные заказы на эту книгу принимают магазины книготоргов, потребительской кооперации, «Книга—почтой» и «Академкнига».

Просим пользоваться услугами магазина издательства «Наукова думка» (252001, Киев-1, ул. Кирова, 4), который высылает книги иногородним заказчикам наложенным платежом, а также магазинов — опорных пунктов издательства: «Дома книги» (340048, Донецк-48, ул. Артема, 147 а), «Книжного мира» (310003, Харьков-3, пл. Советской Украины, 2/2).